

"Без гроша в кармане"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Луи Буссенар

Без гроша в кармане

ГЛАВА 1

Процветание рекламы. — Странное предложение человека, одетого в газеты. — Женитьба, самоубийство или путешествие. — Серебряный король. — Сорок тысяч километров без гроша в кармане.

Америка — страна самой смелой, самой беззастенчивой, самой сумасбродной рекламы. Янки по натуре хвастун, фантазер и выдумщик; в рекламе он видит продукт своего гения, любит ее, восхищается ею (если она удачна) и в конце концов верит ей, как бы ни была она нелепа...

Однажды в мае 1895 года в шумном и людном Нью-Йорке появились сотни, тысячи громадных афиш, расклеенных повсюду: на столбах, на стенах, на конках, на людях-сандвичах спереди и сзади. Содержали они всего одно объявление, написанное на нескольких языках:

Без гроша в кармане!..

Sans le sou!

Pennyless!

Kein Kreuzer in Sask!

No plata!

Senza solda!

Ki-kiay-Tse!

Буквы были громадные и невольно бросались в глаза. Это действовало. Публика предчувствовала что-то необычное, приманка казалась очень лакомою.

На следующий день появилось другое объявление на английском языке. Оно гласило:

«Кто он? Англичанин? Немец? Итальянец? Испанец? Русский?»

Неизвестно! Но он красив, как античная статуя.

Но он сведущ, как энциклопедия. Но он силен, как Геркулес.

Но он храбр, как лев. И при всем том он совершенный бессребреник: у него нет ни гроша в кармане».

Многие говорили: «А, свадебная реклама!»

Девушки, вдовы и разведенные дамы нашли, что из объявленных качеств первые четыре очень заманчивы, но... как же это так: без гроша? Неужели так-таки совсем без гроша?

На третий день афиши были заменены программами, которые сыпались на публику буквально отовсюду.

Они были впечатляющи. Вверху хромолитографским способом изображался молодец в костюме велосипедиста: красивое выразительное лицо, черные огненные глаза, пухлые губы с чуть насмешливым выражением, при этом широкая выпуклая грудь, могучая мускулатура, руки и ноги атлета.

Вдовы, девицы и разведенные дамы говорили: «Очень, очень красив. И такой представительный! Наверное, он не янки».

Под портретом было подписано крупными буквами:

ГОСПОДИН БЕССРЕБРЕНИК

И затем следовало:

«Жизнь коротка, а борьба за существование становится труднее и труднее. Что делать человеку, когда у него ничего нет, а хочется решительно всего? Он должен испробовать все средства и если не добьется своего, пусть покончит с собою. К такому именно заключению пришел г-н Бессребреник. Это имя он заслужил вполне. У него ничего нет: ни рубашки, ни воротничка, ни даже зубочистки. Он наг, как в момент рождения, и если своим видом не оскорбляет приличия, то только благодаря доброте коридорного гостиницы. Что же думает делать этот джентльмен в таких обстоятельствах? Вот что. Завтра, 13 мая, в роковое число, г-н Бессребреник, в большом зале гостиницы „Космополит“ примет окончательное решение о своей жизни в присутствии избранной публики. Он отдаст себя на волю случая — вверит свою участь двум листочкам бумаги. На одном будет написано грозное слово „смерть“. А на другом... Что? Это почтенная публика узнает ровно в полдень, с боем электрических часов в гостинице „Космополит“.

Жребий будет вынимать кто-нибудь из публики. Если выпадет билет с надписью «смерть», то г-н Бессребреник будет иметь честь пустить себе пулю в лоб. Рекомендуем вниманию публики это зрелище — поистине драматическое и привлекательное. С нынешнего дня г-н Бессребреник принимает желающих его видеть в гостинице «Космополит». Несмотря на отсутствие гардероба, он может принимать даже визиты дам. Г-н Бессребреник — вполне корректный джентльмен. Плата за вход умеренная: один доллар. Она предназначается для покрытия долга хозяину гостиницы.

Приходите же, господа! Приходите смотреть -

Господина Бессребреника».

И публика повалила валом. В первую очередь в гостиницу «Космополит» нагрянули, конечно, репортеры и фотографы. Бессребреника интервьюировали без отдыха, снимали без конца. Доллары сыпались на блюдо, поставленное на конторке у клерка гостиницы.

Масса дам теснилась в зале, разглядывая незнакомца. Слышались восклицания.

В объявлении было сказано верно: Бессребреник не имел одежды, но и не был гол. Он обернулся в номера газеты «Нью-Йорк Геральд» — их одолжил Бессребренику коридорный.

Несмотря на странное одеяние, джентльмен в самом деле был красив, приветлив, остроумно отвечал на разные замечания. По-английски он говорил очень хорошо, но с небольшим акцентом и имел у публики вполне заслуженный успех. Вечером в Нью-Йорке только и говорили, что о Бессребренике. На другой день в большом зале гостиницы «Космополит» яблоку негде было упасть. Преобладали дамы. Они стрекотали, как сороки, истребляя

сэндвичи с прохладительными напитками.

Наконец, загудел большой колокол. Таинственный джентльмен появился в своем газетном одеянии. Он спокойно раскланялся с публикой и знаком попросил внимания и тишины. Перед ним на черном столике лежал револьвер.

— Милостивые государи и милостивые государыни! — сказал он звучным голосом, без малейшего волнения. — Для меня наступил решительный час. Почтенный клерк гостиницы, мистер Филипп напишет на двух одинаковых билетиках: «смерть» и «путешествие»...

Немедленно раздались громкие крики:

— Держу за смерть!

— А я за путешествие.

— Тысячу долларов!

— Десять тысяч!

— Сто тысяч!

Когда все пари состоялись, джентльмен продолжал:

— У меня очень мало шансов уцелеть, потому что предстоящее путешествие будет каждую минуту грозить смертью. Я совершу его — кругосветное, на сорок тысяч километров — за год, не имея в кармане ни единого гроша. Если через триста шестьдесят пять дней...

— Хотите пари? — раздался голос какого-то янки.

— Разумеется.

— Сколько?

— Два миллиона долларов, — отвечал джентльмен.

— А если вы проиграете?

— Сможете меня застрелить.

— Нет уж, потрудитесь проделать над собой эту операцию сами.

— Извольте. По рукам?

— Меня зовут Джим Сильвер, серебряный король. Если выиграете вы, моя фирма платит вам немедленно...

— Погодите. Сперва ведь еще нужно узнать, умереть мне или путешествовать.

Тем временем мистер Филипп надписал два одинаковых билетика и попросил у кого-нибудь из публики шляпу. Джим Сильвер предложил свою.

— Так как я держу с вами пари, то не позволите ли мне самому вынуть? — спросил Джим Сильвер.

— Пожалуйста, — отвечал Бессребреник, скрестив на груди руки. Вопрос шел о его жизни и смерти, а между тем он был невероятно спокоен. У дам при этой чисто американской сцене захватило дух. Джим Сильвер опустил руку в шляпу. Бессребреник взял револьвер и взвел курок... В этот момент раздался громкий женский крик:

— Пойдите!.. Пойдите!.. Не надо, не надо!.. Я готова выйти замуж за этого джентльмена!..

Тогда поднялся целый ураган возгласов. «Вот как! Свадьба!.. » Никто не ожидал такой пошлой развязки.

Но и у дамы, сделавшей неожиданное предложение, тоже нашлись сторонники, закричавшие «браво». Ее подняли на эстраду, где стоял Бессребреник.

Дама была прелестна — белая, розовенькая, с жемчужными зубами и коралловыми губками, с белокурыми волосами горячего оттенка. Она так мило смотрела на таинственного джентльмена добрыми голубыми глазами, ожидая ответа... Но Бессребреник молчал. Тогда дама проговорила:

— Я — миссис Клавдия Остин, вдова Джоффри Остина. Мне двадцать два года, я бездетна и имею состояние в полтора миллиона долларов. Хотите жениться на мне? Я готова хоть сию минуту. Среди публики, наверное, найдется пастор, и даже не один.

Мало кто из присутствовавших сомневался, что Бессребреник примет предложение. Но этот человек, не имевший за душой ничего, даже одежды, дал совершенно неожиданный ответ:

— Сударыня, ваше предложение делает мне огромную честь. Ваша красота достойна трона... Но — простите меня, я не могу на вас жениться.

— Вы отказываетесь!.. — вскрикнула миссис Остин, побледнев, как смерть.

— Увы, да!.. Во-первых, я не чувствую себя способным дать счастье женщине, а во-вторых, не желаю себя продавать. Золотая цепь все-таки цепь, а я всего больше дорожу свободой.

Он грациозно поклонился, при этом его газеты зашелестели. Было очень смешно, но почему-то никто не засмеялся.

— Я почувствовала к вам сострадание, — надменно выговорила миссис Клавдия. — Вы не захотели... Будете потом жалеть.

— Разумеется... если только через четверть минуты не прострелю себе висок.

С этими словами Бессребреник сделал Джиму Сильверу быстрый знак. Серебряный король с самого дна шляпы достал билетик и начал его медленно, методично разворачивать, раздражая нетерпение публики.

Бессребреник приставил дуло револьвера к виску.

ГЛАВА 2

Путешествие. — Реванш дяди Тома. — Бессребреник превращается в сэндвич. — Лучшая вакса в мире! — Зачем Снеговик наваксил Бессребренику ноги. — Снаряжение и вооружение. — Пиф и Паф.

Некоторые дамы закрыли глаза руками, расставив, однако, слегка пальцы...

— Путешествие, — глухим голосом, точно фонограф, произнес серебряный король. — Джентльмен, вы должны пройти в продолжение года сорок тысяч километров.

— Ладно, — отвечал с полным бесстрашием Бессребреник.

— Когда вы отправляетесь?

— Сейчас.

— Ставлю миллион долларов против джентльмена, — вскричала миссис Клавдия Остин, жертвуя с досады двумя третями своего состояния.

— Идет! — отозвался Джим Сильвер. — Этот миллион будет моим!

— Я твердо уверена, что выиграю! — проговорила миссис Остин.

Джентльмен молча поклонился и пошел к дверям. Толпа расступилась перед ним. У дверей он еще раз поклонился и сказал: «Леди и джентльмены! Мое путешествие начинается».

Что говорить, затея была оригинальная, вполне в духе конца столетия — пройти в один год сорок тысяч километров, отказываясь от денег совершенно!.. Бессребреник должен был при этом питаться плодами своих рук или своей головы.

По улице он пошел широким шагом и вдруг остановился перед негром, чистильщиком сапог, который смотрел на него, покатываясь от хохота. Бессребреник подумал: «Я прошел шесть метров. Когда заработаю достаточно денег, чтобы купить записную книжку и карандаш, занесу их в счет. Кроме того, нужно будет запастись шагомером и привязать его к ноге, чтобы не терять ни одного пройденного вершка...» Придя к такому заключению, он очень вежливо поклонился негру, который надменно смерил его глазами с головы до ног и не удостоил ответного поклона.

— Не нужен ли вам помощник? — спросил Бессребреник черного джентльмена.

Негр покотился со смеху.

— Хи-хи-хи!.. Белый хочет чистить сапоги постояльцам гостиниц и прохожим!

— Да, я очень беден и хочу заработать несколько пенсов на хлеб.

— А я не хочу делать вас чистильщиком... Это слишком хорошее ремесло для такого бродяги, как вы.

Из гостиницы «Космополит» толпою выходила публика и окружала их, с любопытством следя за первыми шагами кругосветного путешественника.

Негр что-то обдумывал, всей пятерней почесывая курчавую голову. Но вот снова раздался его смех.

— Хи-хи-хи!.. Я с вами проверну хорошенькое дельце, если пожелаете.

Бессребреник холодно ответил:

— У меня нет выбора; я согласен на все, что потребуете.

— Прекрасно. Хотите служить мне сэндвичем?

— С удовольствием.

— Так ставьте же скорее свою ногу на мой ящик, как будто бы на вас обувь.

Бессребреник послушно исполнил приказание, негр взял щетку, плюнул на нее, помазал ваксой и принялся чернить ему ступню и голень.

— Лучшая вакса в мире! — проговорил негр.

— Я уверен в этом! — невозмутимо согласился джентльмен.

Негр точно так же наваксил ему и другую ногу; обе блестели, как лакированные сапоги.

— Так как вы теперь сэндвич для моей ваксы, то войдите в ручей и докажите, что эта вакса от воды не сходит.

Бесстрастные черты Бессребреника осветились улыбкой.

— Вы самый догадливый из чистильщиков сапог, — сказал он. — Как ваше имя?

— В гостинице «Космополит» меня все зовут Снеговик.

— Вы и похожи... Итак, господин Снеговик, вы очень умный джентльмен. Я сделаю, что вы приказываете.

— Погодите минутку, — сказал негр, обрадованный этим комплиментом.

Обмакнув палец в ваксу, он крупными буквами намазал на газетном листе, прикрывавшем спину Бессребреника:

«Лучшая в мире вакса!

Продается у джентльмена чистильщика

при гостинице «Космополит».

Бессребреник хотел уже идти, но Снеговик опять задержал его.

— Погодите. Вы — сэндвич; я напишу на вас это объявление и спереди.

— Справедливо. Но сколько же вы заплатите за мой труд?

— Я не богат... Могу дать вам старые брюки, кусок хлеба и томатов...

— Вы не из щедрых... Почему продаете свою ваксу?

— По шиллингу за коробку.

— Продавайте по два доллара, и разделим прибыль пополам.

— Два доллара!.. С ума спятили!

— Это вы осел.

— Молчать!.. Я ваш хозяин...

— Довольно! — резко остановил его джентльмен. — Или я вас брошу в ручей.

Негр стусевался и принял условие Бессребреника, хотя и не понял идеи.

Бессребреник степенно вошел в ручей, а из окон и с улицы на него смотрели зрители, кричавшие от восторга.

Вакса выдерживала воду. Бессребреник добросовестно перебирал ногами, чтобы показать ее прочность.

— Фи, господин Бессребреник! — раздался вдруг ироничный голос. — За какое ремесло вы взялись!

Джентльмен в это время отсчитывал:

— Сто двадцать шесть! Сто двадцать семь!..

Он обернулся и увидел миссис Остин, смотревшую на него с презрением. Молча поклонился и продолжал считать шаги.

Сбежались репортеры и с криком «ура!» писали что-то в своих блокнотах. Рисовальщики набрасывали эскизы и опрометью мчались в редакции. Фотографы наводили моментальные аппараты и знай пощелкивали ими. Конки звонили, локомотивы били в колокола в честь Бессребреника. Деревянный ящик с коробками ваксы подвергся штурму. Снеговик продавал ее по три, по четыре, даже по шести долларов за коробку. Менее чем в десять минут все было расхвачано. Сбор равнялся ста долларам. Негр волосы рвал на себе с досады, что у него оказалось так мало ваксы.

Бессребреник возвратился к своему патрону. Снеговик хотел в восторге броситься к нему на шею, но джентльмен отстранил его.

Негр добросовестно разделил прибыль и сказал:

— Послушайте, давайте заключим союз... Мы наживем с вами миллион...

— Вы знаете латынь? — спросил его Бессребреник.

— Это еще что такое?.. Нет, не знаю.

— Жаль. А то бы я сказал вам: *non bis in idem*.

— Что это значит?

— Это значит... что в один день нельзя продать два раза на сто долларов ваксы.

— Да отчего же?..

— Прощайте. Мы квиты.

— Неужели не увидимся завтра? — захныкал негр.

— Возможно, увидимся. Мудреного в этом ничего нет... Ну да, конечно, я приду сюда завтра.

Почти напротив находился магазин готового платья. Бессребреник вошел в него и купил себе полную пару из синего шевиота за пятнадцать долларов и тут же, в задней комнате магазина, переоделся. Теперь он стал больше походить на порядочного человека, хотя у него еще не было ни белья, ни обуви.

Захватив под мышку газеты, прикрывавшие его наготу, он отнес их в гостиницу и возвратил коридорному, дав в придачу два доллара на чай. Снеговик сейчас же прибежал и купил все эти газеты за 10 долларов, считая их талисманом.

На оставшиеся деньги Бессребреник приобрел себе белье, шляпу, серую блузу, лорнет с дымчатыми стеклами, записную книжку с карандашом, шагомер и, наконец, револьвер Кольта. После всех покупок у него осталось шесть долларов; с этими деньгами он вернулся в гостиницу. У подъезда достал книжку и на первой странице написал — 40 000 000 метров, а на другой, напротив этой цифры — 857 метров, то есть расстояние, какое он уже прошел.

Клерк гостиницы мистер Филипп встретил его, как старого знакомого, и записал в список постояльцев. За комнату взяли два доллара, за обед

— доллар. У Бессребреника осталось, таким образом, три доллара. На них он купил дюжину сигар с принадлежностями для закуривания и остался с шестью шиллингами и семью пенсами. Отворив окно, он выбросил деньги на мостовую и, вздохнув с облегчением, сел в кресло-качалку, покуривая сигару и бормоча:

— Ну вот! Я теперь опять свободен, опять бессребреник и могу отдохнуть.

Только он подумал об отдыхе, как у двери зазвенел электрический звонок. Досадуя, джентльмен вскочил с кресла и пошел отворять. Вошли две какие-то темные личности, похожие на сыщиков.

— Что вам угодно? — нахмурился Бессребреник.

Один из незнакомцев притронулся к засаленному борту поношенной шляпы и отвечал:

— Я — мистер Пиф, а это мой товарищ — мистер Паф.

ГЛАВА 3

Будущие спутники. — По телефону. — Приглашение на «цветной» обед. — Соплевание. — Лакей Бессребреника. — 15000 франков сбора. — Спички в две с половиной тысячи франков.

Худой, как гвоздь, длиннолицый, крючконосый, с большим и тонким, точно саблей прорезанным, ртом, лопухий, в длинном поношенном сюртуке, мистер Пиф напоминал Дон-Кихота, переряженного в пастора, лишенного сана. Глаза у него были холодные и проницательные.

Мистер Паф представлял резкую противоположность своему товарищу. Круглый, коротконогий, с огромным животом, с апоплексической шеей, грушеобразным красным носом, двойным подбородком, с перстнями на жирных руках, он имел вид обжоры и пьяницы; однако взгляд у него был замечательно быстр и энергичен.

Бессребреник смотрел на них, как человек, желающий поскорее сплавить докучливых посетителей.

Мистер Пиф продолжал своим густым басом:

— Мистер Паф — бывший сыщик... Я тоже... Мы вновь обратились к нашей специальности благодаря мистеру Джиму Сильверу.

— Да мне-то какое до этого дело?

— Очень большое. Мистер Сильвер поручил нам повсюду сопровождать вас.

— Как?.. Что?..

— Дабы следить за точным исполнением условий заклада.

— Действительно ли у меня не будет даже гроша в кармане — это нужно проверить?

— Именно. За довольно кругленький гонорар мы обязались дать серебряному королю подробный отчет о вашем оригинальном путешествии.

Мистер Паф перебил коллегу пронзительным голосом:

— При этом запрещено помогать вам в чем бы то ни было.

— Я ни за чем к вам и не обращусь! — воскликнул Бессребреник. — Но скажите, пожалуйста: для чего, собственно, сей визит?

— Все очень просто, — вежливо, совсем не в американском духе отвечал мистер Пиф. — Вы — джентльмен выдающийся, и, чувствуя к вам большую симпатию, мы сочли долгом представиться. Ведь видеться придется ежедневно!

— Сказать по правде, я не предвидел такого надзора за собой, но он мне нисколько не мешает, и потому охотно готов пожать вам руки, прежде чем сказать «до свидания».

Пиф и Паф остались очень довольны приемом и, попрощавшись, немедленно отправились занять номер в гостинице.

Только Бессребреник снова закурил сигару и уселся в легкое кресло-качалку, как зазвонил телефон.

«Опять!» — полусмеясь-полусердясь подумал он.

— Господин Бессребреник!

— Что угодно?

— Хотите писать корреспонденции в «Нью-Йорк Геральд», пока будете путешествовать?

— Отчего же нет?

— Редакция заплатит вам сколько пожелаете.

— Я согласен на обыкновенный ваш гонорар.

— Два шиллинга за строчку.

— Отлично!

Бессребреник подумал про себя: «Это будет мне хорошей поддержкой».

Он снова бросился в качалку и закурил сигару. Но опять зазвонил телефон.

Бессребреник начал уже сердиться.

— Господин Бессребреник!?

— Я.

— Не возьмете ли вы фотографический аппарат фирмы...

— Нет!

Другой собеседник предложил:

— Не хотите ли принять макинтош от фирмы...

— Нет!

— Мистер Бессребреник!.. Мистер Бессребреник!.. Важное дело!..

— Что такое?

— Не прочтете ли вы сегодня лекцию в Политехническом зале?

Новый вопрос:

— Мистер Бессребреник, не примете ли вы от ваших поклонников приглашение на послезавтра на «цветной» обед в Чикаго?

— С удовольствием!

— Итак... мы на вас рассчитываем.

Телефон продолжал звонить. В сердцах Бессребреник вырвал из аппарата блестящий черный шнур, ударив им об пол, будто плеткой.

— Довольно!.. Голова трещит! Сегодня — лекция, завтра поездка в Чикаго на «цветной» обед... Довольно, довольно!

Избавившись от телефона, джентльмен спокойно докурил сигару, покачался в кресле и заснул. Проснувшись к обеду, он с большим аппетитом поел, потом привязал к ноге шагомер и пешком отправился в Политехнический зал читать лекцию.

У дверей гостиницы он увидел негра Снеговика и в свою очередь расхохотался: Снеговик оделся в газеты, которые прежде прикрывали Бессребреника, и старался продавать ваксу. Но торговля шла плохо: он назначил сумасшедшую цену, и над ним только смеялись.

Истратив все деньги, он вынужден был теперь кусать локти. Увидав Бессребреника, негр смиренно приблизился к нему и жалобно проговорил:

— Бедный Снеговик несчастен. Он разорился. Торговля его пропала. Не нужен ли вам слуга?

Джентльмену стало жаль его. Совсем не подумав о том, что придется кормить и таскать за

собой лишнего человека, он сказал:

— Ступай за мной.

От радости Снеговик подпрыгнул, одним взмахом руки сбросил в ручей все принадлежности своего ремесла и, улыбаясь до ушей, пошел за новым хозяином.

Когда Бессребреник вошел в зал, он был набит до отказа. Джентльмена встретили громкими аплодисментами и криками «браво!». В первом ряду сидели мистеры Пиф, Паф и миссис Остин с карандашом и книжкой в руке.

Поставив за собой слугу, Бессребреник поклонился публике и начал лекцию. Он не готовился совершенно, говорил по вдохновению и решительно обо всем: о больших путешествиях, о мореплавании, о воздушных шарах, о медицине, о кухне, о политической экономии, о промышленности, рассказывал удивительные истории о невероятных приключениях, трюнил над американцами вообще и над своими слушателями в частности, продернул Джима Сильвера, серебряного короля, Пифа и Пафа, а под конец и самого себя. Лектора хотели нести на руках, до такой степени его беседа понравилась публике. Сбор оказался превосходным: около 15 000 франков. Для человека, не имеющего в кармане ни гроша, это было очень и очень много. Бессребреник тут же послал слугу приобрести приличную одежду и купить в конторе зала два билета до Чикаго. Как известно, железнодорожные билеты продаются в Америке везде.

Через двадцать минут Снеговик вернулся, одетый ковбоем. Этот костюм — давнишняя его мечта — стоил 500 франков. В гостинице за помещение и стол было заплачено до следующих суток. У джентльмена оставалось, таким образом, еще 2850 долларов. Их следовало куда-нибудь сбыть, чтобы не нарушить условий пари.

Золото и серебро он разменял на банковские билеты и достал портсигар, где лежали четыре сигары. Одну он предложил мистеру Пифу, другую мистеру Пафу, третью Снеговиду, а четвертую взял себе. Затем свернул фитилем билет в 500 долларов и приказал слуге:

— Держи и стой смирно!

Точно так же свернул еще три билета, два из них отдал сыщикам, а четвертый оставил у себя.

— Зажигай! — велел он негру, указывая на газовый рожок для курильщиков.

Негр скорчил рожу и хотел что-то сказать, но Бессребреник перебил:

— Слушайся или ищи другого хозяина!

Негр с отчаянием исполнил приказание.

— Хорошо. Подай теперь огня этим господам.

Негр подал Пифу и Пафу горящую бумагу, от которой те зажгли свои билеты. Как настоящие американцы, они поняли и оценили поступок Бессребреника. И, сделав несколько затяжек, протянули ему руки:

— Вы — большой человек. И, надо полагать, далеко нас заведете.

— Я уверен в этом... Эй, Снеговик! В нашей кассе осталось еще 850 долларов. Возьми их себе.

До завтрашнего дня можешь их пропить, проиграть, проесть, потерять... Но помни, что ты не имеешь права держать при себе хотя бы грош, покуда мы вместе. Не забудь также, что завтра в восемь часов утра едем в Чикаго.

ГЛАВА 4

Нечего есть. — Опять миссис Клавдия. — Черный обед в воспоминание о первом дебюте. — Мнение Бессребреника об оригинальном обеде. — Нефтяная королева. — Проект обогащения. — Телеграмма. — Басня о молочнице и крынке молока. — Компания. — Господин и госпожа Бессребреники.

На станции, откуда отходил поезд в Чикаго, Бессребреник застал, как ожидал, Пифа и Пафа. После вежливого обмена приветствиями все трое сели в один вагон. Снеговик расположился рядом со своим господином. Они устроились и стали ждать свистка.

Наконец, тяжелая машина, вздрогнув, тронулась.

Оба сыщика уселись по-американски, опустив головы, положив ноги на спинку противоположного кресла. Снеговик, быстро перенимавший хорошие манеры, последовал их примеру, а для большей устойчивости еще и зацепился шпорами за обивку дивана. На диване сидел как раз его господин; но последний нашел эту фамильярность вполне естественной.

Поезд, выбрасывая клубы дыма, минуя города, местечки, мосты, мчался через туннели, равнины, к великому изумлению негра, который до тех пор не мог себе вообразить, что свет так велик. Возбуждая костюмом ковбоя всеобщее любопытство, он был счастлив, принимал важные позы, выпячивал грудь, вообще рисовался.

Но от Нью-Йорка до Чикаго дорога длинная, и после пяти-шести часов пути Снеговик почувствовал, что голоден, о чем и сообщил своему хозяину. Тот воскликнул:

— Ах, а я об этом и не подумал!.. Только, видишь ли, у меня нет ни гроша в кармане; придется затянуть потуже пояса.

Пиф и Паф вернулись в эту минуту из вагона-буфета, плотно закусив, веселые, с зубочистками во ртах.

Снеговик, высунувшись из окна, впитывал в себя кухонные ароматы, которыми благоухал воздух, и бормотал:

— Плохой вы негр, мистер Снеговик! Не приходится вам зажигать сигару зеленой бумажкой!.. Денег ни гроша, поесть не на что!.. Другой раз надо откладывать деньгу... экономить!

— Попадись мне только с этим! — проворчал Бессребреник... — Вздумал экономить!.. Захотелось моей смерти?..

Делать было нечего: голодный негр и голодный господин старались проспять те мили и часы, которые еще оставалось проехать. Их разбудил крик кондуктора.

— Чикаго!.. Чикаго!..

Выйдя из вагона, Бессребреник, никогда ничему не удивлявшийся, немало изумился при виде молоденькой женщины, одетой в изящный дорожный костюм. В руках у нее был плед на ремнях.

— Здравствуйте, мистер Бессребреник.

— К вашим услугам, миссис Остин.

— Куда вы?

— Еду на «цветной» обед.

— К кому?

— Не знаю.

— Какая улица?.. Какой номер?

— И того не ведаю.

— И вы уехали из Нью-Йорка, не справившись?..

— Тот, кто пригласил меня, сумеет отыскать... А вы?.. Вы здесь какими судьбами?

— Я приехала этим же поездом. Вам не неприятно будет пройти со мной под руку?

— Буду весьма польщен, очень счастлив...

Несметное полчище репортеров, фотографов, рисовальщиков, просто любопытных собралось на перроне. Миссис Остин взяла под руку джентльмена; Снеговик последовал за ними, Пиф и Паф делали все возможное, чтобы толпа не оттерла их.

— Бессребреник! Бессребреник! — кричали репортеры. — Где вы, мистер Бессребреник?

Неузнанный джентльмен уже был на улице, между тем как его искали по всем углам вокзала.

— Как же вы намерены поступить дальше? — спросила миссис Клавдия.

— Остановлюсь в «Атенеуме», объявлю о своем прибытии и стану зарабатывать на пропитание.

— В таком случае проводите вначале меня...

— Я только что собирался просить доставить мне эту честь.

Они шли около получаса, и молодая женщина, наконец, остановилась перед роскошным отелем.

— Войдемте, — предложила она.

Бессребреник последовал за любезной хозяйкой.

Они очутились в великолепном зале, где было несколько джентльменов и леди в нарядных туалетах. При появлении миссис Клавдии и ее спутника поднялся легкий ропот.

— Господа, позвольте представить мистера Бессребреника — героя дня... Он принял приглашение на обед, которое я послала в Нью-Йорк. Мистер Бессребреник, — обратилась она к нему, — вы здесь у меня в гостях. Позвольте руку, и пройдемте в столовую.

При этих словах молодая женщина сбросила серый каш-пусьер, окутывавший ее с головы до

ног, и появилась в черном атласном платье-декольте, с черными жемчужинами в ушах и звездой из черных бриллиантов, воткнутой во вьющиеся пряди пепельных волос...

Мистер Бессребреник был ослеплен. Он вежливо поклонился и проговорил:

— Вы — волшебница!

Все пошли в столовую, и при виде ее странного убранства у молодых леди вырвались восклицания испуга.

Следует сказать два слова о «цветных» обедах — странной, оригинальной выдумке американцев.

На этих обедах — голубых, желтых, зеленых или лиловых — все должно приближаться по тону к тому цвету, который избрала хозяйка дома.

Все должно быть розовое или голубое, лиловое или желтое: убранство столовой, посуда, туалеты дам, блюда, десерт, бутоньерки у мужчин, даже драгоценные камни.

Самый обыкновенный — розовый обед: торжество лососины, ростбифа, биска, томатов, креветок, кремов, редиски, красиво убранных пирожных, фруктов, роз.

— Насколько я знаю, еще никто не давал черного обеда, — сказала, улыбаясь, миссис Клавдия. — И вот мне, женщине эксцентричной, пришло в голову устроить такой обед в честь ваших дебютов, мистер Бессребреник. Как вы находите, мой план выполнен успешно?

— Чудесно! — отвечал, смеясь, джентльмен. — Невозможно, наверное, более своеобразно напомнить о недавнем прошлом тому, кто служил живой рекламой черной ваксы... Кстати, куда девался Снеговик, мой бывший хозяин, а теперешний слуга?

— Не беспокойтесь. Мистер Пиф и Паф взяли на себя заботу о его черной персоне.

— Прекрасно.

Гости разместились по указанию хозяйки, и мистер Бессребреник, сидевший по правую ее руку, не без иронии смотрел на представившееся зрелище.

А зрелище было странным и мрачным: огромная столовая, вся обтянутая черным, в том числе и потолок. Черный ковер на полу, стол, накрытый черной бархатной скатертью, на которой лежали меню и карточки с именами гостей, написанные белым по черному. Салфетки были черные, как и посуда и серебро. Прислуживали, само собой, негры, черные как уголь. Все дамы оделись в черное, и единственные украшения, допущенные хозяйкой, состояли из черных бриллиантов, черного жемчуга и оксидированного серебра.

Впечатление от такого стола под волнами электрического света, лившегося с черного потолка, получалось действительно необычайным, и гости громко восхищались. Кушанья, которыми был уставлен стол, представляли целую гамму цветов, начиная от коричневого до совершенно черного.

Здесь были колбасы и всякие припасы: черная редька, черный хлеб, поджаренное мясо с темными, странными на вид и на вкус соусами. Вино подавалось густого фиолетового цвета, как чернила, а кофе, естественно, черный. Белого было — только женские плечи, мужские манжеты и манишки, да и то многие нарядились в черное, поистине ужасное белье...

Мистер Бессребреник после шестнадцатичасового путешествия не страдал отсутствием аппетита. Однако, не выпуская куска изо рта, он был любезен со всеми. Миссис Клавдия, сделавшая попытку удивить джентльмена, очень хотела знать, как понравилась гостю эта американская веселость под катафалком.

Она подозревала, что мистер Бессребреник — иностранец, может быть даже француз, и вполне сознавала отсутствие хорошего вкуса в своем празднике. Мнение Бессребреника хозяйка ставила особенно высоко, так как вообще относилась к нему далеко не равнодушно.

Любила ли она его?.. или ненавидела?.. Наверное, и то и другое вместе. Может, как раз оттого, что этот иностранец отнесся к ней равнодушно, миссис Клавдия обратила на него более внимания, чем на кого-либо другого. Кроме того, знакомство с ним ее интересовало, создавало ей успех, обращало внимание на ее поступки, а ради рекламы она готова была пожертвовать многим.

— Скажите, наконец, что вы думаете обо всем этом? — спросила она мистера Бессребреника.

— О чем именно?.. о поваре?.. о кушаньях?..

— Мне хотелось бы знать ваше мнение обо всем.

— Что же! Повар ваш совершил подвиг... придумать такие блюда — настоящий подвиг... Убранство тоже экзотично... А что касается гостей, я скажу, что они — янки — умеют ценить подобные проявления оригинальности.

Миссис Клавдия капризно покачала своей хорошенькой головкой — пепельные кудри еще рельефнее выделились на черном фоне — и, соорудив гримаску, проговорила:

— Вы несколько жестоко относитесь и к моему празднику, и к его устроительнице...

— Намереваетесь защищать янки и признаете у них вкус?

— Я как американка...

— Вы прежде всего женщина; ваш каприз — закон, и вы имеете на то право.

— Вы уклоняетесь от ответа... Мой обед...

— Я говорю, что очень приятно быть такой богатой и предлагать гостям подобные увеселения...

— О, я знаю, что об этом подумают в Америке! Но в Европе?.. Вы не американец?

— Кто знает...

— Вы француз?

— Может быть.

— Парижанин?

— Я — человек без гроша в кармане.

— Но от вас зависело сделаться миллионером!

— Куда мне!..

— Вы имели бы солидное состояние, и в два-три года оно могло удвоиться.

— Благодарю за хорошее обо мне мнение.

— Я — владелица нефтяных источников, открытых недавно в Дакоте.

— Мельком слышал об этом.

— Там теперь возник целый городок — Нью-Ойл-Сити, будущий соперник многолюдного Петроли-Пенсильвании... Мистер Джай Гульд — золотой король, мистер Джим Сильвер — серебряный, а я сделаюсь нефтяной королевой. У меня будет дворец в Нью-Йорке, коттедж в Иеллоустонском парке, собственный салон-вагон на всех железных дорогах, отель в Париже, вилла в Ницце, яхта в тысячу тонн на океане... Я буду сиять по своему капризу на землях и морях то одного, то другого полушария.

— Вы не находите, что все это очень утомительно? — спросил равнодушным тоном джентльмен.

Но восклицания, вызванные у гостей планами на будущее красавицы хозяйки, заглушили вопрос Бессребреника.

Все знали историю быстрого обогащения миссис Клавдии: ее покойный муж — молодой инженер, погибший в одной из железнодорожных катастроф, разбогател благодаря счастливой случайности. Став вдовой, миссис Остин не продала земли, на которой оказались нефтяные источники, но продолжила их разработку, заставив всех, от последнего рабочего до главного инженера, повиноваться себе.

За полтора года она получила полтора миллиона долларов и положила их в банк как неприкосновенный капитал.

Ею многие восхищались, и у красивой, образованной, деловитой женщины не было недостатка в женихах.

Говоря со своим гостем, она возвысила голос, так что присутствовавшие слышали ее. Все серьезно верили в возможность осуществления грандиозной мечты хозяйки и отнеслись к ней с шумным восторгом. Один из гостей встал и, подняв бокал с фиолетовым вином, предложил тост:

— Леди и джентльмены! Божественная миссис Клавдия Остин позволила мне поднять бокал в честь ее. Пью за здоровье королевы ума, королевы красоты и, надеюсь, в скором времени — нефтяной королевы...

В это время в комнату вошел метрдотель. Одетый в безукоризненный черный костюм, он был единственным из слуг с белым лицом.

Представьте ужас хозяйки! Это бледное лицо нарушило господствующий тон обстановки... И другая непростительная оплошность: непрошенный гость держал в руках не черный поднос, а белый.

А на подносе?..

— Что такое, мистер Шарп?..

— Важная телеграмма.

— Откуда вы знаете?

— Я прочел ее и, смею думать, правильно сделал.

Миссис Клавдия развернула депешу.

Телеграмма оказалась длинной. Когда она закончила чтение, губы ее побледнели так же, как и щеки.

Впрочем, то было единственным проявлением волнения — руки не дрожали и глаза сверкали.

Наступило тяжелое выжидательное молчание.

— Будем же продолжать веселиться, — обратилась миссис Клавдия к гостям, но голос ее как бы потерял некоторую долю звучности.

Затем, обращаясь к джентльмену, предложившему тост, она прибавила:

— Нефтяная королева благодарит вас за добрые пожелания.

К ней вернулось спокойствие, щеки снова порозовели. Она передала телеграмму Бессребреннику.

— Я думаю, вы поступили благоразумно, не женившись на мне.

Джентльмен бросил на нее вопросительный взгляд.

— Прочтите, — сказала она, — и вы все поймете.

Он повиновался:

«Доводим до вашего сведения, что ковбои осаждают Нью-Ойл-Сити. Нефтяные цистерны горят. Собираются взорвать колодцы динамитом. Рабочие сопротивляются, но боимся, что нельзя будет долго продержаться. Убытки громадны. Бедствие ужасное. Необходимо скорое решительное вмешательство. Иначе — разорение. Просим немедленно прислать инструкции. Гаррисон, главный инженер».

Бессребреник возвратил телеграмму миссис Клавдии, которая пристально глядела на него:

— Что вы на это скажете?

Он ответил с ироничной улыбкой:

— Когда мне своим трудом удастся заработать достаточную сумму денег...

— Вы дадите мне займы?..

— Нет, постараюсь отложить три шиллинга...

— Чтобы?..

— Чтобы купить экземпляр басен Лафонтена.

— Это еще что такое?

— Я предложу вам одну из них... Когда вы прочтете «Молочницу и крынку молока», то убедитесь, что нет кувшина, который не мог бы опрокинуться.

— Можно подумать, мое несчастье доставляет вам удовольствие.

— Нет, я отношусь к нему равнодушно. Впрочем, будет любопытно посмотреть, как вы выпутаетесь из затруднения.

— А если я попрошу вас о помощи?..

— Подумаю... Хотя помощь от человека, у которого нет ни гроша, весьма сомнительна.

— Вы — необыкновенный человек!

Она говорила тихо, и со стороны казалось — равнодушно, так что гости ничего не поняли.

Общая беседа снова оживилась, и телеграмма стала забываться.

Правда, гости находили, что хозяйка слишком внимательна к этому странному господину, хотя тут же извиняли ее — как-никак он был знаменитостью!

— Послушайте, — продолжала миссис Клавдия. — Вы отказались жениться на мне, и я даже смогла рассердиться... Теперь, вероятно, у меня уже ничего нет, и я предлагаю вам не брак, но дружбу. Почему миссис Бессребренице не стать товарищем мистера Бессребреника?

— Да, это идея!

— Вы принимаете?

— Без сомнения! Только с одним условием — чтобы вы действительно не имели ни гроша.

ГЛАВА 5

Первые затруднения устранены. — Не хватило трех су! — На поезде. — «Негодные земли» Небраски. — Последние бизоны. — Ранчо. — Первая встреча с ковбоями. — Битва. — История кондуктора, съевшего свою хозяйку.

Таким образом, отношения между миссис Остин и крайне своеобразным джентльменом, прозванным «Бессребреником», упрочились и одновременно усложнились. Они стали товарищами, составив синдикат двух бедняков и положив начало фирме «Без гроша в кармане и К°».

Бессребреник, возможно, был наиболее богатым из двух компаньонов — его состояние равнялось нулю, тогда как миссис Клавдия не знала, не обернулось ли ее разорение несколькими сотнями тысяч долга.

Без колебания она решила немедленно отправиться в дикую пустынную Дакоту, в самый центр восстания, чтобы принять личное участие в борьбе.

У янки много недостатков, но одного достоинства у них оспаривать нельзя — энергии,

соединенной со смелостью. Ничто не в состоянии смутить или обескуражить янки. Он с совершенным хладнокровием переносит самые ужасные бедствия и, в случае надобности, без колебания жертвует жизнью, стремясь остаться победителем в «борьбе за существование».

Храбрая женщина обсудила свой план с джентльменом.

— Значит, мы едем в Дакоту, — заключил он.

— Да, любезнейший компаньон.

— Следовательно, мне надо заработать столько, чтобы я мог заплатить за поездку из Чикаго в Денвер, и не только за себя, но и за Снеговика.

— Прошу вас, не беспокойтесь об этом. Издержки покроются из общего капитала.

— Но ведь он исчисляется нулями?..

— Примите в виде аванса сумму, необходимую на проезд и пропитание.

— Невозможно!.. Я дал обещание не принимать ничего ни под видом подарка, ни займа...

— Как же быть?.. Время идет... боюсь, не поздно ли уже.

— Поезжайте вперед, а я со своим слугой догоню вас.

— Без вас я не поеду.

Во время разговора Бессребреник вынул записную книжку и начал что-то писать.

— Вы позволите? — спросил он у своей собеседницы, смотревшей на него с недоумением.

— Конечно! Продолжайте.

Он писал, не отрываясь, с полчаса и вздохнул с облегчением, когда закончил.

— Можно узнать, в чем дело? — спросила миссис Клавдия, любопытная, как все женщины.

— Телеграмма в «Нью-Йорк Геральд», корреспондентом которой я являюсь.

— Она даст вам возможность заплатить за проезд?

— Надеюсь... Но прежде всего надо ее отправить.

— Кто-нибудь из моей прислуги легко справится с этим. Хорошо?

— Нет.

— Опять не понимаю.

— Вы платите вашим людям, стало быть, я не могу пользоваться их услугами... Я ничего не могу принять даром... даже четверти часа чужого времени.

— Вы начинаете приводить меня в отчаяние.

— Какое жалованье получает ваш слуга?

— Сорок долларов в месяц.

— Стало быть, в день доллар и... Позвольте мне перевести на французский счет...

— Для чего вам все это? — Миссис Клавдия начинала терять терпение.

— Вот для чего: ваш слуга получает в сутки шесть франков шестьдесят сантимов, то есть в час около двадцати восьми сантимов... Предположим, что ему нужно полчаса, чтобы сходить на телеграф; стало быть, я должен уплатить ему пятнадцать сантимов, то есть три су.

— Ну, а дальше?

— Этих трех су у меня нет и не может быть; недаром я джентльмен «Без гроша в кармане».

Несмотря на серьезность положения, миссис Клавдия не могла удержаться от смеха.

— В самом деле, очень забавно; но как вы думаете: в конце концов не станет ли это неудобным? — спросила она.

— Не знаю... может быть.

— Что вы намереваетесь делать?

— Сам отнесу телеграмму...

— Могу я знать ее содержание?

— Извольте. Это подробное сообщение о вашем черном обеде, оригинальной выдумке миллионерши и хорошенькой женщины...

— Миллионерши уже нет!..

— Но хорошенькая женщина стала еще прелестнее.

— За отсутствием мелочи вы богаты любезностями.

— Всегда к вашим услугам.

— Бегите же на телеграф!.. Разве вы забыли, что моя нефть, мой завод, мой город — все горит.

Джентльмен побежал на телеграф и по дороге встретил Пифа и Пафа со Снеговиком, пьяным, как всамделишный ковбой, проглотивший пинту «Сока тарантула».

Троица пустилась вдогонку за джентльменом, словно тот пытался скрыться от них. Остановились у телеграфа.

Депеша немедленно была отправлена в Нью-Йорк, и час спустя Бессребреник, благодаря американской четкости, уже получил плату за свою первую статью.

Прежде чем вернуться к миссис Клавдии, он зашел взять билет на поезд для себя и Снеговика.

Его спутница была уже готова. В путь она отправлялась по-американски, намереваясь купить дорогой все, что понадобится. Два ручных чемоданчика, плед, непромокаемый плащ, зонт — вот и все, что составляло ее багаж.

Бессребреник передал чемоданы негру, сам взял плед с плащом и предложил руку миссис Клавдии.

Пиф и Паф не отставали от них.

Между Чикаго и Денвером нет недостатка в путях сообщения. Всего насчитывается до пяти железнодорожных компаний, наперебой пускающих в ход рекламу, восхваляя удобства, комфорт и быстроту своих поездов. Но если поезда в действительности прекрасны, то самый путь ужасен; в этом отношении ни одна из пяти конкурирующих дорог ни в чем не может похвастаться перед другими.

Пиф и Паф, поддерживая Снеговика, усадили его благополучно между собой в том же вагоне, где поместились Бессребреник и миссис Клавдия.

До Денвера было тридцать часов пути. Выехали рано. Снеговик спал, как тюлень; Пиф и Паф жевали табак, разгуливая по всему поезду; Бессребреник и миссис Клавдия разговаривали, мечтали, делали заметки и спали. Проехали несколько городов и достигли, наконец, штата Небраска, одного из самых бесплодных во всех Соединенных Штатах и занятого большей частью так называемыми «негодными землями». Нельзя придумать названия, более подходящего для этих необозримых пустынных равнин, где не видно никакой другой растительности, кроме шалфея, сильный запах которого разносится в воздухе. Кругом ни дерева, ни холма, ни хижины, лишь группки индейцев нарушают иногда монотонность пустыни.

Поезд шел вдоль Платт-Ривера; заросли шалфея исчезли и стали попадаться люди, стада, фермы.

Цивилизация завоевала эти необозримые пространства и преобразила их там, где двадцать лет назад кочевали краснокожие и бродили бизоны, пасутся бесчисленные стада быков, баранов и лошадей. Бизоны уже почти исчезли — осталась всего сотня голов. Закон взял их под свое покровительство, поместив в Йеллоустонском парке.

Индейцы тоже близки к исчезновению. Неумеренное употребление водки и болезни, занесенные белыми, действуют на них губительно.

В Небраске с особенной ясностью видна работа, преобразующая весь Американский материк с запада на восток.

Людская волна, которую ничто не сдерживает, безостановочно продвигается вперед, никогда не отступая назад, заполняя необозримые пространства между Атлантическим и Тихим океанами. На всем этом протяжении то и дело появляются местечки, быстро превращающиеся в многолюдные города.

Между этими городами, расположенными подчас на громадном расстоянии, виднеются маленькие деревянные домики, склады угля, колодцы и изредка встречаются люди.

Любопытный путешественник, заглянув в путеводитель, читает, что эта хижина, эти столбы с дощечками названы городом.

Если это заметит американец, он улыбнется и скажет:

— Вы удивлены — и совершенно справедливо... Но приезжайте сюда лет через пять-шесть и действительно увидите город с десятью, пятнадцатью, двадцатью тысячами жителей.

И это правда.

Денвер служит живым доказательством необычайно быстрого роста городов. Ему нет еще и двадцати пяти лет, а он насчитывает уже до ста сорока тысяч жителей.

В нем есть университет, биржа, несколько театров, обширные бульвары, ботанический сад, великолепные церкви, десятиэтажные дома и всюду электрическое освещение.

По мере приближения к молодой, роскошной столице штата Колорадо количество ферм и обработанных земель увеличивалось.

Скоро беспрерывно потянулись ранчо, окруженные проволочной изгородью, идущей вокруг деревянного дома и хозяйственных построек.

Там и сям паслись быки, коровы и лошади под охраной разъезжающих верхом ковбоев.

На одной из станций несколько из них сели в вагон, звеня деньгами в карманах, — то, что досталось с таким трудом, предполагалось истратить на шумные попойки.

Они фамильярно обратились к негру, принимая его за своего:

— Хелло, бой!

Произошел обмен рукопожатиями, от которых, казалось, мог последовать вывих плеча, и через минуту собеседники уже плевали друг другу на ноги табак, который все здесь жуют с наслаждением.

— Откуда вы?.. Куда отправляетесь?..

— Из Нью-Йорка... Туда.

— Куда?

— Не знаю!

— Он глуп... или смеется над нами...

— Не смеюсь, говорю правду.

— Это не ковбой, а грязный негр, одевшийся по-нашему.

— Мошенник... Идиот... Негодяй!.. Постой, мы тебя научим, как выставлять себя не тем, что ты есть!..

Их было человек шесть; довольные случаем пошуметь, они с криками окружили Снеговика, забавляясь его испугом.

С бедняги сорвали шляпу и оборвали галун. От рубашки летели клочья. Негр, восхищавшийся своим героическим костюмом, плакал, как дитя. Голосом и знаками он умолял хозяина прийти на помощь. И, наконец, Бессребреник, которого эта сцена сначала забавляла, решил вступить за своего слугу.

— Господа, — обратился он миролюбиво к ковбоям, — оставьте!

Ему захохотали в лицо. Бессребреник тоже начал смеяться, хотя ноздри его и верхняя губа поднялись в странной гримасе. Миссис Клавдия с любопытством наблюдала, что он намеревается делать.

Джентльмен встал и сказал сухим отрывистым голосом:

— Я просил вас... Теперь приказываю... Прочь лапы!

При этих словах ковбои на минуту выпустили свою жертву, находя очень смешным человека, осмеливающегося выступить сразу против шестерых.

— Пойдите! — воскликнул один из них. — Мы и его разденем, оголим, как червяка. Сударыня, потрудитесь пройти в соседнее отделение: вам будет неловко.

Миссис Клавдия не трогалась с места, все более и более заинтересовываясь происходившим. Бессребреник выпрямился и заслонил собою негра. Ковбои, нещадно ругаясь, бросились на него, стараясь повалить.

Без видимого усилия джентльмен дал пинок, с математической точностью попавший в чей-то перепоясанный красным кушаком живот. Затем его рука стремительно разогнулась и раздался удар по одному из багровых носов. Послышались возгласы: «Ох!.. А-а-а!» Обладатель живота упал на пол, его товарищ с разбитым носом последовал за ним.

— Очень мило, — заметила миссис Клавдия.

Но это было не все. На ногах остались еще четыре взбешенных противника. Бессребреник, усвоивший, вероятно, что нападение — лучшая защита, упредил своих врагов. Двое из ковбоев имели длинные бороды. Джентльмен схватился за них и резко дернул. Из двух ртов вырвался бешеный рев. Бессребреник, желая дополнить урок, развел руки и снова сблизил их со страшной силой. Два лба столкнулись и ударились друг о друга с шумом брошенной о стену тыквы. Удар был столь чудовищен, что вой, несшийся из открытых ртов, вдруг замолк. Джентльмен выпустил бороды, и оба ковбоя, потеряв равновесие, упали на товарищей, уже прежде лишившихся возможности сопротивляться. Борьба продолжалась не более полуминуты.

Два последних ковбоя, растерявшись, смотрели на живописное смешение рубашек, сапог, шпор, вонзившихся в тело, судорожно сжатых рук и обезображенных лиц.

Впрочем, привыкшие ко всему, они скоро пришли в себя и схватились за револьверы. Но в ту же секунду раздался два выстрела. Оба мерзавца, раненные в спину, упали, как подстреленные кролики — у двери в коридор, соединяющий все вагоны поезда, появился кондуктор, держа еще дымящийся револьвер.

— Что за адский шум подняли эти ковбои? — произнес он хриплым голосом. — Надеюсь, сударыня, вас не побеспокоили?

— Нет, благодарю вас, — отвечала миссис Клавдия.

— Тем лучше.

Между тем раненые стали приподниматься, ощупывая тела и головы.

Бессребреник, не говоря ни слова, смотрел на кондуктора, права которого на поезде почти равны правам капитана на корабле. Поезд мчался на всех парах. «Капитан» сунул еще заряженный револьвер в карман сюртука, схватил без видимого усилия одного из раненых ковбоев за шиворот и выбросил через дверцу на путь. За первым последовал и второй; потом, обращаясь к остальным, кондуктор сказал повелительно:

— Прочь отсюда за ними!.. Иначе... у меня еще два заряда в запасе.

Ковбои попытались уговорить его, но он прицелился, считая:

— Раз!.. Два!..

Видя, что надежды нет, они вышли, шатаясь, на тормоз, но в последнюю минуту снова заколебались. Кондуктор прицелился. Предпочитая увечье верной смерти, ковбои спрыгнули лягушечьими прыжками и скатились по откосу.

Вот как производится расправа б местностях, считающихся ненадежными.

Поклонившись почтительно миссис Клавдии, кондуктор собирался вернуться на свой пост, даже не удостоив взглядом четверых мужчин. В Америке мужчина для мужчины ничего не значит. Тут он заметил Снеговика, свернувшегося в кресле и трясущегося как в лихорадке.

— Как! Еще один?.. — воскликнул он, принимая негра за ковбоя.

— Нет!.. — поспешила уверить миссис Клавдия. — Этот негр — слуга моего спутника, того самого джентльмена, который так храбро защищал его.

— Его счастье; иначе... сами видите, чем меньше этих буйных, тем лучше.

— Вы их очень не любите?

— Потому что знаю хорошо. Я сам был ковбоем.

— Вот как?! Каким же образом вы превратились в кондуктора?

— Я съел свою хозяйку.

— О! Это очень любопытно... Расскажите, пожалуйста.

— Ну что ж... Я работал у богатого скотовладельца, у которого жилось не хуже и не лучше, чем у других, то есть отвратительно. Особенно была ужасна пища: всю неделю нас кормили испорченным соленым салом да отвратительными лепешками из слежавшейся муки — их, поверьте, не стали бы есть даже свиньи, не только что люди. Я ставлю свиней впереди, как это обыкновенно делал наш хозяин.

Так вот, в один прекрасный день пала корова. Часть ее мы съели еще в свежем виде... Полакомились!.. Остальное мясо посолили и — о радость! — на время забыли о сале! Когда корову покончили, околела лошадь; ее также посолили и съели до копыт. Затем умер сторожевой пес... Его хватило только на один раз... Как мы были рады, что судьба избавила нас от опротивевшего сала!.. Тут случилось несчастье — упавшим деревом убило жену нашего хозяина и козу, которую она доила. Нам изжарили мясо козы, но...

— Но что же? — миссис Клавдия содрогнулась.

— Вкус мяса мне показался таким странным, а кости такой удивительной формы, что я подумал: это, наверное, хозяйка. Ведь хозяин был так скуп!.. И я убежал, даже не попросив расчета, зная, что в семье есть еще пять девочек и четыре мальчика, не особенно крепких здоровьем...

Потом я попал в кондукторы...

Через час после этого разговора поезд прибыл в Девенпорт.

ГЛАВА 6

В дороге. — Сюрприз. — Первые выстрелы. — Пожар. — Город миссис Клавдии. — Проезд свободен. — Адская кадрили. — Подвиги Бессребренника. — Динамитный патрон. — Бессребреник зарабатывает обед.

Однако столица Колорадо не была окончательной целью поездки наших путешественников. Они остановились здесь всего на три часа, назначив друг другу свидание на вокзале, откуда намеревались отправиться в Фокс-Хилл. Вы напрасно стали бы искать это имя на карте. Фокс-Хилл принадлежит к числу тех пока воображаемых городов, которые лишь через несколько лет населятся, а теперь представляют собой только распланированное место.

Мисс Клавдия отправилась прежде всего к своему банкиру в Денвере.

Бессребреник послал телеграмму в «Нью-Йорк Геральд», подумав, что подобный способ изыскивать пропитание становится однообразным. Пиф, Паф и Снеговик не отставали от него ни на шаг. Эта компания начинала раздражать нашего джентльмена. Он стал подумывать, как бы отделаться от своих спутников, но, не находя пока предлога, злой-презлой вернулся на станцию.

Расстроенная миссис Клавдия уже ждала его. Сообщения банкира о событиях в Нью-Ойл-Сити были самые неутешительные. Молодой женщине грозило полное разорение. Не вдаваясь в рассуждения о причинах катастрофы и не предлагая средств борьбы, банкир только констатировал факты и советовал нефтяной королеве — увы! — королеве, лишившейся престола, продать все как можно скорее и таким образом спасти хотя бы остатки прежнего богатства.

К своему изумлению, он наткнулся на твердое решение экс-королевы бороться до конца.

— Но известно ли вам, что там собралось полтысячи ковбоев, которые все грабят?

— Я думала, что их тысяча...

— Стало быть, у вас есть поддержка?

— Конечно. У меня есть компаньон.

— Компаньон? — с видимым беспокойством спросил банкир.

— Да, замечательный джентльмен... большой оригинал — мистер Бессребреник, вы знаете...

— А! Это тот эксцентричный господин?..

— Да! Он один стоит целого войска.

— Итак, вы решили во что бы то ни стало отправиться в Нью-Ойл-Сити?

— Во что бы то ни стало.

— Помните, что я предупреждал вас — для разбойников нет ничего святого.

— Да... да... Прощайте!

Она вышла и отправилась разыскивать Бессребреника.

По железной дороге они доехали до Фокс-Хилла. Там их ждал кабриолет, запряженный рысаком. Кучер поздоровался с миссис Клавдией, которая ответила ему крепким рукопожатием и представила своему спутнику:

— Мистер Гаррисон, главный инженер Нью-Ойл-Сити... Мистер Бессребреник, мой компаньон.

— Ваш компаньон? — недовольно переспросил мистер Гаррисон.

— Да, — серьезно подтвердил Бессребреник.

— И вы не боитесь, миссис Клавдия, очутиться среди сброда, разоряющего город?

— Отправляюсь туда немедленно!

— Очень рискуете!

— Я привыкла рисковать.

— В таком случае потрудитесь сесть со мной в кабриолет.

— Нет! Кабриолет и лошади мои... Дайте вожжи, я сама буду править... Мистер Бессребреник, садитесь возле.

— С удовольствием, — отвечал джентльмен, исполняя желание миссис Клавдии.

— А я? — обиделся инженер.

— На задней скамейке. Мистер Бессребреник как мой компаньон — ваш хозяин... Вы на службе у него...

Она прищелкнула языком, ослабила вожжи, и рысак помчался как стрела мимо обескураженных Пифа, Пафа и Снеговика.

Требовалось много ловкости от грациозной хозяйки, чтобы проехать по сквернейшей дороге от станции до нефтяных колодцев. Так называемая дорога шла по лесистым холмам, где на месте недавно вырубленного леса были оставлены пни. Можно себе представить, какую гимнастику вынуждены были проделывать лошадь и экипаж!

Целых три часа мчались они по адскому пути. Только американские рысаки, у которых природная скорость и выносливость увеличены специальной выучкой, способны выдержать такой переезд.

Среди аллей показалась одинокая избушка и возле нее обширный сарай. Две оседланные лошади стояли, привязанные к столбу. При звуке колес человек в костюме ковбоя вышел из

избушки и остановился. Миссис Клавдия придержала лошадь, узнав одного из начальников мастерских.

— Что значит этот странный наряд, Боб? — спросила она.

— Здравствуйте, миссис Остин.

— Здравствуйте!

— Я надел этот костюм, чтобы затесаться в толпу добрых малых, забавляющихся там.

— А! Продолжают забавляться?

— Больше, чем прежде... Вот вам доказательство... Видите дым? Вероятно, зажгли вагонцистерну с нефтью.

Миссис Клавдия слегка побледнела и закусила губы. Боб прибавил:

— Я приготовил лошадь для инженера; ему, может быть, надоело сидеть сложа руки позади вас и этого господина... Гаррисон, вот ваша лошадь.

Инженер, сойдя с кабриолета, спросил:

— Что нового с утра?

— Кажется, заставляют плясать жителей Нью-Ойл-Сити.

— Кто?

— Ковбои. Они составили оркестр. Совсем особенный оркестр, увидите.

Снова пустились в дорогу и скакали еще часа два. Когда въехали на вершину холма, откуда открывался вид на нефтяные колодцы, мастерские и город, расположенный на возвышенности, миссис Клавдия не могла сдержать гнева. Три вагона, стоявших на рельсах узкоколейки, пылали, окутанные тяжелым черным облаком. Люди, окружавшие вагоны и казавшиеся издали такими маленькими, прыгали вокруг, стреляя из револьверов.

Город, многолюдный, уже красиво обстроившийся, был полон несказанного смутения: крики, пальба, нечеловеческий вой.

В воздухе стоял отвратительный запах, от которого тошнило и голова кружилась.

— Это улетучиваются мои миллионы, — сказала миссис Клавдия со смесью иронии и отчаяния.

— Я их верну вам, а если не верну, то найду для вас другие, — совершенно беспечно заметил джентльмен. — Но знаете, милая королева, в ваших владениях прелестно... Это город!.. Настоящий город...

— Недолго ему предстоит просуществовать в руках этих дикарей... Я и теперь удивляюсь, как еще кое-что уцелело.

Уже привыкнув к манере янки выражаться хвастливо, Бессребреник ожидал встретить вместо роскошно устроенного города поселение. К своему великому изумлению, он увидел настоящие дома вдоль настоящих улиц, пересекавшихся под прямыми углами, как принято у американцев.

Мостовой, впрочем, на этих улицах не было, и проезжавшие по ним тяжело нагруженные возы оставляли глубокие колеи. Среди построек попадалось много наскоро сколоченных барачков, даже изодранных палаток, где ютились туземные рабочие; но большинство домов и магазинов были кирпичные, с крепкими ставнями, впрочем, продырявленными, как решето,

— пограничный житель берет за револьвер при каждом удобном случае.

Кабриолет, сопровождаемый обоими всадниками, въехал на главную улицу, где находились контора, магазины и великолепный дом с квартирами инженеров, управляющих и самой нефтяной королевы. Та останавливалась здесь, когда надумывала посетить свою грязную, вонючую богатую столицу.

Первое, что бросилось им в глаза, — дождь горящих головней, сыпавшихся с пылающей крыши большого здания. В нижнем этаже, в салуне, хозяину которого пуля раскроила череп, шла попойка.

Два человека в одежде ковбоев, с расстегнутыми воротниками, с рукавами, засученными по локоть, выбрасывали на дорогу труп. Третий прибывал к вывеске доску с надписью углем: «Смерть вора!»

— Блестящий и шумный въезд! — заметил джентльмен.

— Мне тем больше нравится этот фейерверк, что я оплачиваю расходы,

— горько усмехнулась миссис Клавдия.

Разумеется, появление экипажа не осталось незамеченным. Отовсюду слышались выстрелы, засвистели пули, одна из них разбила вдребезги фонарь кабриолета.

— Кажется, дела плохи, — заметил Бессребреник, ощупывая в кармане оружие.

Несколько ковбоев бросилось им наперерез. Один из пьяниц закричал, схватив лошадь под уздцы:

— Пусть попляшут вместе с другими... Женщина, вперед... Эй, красавица... стой!

Тонкие брови миссис Клавдии сдвинулись.

— Проедем, не правда ли? — обратилась она к своему спутнику.

— Да, миссис... позвольте... одну минуту...

Он выстрелил почти в упор в пытавшегося остановить лошадь. Тот упал, раскинув руки. Кто-то попробовал было снова схватить узду, но Бессребреник опять спустил курок. Второй разбойник последовал за первым.

— Проезд свободен.

— Держитесь! — Подобрал вожжи, молодая женщина изо всех сил стегнула рысака. Лошадь, не помня себя, рванулась вперед прямо на ковбоев.

В третий раз Бессребреник поднял револьвер и выстрелил. Очередной противник упал, вытянувшись во всю длину.

Перед ними расступились. Пущенная во весь карьер лошадь помчалась как стрела, и скоро экипаж выехал на площадь, где возвышались постройки правления и самый завод. Здесь смятение было невообразимое. Пешие и конные ковбои — все более или менее возбужденные вином — теснились, кричали, жестикулировали, беспрерывно стреляя из револьверов.

Толпа бандитов окружила человек пятьдесят рабочих, судорожно выплясывавших кадрили в одних залитых кровью рубашках. Когда кто-нибудь из обессиленных несчастных замедлял движение, начиналась пальба, и испуганный танцор принимался опять отчаянно прыгать, будто рубашка на нем горела.

Стараясь прослыть за настоящего ковбоя, Боб, скакавший рядом с экипажем, принялся вторить рычавшим «музыкантам». На него и на тех, кто был рядом, обратили внимание:

— Хозяйка едет!.. Эта шутить не любит... Будет что-нибудь новое!.. А с ней каналья-инженер!.. Оставьте!.. Инженер за нас... Он добрый малый!

Не сводя глаз с лошади, миссис Клавдия отрывисто спросила Боба:

— Что делают эти люди?

— Веселятся, как изволите видеть.

— Кто они?

— Ковбои.

— Откуда?

— Из всех окрестностей.

— А те, которые танцуют?

— Канальи-нефтепромышленники... кабатчики... мошенники-купцы...

— Зачем они танцуют?

— Их заставляют ковбои.

— Почему?

— Потому что все эти мошенники не согласны на их предложения.

— А выстрелы?

— Ими подбадривают тех, кто собирается остановиться... Средство действенное... И музыка есть... Слышите?

И в самом деле, сквозь крики страдания, рев восторга и выстрелы до слуха миссис Клавдии и ее спутника доносились звуки ударов по железной, чугунной и медной посуде: кастрюлям, котлам, изображавшим оркестр.

Против всякого ожидания кабриолет проехал благополучно под градом пуль и камней до самого здания конторы — огромного трехэтажного кирпичного дома, полного разных запасов и товаров. Огороженный частоколом из неотесанных бревен, он стоял посредине большой

площадки, занятой службами, телегами, срубами для колодцев, чугунными трубами и всякого рода инструментами. Ставни висели наполовину оторванные; у растворенных настежь окон стекла были выбиты. Одна из главных дверей — выломана. Кабриолет и всадники въехали во двор, где человек тридцать весьма подозрительной наружности остановились от неожиданности, увидев молодую, хорошенькую, элегантную женщину.

Не обращая на них ни малейшего внимания, Бессребреник легко спрыгнул на землю и почтительно помог своей спутнице сойти. Потом он зарядил пустые стволы своего револьвера и проводил миссис Клавдию в дом. Среди сумасшедшей кутерьмы эти двое напоминали людей, прогуливающих ради собственного удовольствия.

Боб и Гаррисон последовали за ними.

— Сломанные решетки, опрокинутые кассы и растрепанные книги — больше ничего не осталось от конторы, — оглядевшись, сказала миссис Клавдия.

— Да, чистая работа! — согласился Бессребреник. — Будто мина взорвалась.

— Не правда ли, это ужасно, — заметил инженер, — и миссис Остин лучше бы ликвидировать дело.

— Смотря по обстоятельствам, — отвечал джентльмен. — Во сколько вы оцениваете эту нефтяную землю и остатки построек?

— В настоящем состоянии не больше двух миллионов долларов... Одна компания финансистов предлагает миллион... На месте миссис Клавдии я бы согласился.

— А каково ваше мнение? — обратился джентльмен к миссис Остин.

— Я нахожу, что этого слишком мало...

— И я тоже, — поддержал ее Бессребреник.

— Могли бы состояться переговоры, — продолжал инженер. — Сколько вы желаете получить?

— Право, не знаю, — отвечала молодая женщина. — Как вы считаете, мистер Бессребреник? Ведь вы мой компаньон.

— Я не взял бы меньше...

— Меньше чего? — с тревогой спросил Гаррисон.

— Ста миллионов долларов, — отвечал Бессребреник своим ровным голосом.

— Вы говорите... ста миллионов?

— Долларов... Да... И то дешево...

— Это безумие!

— Чтобы научить вас торговаться, я прибавлю еще пять миллионов долларов...

— Bravo! Bravo! — воскликнула молодая женщина.

Глухие удары, раздавшиеся поблизости, прервали разговор.

Миссис Клавдия, а вслед за ней джентльмен смело вошли в соседнюю комнату и очутились лицом к лицу с ватагой человек в пятнадцать.

В центре лежал перевернутый вверх дном несгораемый сундук, все еще сопротивлявшийся усилиям разбойников, вооруженных пиками и толстыми железными прутьями. Кому-то пришла мысль взорвать его динамитным патроном.

Этот опасный снаряд можно купить свободно во всех американских городах, где производятся земляные работы или ведется рубка леса.

Миссис Клавдия и ее спутники очутились в комнате как раз в тот момент, когда ковбой положили патрон на замок сундука. Один из воров нагнулся, чтобы сигарой, которую держал в зубах, зажечь фитиль.

— Что, весело, молодцы? — крикнул Бессребреник, расталкивая кулаками и локтями людей, уже готовых разбежаться в ожидании взрыва.

Услышав незнакомый насмешливый голос, негодяи схватились за пики, выхватили револьверы.

— Черт возьми!.. Хозяйка! — завопили они. — И с ней мужчина!.. Скорей... бегите!..

— Нет... нет!.. Взять их и заставить плясать! — ревели другие голосами, осипшими от пьянства.

— Отлично!.. Кадриль... всех в одних рубашках... сейчас же!

— Сволочи... Подлецы! — закричал джентльмен.

Один из негодяев, более пьяный, чем смелый, протянул свои грязные руки, намереваясь схватить миссис Клавдию.

Молодая женщина побледнела, отступила на шаг и вынула из кармана крошечный револьвер с перламутровой ручкой. Но не успела она выстрелить, как Бессребреник сильным ударом под ложечку сбил негодяя с ног.

— Поберегите свои заряды, — услышала миссис Клавдия.

Крик ярости был ответом на падение ковбоя, четырнадцать оставшихся бросились на смельчаков, потрясая железными прутьями.

Почти не целясь, миссис Остин выстрелила в первого попавшегося — пуля, пройдя через глаз, вышла в затылке. Человек, вскрикнув, упал ничком.

— Благодарю вас, теперь моя очередь, — сказал Бессребреник, поднимая прут, который уронил упавший.

Глаза его засверкали, губы искривились, и он прошипел:

— Вон отсюда! Иначе всем вам конец!

Охваченные безумной паникой, вору устремились к узкому окну, спасаясь бегством.

Бессребреник, потерявший терпение, бросился за ними, нанося удары вправо и влево.

В секунду шестеро из бежавших уже лежали на полу, а ужасная палица продолжала работать, сокрушая все, что ей попадалось. Скоро из пятнадцати грабителей не осталось на ногах ни одного.

Вдруг миссис Клавдия заметила, что фитиль динамитного патрона горит. Каждое мгновение мог произойти взрыв, и все, находившиеся в комнате, погибли бы под развалинами дома. От смертельной опасности у нее перехватило дыхание, в ушах звенело, рябило в глазах. Опрометью она бросилась к патрону, схватила его обеими руками и выбросила во двор.

Он угодил в самую середину бесновавшейся под окнами толпы. Через миг страшный гром потряс окрестность, но еще страшнее была наступившая следом тишина. Казалось, беспредельный ужас заткнул глотки оравшим недавно погромщикам. Кто мог из них, бросился наутек, так и не поняв, что случилось.

Бессребреник, видевший все, воскликнул:

— Bravo, миссис Клавдия!

Опершись, словно Геркулес, на свой железный брус, он не сводил глаз с прекрасной молодой женщины.

На опустевшей площади осталось несколько убитых и раненых; в конторе, возле нестораемого сундука, тоже лежали трупы.

Всюду кровь, всюду смерть...

Миссис Клавдия, едва сдерживая отвращение, смотрела на жуткое зрелище, негромко говоря сама себе:

— Что же делать! Мы не хотели этого; мы боролись за жизнь...

— И будем бороться до конца, — подтвердил джентльмен.

Желая поскорее освободить контору, он обратился к инженеру и Бобу, державшимся в стороне во время схватки:

— Ну что вы стоите?.. Троньтесь с места... Сами видите, что могут сделать двое решительных людей...

Инженер вел себя натянуто. Боб же, сраженный мужеством Бессребреника, отвечал:

— С вами, хозяин, я готов идти хоть на край света...

— Отлично, молодец!.. С разрешения хозяйки я назначаю вам награду в тысячу долларов, которую вы и получите, как только возобновятся работы.

— Рассчитывайте на меня!

— Что касается вас, господин инженер, ваше жалованье удвоится и вы будете получать процент с чистой прибыли...

Гаррисон вздрогнул, прямо взглянул джентльмену в глаза и проговорил:

— Я сделаю все возможное, чтобы спасти колодцы. — А про себя подумал: «Другие будут

щедрее».

В комнате, кроме них, никого не осталось, зловещая тишина походила на затишье перед бурей.

С помощью Боба и Гаррисона Бессребреник прикатил в контору несколько пустых бочек; за ними нагромоздил множество ящиков. Когда импровизированное укрепление было готово, он вынул записную книжку и быстро что-то набросал, рассуждая вполголоса:

— Посмотрим, сколько километров от Нью-Йорка до Нью-Ойл-Сити... Цифра получается внушительная...

Миссис Клавдия воскликнула:

— Ах, да!.. Я и забыла про ваше пари.

— А про свое собственное?.. Ну и хорош же я!.. Вы ставили против меня, а я пытаюсь вернуть вам ваше богатство! Вот дилемма...

— Все это не должно мешать нам подумать об ужине... Надеюсь, вы примете его от меня.

— Сегодня — пожалуй... Я как ваш служащий, кажется, заработал его... Принимаю в счет жалованья.

ГЛАВА 7

Почему и еще раз почему. — Заблуждение нефтяной королевы. — Бессребреник хочет служить просто на жалованье. — Десять франков в день: разве это много? — В царстве нефти. — Прогулка.

Столкновения между пограничными жителями в здешних местах весьма часты: рабочие на приисках, люди обыкновенно спокойные, и ковбои, народ агрессивный, ненавидят друг друга, как кошка собаку.

Потасовка между ними начинается обычно из-за какой-нибудь безделицы, пустого спора в салуне. Сразу же пускаются в ход ножи и револьверы. Редко какая стычка обходится без убитых; но никто не заботится о них. Одним или двумя бродягами меньше — и слава Богу! Все знают, что место их очень скоро будет занято другими. Случается, что имуществу трактирщика наносится ущерб; но в конце концов посетители платят за убытки, и все улаживается ко всеобщему удовольствию.

Иногда, впрочем, головы бывают разгорячены больше обыкновенного. И тогда побежденные спасаются в домах, как в крепостях, а победители, возбужденные порохом, кровью и водкой, осаждают их, стараясь добить окончательно.

Если приходит подкрепление со стороны, затевается настоящая битва, длящаяся порой сутки — но не более.

Бессребреник, хорошо знавший, по-видимому, нравы и характер местного люда, терялся в догадках о причинах продолжительности беспорядков во владениях миссис Остин.

— Отчего, — обратилась она к нему, — эти буйства продолжаются не какие-нибудь сутки, а целых три дня, и притом все усиливаются?

Бессребреник задумался на минуту, затем спросил:

— Есть у вас враги?

— Не знаю.

— Приходилось ли вам иметь столкновения с ковбоями?

— Ни прямо, ни косвенно.

— Быть может, ваши рабочие задевали их?

— Нет.

— В таком случае здесь что-то непонятное. Эти беспорядки, как мне кажется, хорошо организованы: лишь только они затихают в одном месте, как тотчас же возгораются в другом.

— Но с какой целью?

— Чтобы завладеть вашим имуществом.

— Вы меня удивляете!..

— Не уговаривал ли вас инженер уже и прежде продать ваши владения?

— Да, в моих собственных интересах...

— А главное, в интересах своих сообщников...

— На каком основании вы говорите так?

— На основании сведений, собранных в Фокс-Хилле по пути сюда... Выслушайте меня. До сих пор не трогали нефтяной королевы, потому что она кормила всю округу; но вчера, разрушив ее дом, магазины и колодцы, кто-то пытался взломать несгораемый сундук, где не было денег, но зато хранились купчие крепости, планы, межевые акты, — одним словом, все, что может интересовать землевладельца. Кроме того, шериф исчез — умер, по словам одних, бежал, как говорят другие, и охранительный комитет не подает признаков жизни. Не странно ли?

Миссис Клавдия слушала внимательно и в душе соглашалась с джентльменом.

Несмотря на все огорчения, она радовалась тому искреннему участию, которое принимал Бессребреник в ее судьбе. Не верилось, что этот преданный, заботливый господин не так давно отказался от ее руки. «Разве стал бы человек рисковать жизнью ради особы, совершенно ему безразличной?» — все чаще задавалась вопросом миссис Остин.

Желая найти ответ на него, она приняла шуточный тон, представлявшийся странным в контрасте с серьезностью положения, и произнесла:

— Ваш подарок придется как нельзя кстати.

— Какой подарок? — удивился джентльмен.

— Экземпляр басен мистера... да как его?.. Ну, помогите же... Лафонтена. Помните басню о молочнице?

— Простите, мне жаль, что я позволил себе такую бестактность.

Он говорил с обычной откровенностью, смотря прямо в лицо своей собеседнице, довольный оборотом, который принял разговор.

Она улыбнулась:

— Не извиняйтесь, эта шутка отлично подействовала, она подготовила меня к катастрофе. Благодаря вам я не одинока и не беззащитна.

— Не преувеличивайте по своей снисходительности мою заслугу...

— Без вас я бы погибла... Вы спасли все.

— О, прошу, не торопитесь так!.. Помогать вам приказывал мне долг служащего у вас на жалованье.

— Вы?.. Служащий?

— Да, миссис Клавдия, теперь я не могу и не хочу быть никем иным... Приходится даже просить у вас назначить мне жалованье. Это избавит вас от благодарности. Я сам должен заботиться о себе. Не забудьте, что Бессребреник обязан выполнить условия своего пари.

— Не понимаю вас... Вы хотите бросить меня?

— Вовсе нет, коль прошу жалованье. Надеюсь, два доллара в день не слишком много?

— Я думала, вы согласны разделить неудачу так же, как и богатство.

— Невозможно. Если вы не согласны, буду принужден искать заработка в другом месте.

— Умоляю вас!

— Вы колеблетесь... Я стану возвращать вам излишек, если не все издержу... Согласны?

— Приходится согласиться... Вы удивительный оригинал...

— Зовите меня как угодно, а теперь пойдете смотреть колодцы — убедимся в размерах убытка.

— Хорошо. Только не взять ли несколько проводников?

— Зачем? Если мы отправимся вдвоем, то сможем пройти незамеченными... Впрочем, вам лично не грозит никакой опасности... У янки много недостатков, но он уважает женщину... А мне все равно: сегодня... завтра... позднее... Я не дорожу жизнью.

— Стало быть, вас к ней ничто не привязывает?

— Ничто.

Миссис Клавдия вздохнула и, не говоря ни слова, взяла Бессребреника под руку.

Они ушли, оставив Боба сторожить дом, поколебавшаяся верность которого укрепилась обещанием тысячи долларов.

Боб, со своей стороны, уговорил с дюжину рабочих вернуться к хозяйке. Пока это была

маленькая горстка людей, но Бессребреник надеялся, что в мастерских ему удастся собрать вокруг себя и многих других.

Самый город Фокс-Хилл, то есть коммерческий центр, где совершаются дела и живут должностные лица, был относительно спокоен.

На улицах выстрелы раздавались изредка, и более никто не принуждал граждан плясать; дома уже не горели, и внизу, в долине, где расположен вонючий Нью-Ойл-Сити, только два-три столба дыма указывали на пылающие колодцы.

Наступило затишье, но работы не возобновлялись.

В салунах еще пьянствовало много народу.

По мере того как миссис Клавдия и Бессребреник спускались вниз, поверхность почвы, растения, жилища, даже люди — все менялось.

Наверху, в городе, воздух был еще чист, хотя и чувствовался довольно сильный запах нефти — на домах и тротуарах кое-где виднелись масляные пятна, — но внизу... было что-то неслыханное. Нет ни одной отрасли промышленности, равной добыче нефти по неопрятности и грязи.

Пальмовое масло, оливковое, кокосовое, по выражению одного остроумного путешественника — Октава Сабо, жидкости приятные, даже поэтические. Нет в Южной Европе ни одного деревенского дома, где бы не было оливкового пресса. С оливковым маслом умеют обращаться все — не только повара и кухарки; из этого масла изготавливают прекрасное мыло.

Нефть — масло совсем другое. От его запаха никуда не уйдешь. Пары так насыщают воздух, что происходят взрывы. На нефтяных промыслах все вокруг пропитано нефтью: грязь, в которой вы вязнете, каждая нитка вашего платья... Она овладевает всем вашим существом: забивается в нос, в глаза, в уши, даже в душу, — у живущих в этих местах только и разговоров, что о поднятии и упадке цен на нефть, о богатстве или оскудении того или иного колодца.

Если вы остановитесь полюбоваться красотой природы, то с ветерком до вас донесется запах нефти, смешанный с ароматом диких цветов, и на поверхности озера вы увидите радужные пятна с металлическим отливом. Дома, мебель, железные дороги, лодки — все покрыто нефтью. Люди самые чистоплотные делаются грязными, неряшливыми. Когда одежда вся пропитывается жиром и делается слишком тяжелой, они с головы до ног одеваются во все новое у торговца готовым платьем, а старое бросают на улице, но ни в коем случае не сжигают, так как это может быть причиной пожара, от которого весь город превратится в развалины.

Миссис Клавдия мужественно ступила на почву, из которой буквально на каждом шагу выступала нефть. Но Бессребреник, рассудив, что у него нет сменной пары, прежде всего принял меры предосторожности для сохранения своего костюма. Однако напрасны были все его старания! Нефть пробиралась вверх по сапогам и пропитывала их; затем настала очередь панталон, и не прошло и четверти часа, как джентльмен походил на ламповый фитиль в резервуаре. «Надо что-нибудь придумать», — решил Бессребреник.

Они шли по берегу маленькой речки, извивавшейся по долине и носившей название Ойл-Крик (Масляная балка). Воды в ней не было видно из-за слоя масла, осаждавшегося на берегах в виде зеленой блестящей грязи. Местами в этой грязи виднелись застрявшие тележки, беспомощно протягивавшие к небу свои худые деревянные руки. Узкоколейная железная

дорога была разрушена в нескольких местах: шпалы и рельсы сняты, вагонетки и локомотивы перевернуты.

Бессребреник и миссис Клавдия шли по мосткам, настланным на болоте и также пропитанным жирной нефтью. На компаньонов посматривали, но скорее равнодушно, чем враждебно. Правда, ковбоев встречалось немного.

Среди топкого жирного болота виднелись кучи всякого хлама: битые бутылки, тарелки, обломки ящиков, бочек, телег, всяких инструментов.

На этом месте было до десяти богатых колодцев, дававших по пятнадцати тысяч франков прибыли в день, а теперь не доставлявших ни капли драгоценного масла. Срубы колодцев, взорванные динамитом, покачивались и грозили обрушиться. Для возобновления дела требовались большие расходы.

При виде этого дикого и бесцельного истребления молодая женщина в первый раз ощутила приступ гнева.

Невдалеке дюжина оборванных джентльменов, грубо смеясь, курила с вызывающим видом под большой черной доской с надписью белыми буквами «Куриль воспрещается».

— Я чувствую в себе ярость и злобу римского императора, — призналась миссис Клавдия.

— И, может быть, как император, желали бы, чтобы у всех этих молодчиков была бы одна голова? — подтрунивал над ней Бессребреник.

— Да... и с радостью пустила бы в нее пулю из револьвера.

— А позвольте узнать, револьвер Нерона был системы Кольта или Смита и Вессона?

При этой шутке весь гнев миссис Клавдии вмиг рассеялся; она звонко засмеялась, чем совершенно озадачила шумных громил.

— Вот отлично! Смех принесет вам миллионы долларов. Он произвел на этот сброд больше впечатления, чем выстрелы из пушки.

К несчастью, впечатление от странной веселости миссис Остин продержалось недолго. Ковбои, искавшие развлечения, вскорости нашли его. Пропитанные виски и нефтью, они стали толкать, бранить и бить старика, не способного защищаться. Из-под его красной шерстяной рубашки виднелась кирпично-красная кожа. Лица, выпачканного грязью, нельзя было рассмотреть, но по длинной пряди волос нетрудно было предположить, что он краснокожий.

— Да ведь этот несчастный — Джо, старый индеец сиукс! — воскликнула миссис Клавдия.

— Спасем его! — тотчас приготовился к схватке с мучителями джентльмен.

— Смерть колдуну! — кричали ковбои и рабочие.

— Отпустите этого человека, негодяи! — ворвался в толпу Бессребреник.

ГЛАВА 8

История нефти. — У древних. — Огнепоклонники. — Нефть у краснокожих. — В Колорадо. — Бурав. — Нефтяной колодец. — Сопrotивление. — Борьба. — Нефтяные резервуары. — Газ,

нефть и соленая вода. — Взрыв динамита. — Нефтяное наводнение. — Нефтяное озеро.

Керосин сравнительно недавно вошел в употребление, но нефть была известна людям с незапамятных времен. Ее знали в Китае, греки и римляне также упоминали о ней. Геродот, Плутарх, Плиний, Аристотель, Страбон описывают в подробностях нефтяные источники и залежи асфальта, разрабатывавшиеся их современниками. Асфальт, добываемый на берегах Евфрата, по преданию, употреблялся при постройке Вавилонской башни. Наконец, поражая воображение древних, воспламеняющийся газ, постоянно пробивавшийся над нефтяными источниками, породил особую религию. Приверженцев ее называли огнепоклонниками. На том месте, где теперь располагается Баку — русский нефтяной город, — когда-то возвышались их каменные святыни, а Атешкях — утративший свое величие храм чисто индийской архитектуры — и сейчас, как некий исторический анахронизм, стоит среди пирамидальных срубов нефтяных вышек. Жрецов в нем почти не осталось. Только два бедняка-индуса поддерживают здесь вечный огонь — местные нефтепромышленники не оспаривают у них крошечной доли газа.

Но не только в недрах Азии таились эти вечные, вызывавшие суеверное изумление огни. В местах нахождения нефти в Америке также были огнепоклонники; немногочисленные, но усердные. Они принадлежали к индейскому племени сенекасов, жившему в штате Пенсильвания и владевшему тайной огня. Этот огонь горел неугасимо в глубоких пещерах и охранялся, как и у индусов, избранными людьми. По-видимому, именно они заметили целебные свойства нефти. Под именем «масла сенекасов» она собиралась и продавалась как лекарство от ревматизма, чахотки и даже как средство... от моли.

Тогда еще не додумались до употребления нефти для освещения. Первые опыты замены растительного масла маслом минеральным были сделаны не ранее 1830 года. Они не удалась. В 1848 году опять последовала неудача. Между тем толчок был дан. Все чувствовали, что «жир земли» имеет будущее, хотя и не подозревали, сколь широким окажется его применение.

Свойства нефти еще знали плохо, ее сжигали в том виде, как она добывалась, а способ добычи был самый примитивный, перенятый у индейцев. Этот способ состоял в рытье колодцев с площадью поверхности в три квадратных метра при такой же трехметровой глубине. Делали сруб, чтобы предупредить обвалы, и ожидали, пока нефть просочится наверх через земляные слои. Когда масло появлялось, нижнюю часть колодцев обкладывали шерстяными одеялами. Потом их вынимали, выжимали и таким образом получали керосин.

Удивительно, что изобретательные янки потеряли много лет, довольствуясь такой добычей масла. А ведь стоило лишь раз-другой ударить сверлом в землю... Только в 1859 году пенсильванское общество решило призвать к себе искусных инженеров — разведчиков земных недр.

При первом же серьезном изыскании масло было найдено, и колодцы Титусвилля стали доставлять до полутора тысяч фунтов черного золота в день.

Бывало, поиски нефти оборачивались настоящими наводнениями. Однажды бур проник в обширный резервуар, наполненный горючим газом и соленой водой. Все это хлынуло с неудержимой силой наружу, и тут не только не оказалось нужды в нагнетательных насосах, необходимых до тех пор, но пришлось употребить все усилия, чтобы удержать вырвавшийся вслед за водой масляный поток, разливавшийся по долинам!..

После этого спекуляции с нефтью достигли таких размеров, что их называли нефтяной лихорадкой. За короткое время в одном Нью-Йорке образовалось более трехсот компаний с

капиталом в миллиард.

Долгое время добывание нефти ограничивалось пределами штата Пенсильвания. Даже утверждали, будто в других штатах нефти нет. Муж миссис Клавдии блистательно опроверг эти предположения, не основанные ни на каких серьезных данных.

Как-то, проезжая по Колорадо, мистер Остин отметил поразительное сходство между здешними землями и землями восточных штатов. Не говоря никому ни слова, он купил за пустячную цену огромную территорию. На ней были скалы, обвалы, ручейки, пробиравшиеся между камнями, бесплодная, как лава, почва и почти полностью отсутствовала растительность. Практичным янки, для которых в делах два и два должны давать, по крайней мере, десять, эта покупка казалась чистым безумием. Над инженером смеялись, он не обращал внимания на насмешки и в один прекрасный день отправился в свои владения с партией иностранцев, чья молчаливость приводила в отчаяние многих любопытных. Их было человек пятьдесят, передвигавшихся в телегах — настоящих домах на колесах, в которых переселенцы перевозят обычно свою семью, утварь, инструменты...

Эти иностранцы немедленно принялись за дело. Искусные рабочие, необыкновенно выносливые, одинаково хорошо обращавшиеся с железом и деревом, плотники, механики, землекопы, они с невероятной быстротой воздвигли какую-то странную деревянную постройку в форме усеченной пирамиды, с основанием по три метра в длину и ширину, а при вершине всего в один метр. Высота постройки — простой, но очень крепкой — достигала до шестнадцати или семнадцати метров.

На вершине пирамиды, носящей у американцев название derrick, что значит: платформа, журавль, коза, виселица и вообще снаряд для поднятия тяжестей, прикрепили большой блок; на блок накинули канат, а к канату привязали тяжелый стальной прут. Это был зонд, предназначенный для бурения земли до нефтяного слоя или же до... ничего. Другой конец был привязан к деревянному коромыслу длиной в шесть метров, подвешенному за середину, как качели. На его противоположной стороне также была веревка, в которую впрягалось шесть человек.

По команде начальника начались работы.

— Взя-ли! — кричали дюжие молодцы.

Тяжелый стальной бур поднимался и на минуту замирал. Потом устремлялся вниз, с глухим шумом врезаясь в землю, снова поднимался, снова опускался, и так без конца, пока новая упряжка людей не сменяла первую, третья — вторую...

Для предупреждения обвала в дыру вставляли железную трубу, достаточно широкую для движения бура, который уходил в землю все глубже и глубже.

Обыкновенно эта трудная, утомительная работа производится паровой машиной. Но мистер Остин, прежде чем затратить большую сумму на покупку двигателя и перевозку его в малонаселенный край по бездорожью, желал удостовериться в залегании здесь нефти. Поначалу он вел работы скорее как изыскания, хотя и припас все для того, чтобы в случае удачи тотчас же начать эксплуатацию скважины.

Первая попытка кончилась плачевно. Мистер Остин ожидал найти нефть на глубине двадцати пяти — пятидесяти метров; но масло не показывалось. Он приказал бурить до ста метров, истратил двадцать пять тысяч франков — и не добился ничего.

Новые насмешки посыпались на смельчака, вздумавшего произвести переворот в местной промышленности. Промышленность же была там чисто сельская, жители занимались разведением лошадей, рогатого скота и овец. Но мистер Остин продолжал невозмутимо, с упорством американца, свою работу. Он приказал разломать derricks, вынуть железную трубу и начать бурить несколько дальше. Буровая скважина в семьдесят метров глубины тоже ничего не дала. Этот второй колодец стоил восемнадцать тысяч франков, брошенных на ветер.

В третий раз разобрали постройку и перенесли за полмили к подошве маленького холма, на берег свежего и тихого ручейка. Люди, утомленные неудачами, работали уже не с прежним рвением, несмотря на большое жалование, выплачиваемое инженером из последних средств. Наскучив служить мишенью для грубых шуток ковбоев, они запросили расчет. С трудом удалось уговорить некоторых остаться еще на неделю. Посоветовавшись между собой и решив, что, в сущности, хозяин человек хороший и не слишком требовательный, они снова принялись за работу.

Чтобы понять эти разочарования, эти ошибки, за которыми часто следует неожиданная удача, надо знать, что разведка нефти — вещь чрезвычайно капризная, обманчивая, не поддающаяся никакому опыту.

Нет никаких правил, никаких признаков, по которым можно было бы сколько-нибудь достоверно предположить месторождение нефти в данном краю. Все основано на случае... как в лотерее note 1.

Один факт несомненен: нефть не расстилается по горизонтальной поверхности, как поверхность воды. Колодцы, пробуренные в одной местности, иногда на расстоянии всего нескольких метров друг от друга, не одинаковы по своим свойствам. Один дает просто газ, другой соленую воду с примесью небольшого количества нефти, третий не дает ничего, а четвертый — громадное количество масла.

Глубина их тоже весьма различна: один может иметь двадцать, другой пятьдесят, третий сто метров.

Между этими колодцами встречаются подобные исландским гейзерам выбросы-фонтаны с прерывающимся режимом работы. Так, например, один источник в Питоле дает небольшое количество масла и совершенно иссякает на двадцать минут. Затем раздается протяжный подземный гул, и в продолжение сорока минут нефть поднимается в невероятном изобилии. Потом приток ее снова иссякает, и так — по кругу.

Все эти аномалии вполне объяснимы, если предположить, что нефть заключена в герметически закрытых углублениях неправильной формы, в свою очередь неправильно расположенных в различных подземных слоях. Величина и глубина залегания этих резервуаров весьма различна. Бур может наткнуться на них или пройти мимо. Случается, что две соседние скважины питаются из резервуаров, расположенных на различных уровнях.

Неизменен только состав содержимого, заключающегося в этих колоссальных подземных сосудах. В них находятся газ, соленая вода и минеральное масло; однако все эти элементы присутствуют в различных количествах и всегда под сильным давлением.

Они, эти три вещества, расположены друг под другом соответственно своей плотности: вода находится на дне, нефть над водой, а газ над нефтью.

В зависимости от формы резервуара и его наклона при добыче нефти возможны два варианта. Если бур пройдет в среду, занятую газом, последний вырывается с неудержимой силой,

настоящим ураганом, через трубу в колодце. Когда газ выйдет из колодца, остается только освобожденное от давления масло, которое надо поднять вверх по железной трубе с помощью насосов. Если же бур, углубляясь, попадает или в соленую воду, занимающую дно резервуара, или в слой масла, то результат получается совершенно иной. Газ, занимающий верхнюю часть резервуара, действует как пресс и гонит в трубу воду с песком, чистую нефть или нефть, смешанную с водой. Жидкость поднимается так быстро и в таком изобилии, что ее трудно регулировать. Бывает даже, что масло выбрасывает бур.

После этого понятны те трудности, с которыми встретился американский инженер. Долго все его попытки оставались бесплодными. Нигде не выступало ни одной капли масла, не показывалось ни одной струйки соленой воды, не появлялось ни одного пузырька газа.

Наконец, сами рабочие убедились, что поиски нефти в Колорадо — бесполезная трата времени. Они обещали проработать неделю, и уже наступило утро седьмого дня. Результата, как и прежде, не было никакого; работали только для того, чтобы сдержать слово:

— Взя-ли! Взя-ли!

Вдруг в воздухе раздался свист и вся пирамида задрожала.

В ту же минуту из трубы вылетел столб песка. За ним с пыхтеньем — клубы газа. У рабочих вырвался крик победы. Подземный газ обладал особым запахом, в котором нельзя ошибиться.

— Ура!.. Ура!.. Да здравствует мистер Остин!

Инженер, которого за несколько минут перед тем считали безумцем, в мгновение ока сделался в глазах всех великим человеком.

Под радостные возгласы рабочих бур заработал с удвоенной силой. Каждую секунду ожидали появления соленой воды или нефти. Но нет! Напор газа был так силен, что отверстие закрылось. Давление равнялось или превосходило сто атмосфер! Песок, выбрасываемый струей газа, поднимаясь по трубе, засорял ее. Напрасно бур работал изо всех сил: каждый удар его сопровождался новой струей газа и новым зарядом песка. Так продолжалось целые сутки! Наконец, инженер, измученный работой без результата и вместе с тем уверенный, что у его ног громадное состояние, решил на крайнее средство. Он приказал вынуть бур и, убедившись, что труба не засорена, велел подать заряд динамита. Сам зажег фитиль и, бросая снаряд, крикнул: «Спасайтесь!»

Через минуту мощный взрыв потряс непокорную почву, и тотчас из полуразрушенной трубы вырвался настоящий смерч воды с песком, взлетевший на высоту пятидесяти метров.

Водяной столб продержался на той же высоте в продолжении целых суток. Мало-помалу сила его начала ослабевать, количество песка увеличилось, и извержение прекратилось. Под срубом и вокруг слой песка достигал двух метров. Последние струи соленой воды вылетели уже с примесью нефти. Это служило указанием на то, что работы следует продолжать. Еще раз американская предприимчивость, не останавливающаяся ни перед чем, одержала верх.

Мистер Остин решил приняться за дело со следующего утра. Следовало бы освободить нижнюю часть железной трубы, а потом вставить насос. Но в ту минуту, когда помощник мастера собирался дать сигнал поднять бур, изумленные рабочие почувствовали, что земля дрожит.

вернуться

Это утверждение, как и ряд последующих, было справедливо во время написания романа.

Раздались страшное клокотание, гул, сопровождающий обычно извержение вулкана. Рабочие бросили канат, которым поднимали бурав, и разбежались. В ту же минуту прут весом в сто килограммов, только что вставленный в трубу, вылетел, как ядро из пушечного жерла. Струя неимоверной силы вырвала его вместе с рукояткой, разрушила коромысло, сорвала верхушку пирамиды и взлетела на высоту более шестидесяти метров.

Струя нефти, толщиной в тело человека, поднималась совершенно прямо, как колонна, а на вершине образовывала грациозный изгиб, падая частым дождем.

Рабочие, растерявшись, бегали под этим дождем, крича во все горло:

— Нефть!.. Керосин!

Инженер, не предвидевший подобного изобилия, не приготовил ни канала, ни резервуара. Он намеревался просто выкачивать нефть, а тут... Через несколько минут все было затоплено. Нефть прорыла себе русло и потекла потоком, разливаясь по всем впадинам, и, найдя углубление с глинистым дном, образовала целое озеро.

Спустя неделю можно было ездить в лодке по этому нефтяному озеру, появившемуся на земле счастливого исследователя.

Эксплуатация началась немедленно: капиталы притекали, рабочие собирались со всех сторон, провели железную дорогу, возник целый город.

Скоро сей чисто промышленный город, столь же богатый, как и неопрятный, распался на две части: внизу, в ложбине, бурили и эксплуатировали нефтяные колодцы, а на холме, овеваемом здоровым воздухом, основался район более чистый — Нью-Ойл-Сити, обещавший быстро сделаться соперником старой Петролии. Именно в это время и произошли в нем трагические события, составляющие начало нашего повествования.

ГЛАВА 9

Последние огнепоклонники. — Старому индейцу грозит повешение. — Как было воспринято вмешательство Бессребреника. — Серый Медведь хочет проучить Бессребреника, но сам попадаетея ему в руки. — Телеграмма. — Сватовство. — Станет ли миссис Клавдия серебряной королевой? — Как Бессребреник, сначала победитель, потом побежденный, был в конце концов повешен.

Американец часто называет индейцев «краснокожими гадинами». Он ненавидит и, где только возможно, преследует их. Если несколькими подгулявшим янки попадетс я одинокий абориген, они непременно придумают какую-нибудь жестокую потеху. Именно такую потеху устроили пьяные ковбои над индейцем Джо.

Старик вовсе не заслуживал подобного обращения: он был кроток, безобиден и даже как будто немного с придурью. Жил в труднодоступной пещере на расстоянии около мили от Нью-Ойл-Сити. Подобно древним азиатским огнепоклонникам и пенсильванским сенекасам, Джо знал «тайну огня». Редкие посетители, которым все же удавалось пробраться в его жилище,

рассказывали, что день и ночь, из года в год, оно освещено широким светлым фонтаном пламени. Джо казался духом этого никогда не угасающего огня, которому он, возможно, втайне поклонялся.

Когда мистер Остин поселился в узкой долине, где суждено было возникнуть нефтяному городу, старый индеец очень косо смотрел на предприятие бледнолицых, призывая на них проклятие таинственных и мстительных божеств. Неудачи, преследовавшие инженера поначалу, старый безумец, вероятно, приписывал действию своих всемогущих заклинаний. Его находили забавным и пытались приручить. Но напрасно! Джо даже устоял против соблазнительного виски.

Когда первый нефтяной фонтан взлетел в воздух, грозя наводнением окрестностям, индеец удалился в пещеру и долго скрывал там свое отчаяние. Но в один прекрасный день он снова объявился с видом покорного побежденного, просящего пощады у победителя, перед которым ничто не может устоять. Старый огнепоклонник отказался, по-видимому, от прошлых верований и преклонился перед духом современной промышленности.

Мистер Остин, а особенно миссис Клавдия, приехавшая к мужу, приняли его ласково. Она одела бедного старика, снабдила одеялами, табаком и кое-какими сладостями, и он как будто привязался к ней. Красная шерстяная рубашка довершила победу над сиуксом. С тех пор Джо начал одеваться, как белые, и сохранил только прическу, состоявшую из зачесанного назад чуба, украшенного орлиным пером.

Индеец продолжал жить в своей пещере, но стал более общительным и довольно часто показывался в Нью-Ойл-Сити.

В день, о котором идет речь, шутки возбужденных ковбоев приняли жестокий характер. Джо отбивался, кричал, брыкался, кусался, но этим только усиливал веселость своих мучителей. Один из них, получивший пинок, свидетельствующий о силе старого индейца, пришел в ярость — ярость пьяницы, превращающегося из человека в зверя. На ковбое вместо пояса был длинный гибкий ремень, которым ловят полудиких животных. Это

— лассо, перенятое американскими пастухами, ведущими самый первобытный образ жизни, у мексиканцев.

Он накинул петлю на шею старика и пьяно завопил:

— Этот гадина-индеец осмелился поднять руку на белого; повесить его!

— Билли Нейф прав!.. Да, да! Повесить!

Билли Нейф, ковбой, потянул лассо, и старик споткнулся, испустив хриплый крик.

В эту минуту и вмешался в дело Бессребреник, приказав ковбоям оставить индейца в покое.

В Америке прислуге не приказывают, ее просят оказать одолжение... сделать честь... Можно себе представить, какая брань, какие угрозы поднялись в ответ на слова Бессребреника.

Рыжий, весь обросший волосами гигант с разбойничьим лицом отделился от группы и заревел:

— Он смеет мешать свободным людям веселиться!.. Я, Серый Медведь, проучу его!

Раздался грубый хохот толпы, способной мгновенно перейти от веселости к насилию.

Когда колосс стал надвигаться, подняв кулаки и раскачиваясь, как то страшное животное, имя которого ему дали, Бессребреник приготовился к встрече. Он стал в позицию боксера.

Из пасти Серого Медведя снова послышался хохот:

— Пусть меня в пекле поджарят! Никак, хочешь бороться со мной!

Бессребреник, все стоя в боксерской позиции, невозмутимо улыбался и выжидал. Как ни была уверена миссис Клавдия в его храбрости и ловкости, однако она дрожала и ее маленькая рука сжимала револьвер.

Шести футов вышины, широкий, как шкаф, Серый Медведь, несмотря на свою видимую неповоротливость, обладал необычайным проворством и силой. Его маленькие пронизательные глаза налились кровью, зубы заскрежетали, рыжая борода на лице цвета дубленой кожи встала дыбом...

Старый индеец попытался было воспользоваться этой минутой, чтобы бежать, но Билли Нейф дернул лассо, и бедняга, полузадушенный, только икал, высовывая язык.

Взрыв одобрительных возгласов послышался в толпе; затем наступило глубокое молчание. Началась борьба — отчаянная, беспощадная, исходом которой могла быть только смерть одного из противников.

Верный своей тактике, Бессребреник предупредил нападение Серого Медведя и нанес первый удар.

В эту минуту миссис Клавдия, стоявшая шагах в тридцати, почувствовала, что кто-то тихонько тронул ее за руку. Она обернулась, несколько рассерженная такой бесцеремонностью, но, узнав Боба и одного из его помощников — в Америке не говорят «слуг», — спросила:

— Что такое?

— Телеграмма... очень важная... неотложная... Просят прочесть немедленно.

Сильно запыхавшийся от бега Боб подал телеграмму. Только миссис Клавдия намерилась распечатать ее, как раздался крик — рев быка, оглушенного обухом мясника.

Бессребреник сделал ложный выпад и угостил гиганта таким боксом, на который способны только французские бойцы. Удар попал под самую ложечку. Серый Медведь заревел, отступив на три шага. Казалось, вся его грузная масса содрогнулась от удара.

Миссис Клавдия улыбнулась, несколько успокоенная, затем, вспомнив о телеграмме, распечатала ее и прежде всего взглянула на подпись: «Джим Сильвер».

«Что ему нужно?» — подумала она.

Серый Медведь шумно вдохнул воздух и прорычал:

— Тартейфель!..

При этом возгласе лицо Бессребреника исказилось; он воскликнул по-французски:

— Так ты немец... пруссак!

— Да!.. Сын одного из тех, кто сжигал ваши города! Щенки!.. — Медведь будто выталкивал слова из глотки.

Миссис Клавдия опять перевела глаза на телеграмму — всего несколько слов, но зато каких красноречивых!

«Одинокий, без семьи, полный хозяин своих поступков и своего богатства, я люблю только вас и прошу согласиться выйти за меня замуж. Примите мой миллиард. Будьте королевой серебра и нефти. Оставьте Бессребреника. Никакая человеческая сила не спасет его.

Искренно преданный Джим Сильвер».

Удивленная миссис Клавдия пробежала глазами депешу, когда услышала:

— Негодяй, кто оскорбляет побежденных! — Кулак Бессребреника, прикрепленный будто к стальной пружине, опустился на рот Медведя. Брызнула кровь, и из изуродованной пасти послышались страшные стоны. Но Серый Медведь не отступил; напротив, он стал нападать с удвоенной яростью.

Миссис Клавдия, страстная любительница острых ощущений, с восторгом смотрела на борьбу.

Ей вспомнилась телеграмма, нервно скомканная в руке.

«Да, — рассуждала она. — Миллиарды... Стать королевой серебра... Женой Джима Сильвера!.. Тогда все будет возможно, окажутся осуществимыми самые несбыточные мечты, самые сумасбродные фантазии... Но — этот странный незнакомец смущает, беспокоит и увлекает меня... Там — Джим Сильвер, миллионер, который, без сомнения, любит... здесь — Бессребреник!»

Ужасные крики оторвали ее от размышлений. Бессребреник осыпал градом ударов лицо противника, который смотрел уже только одним глазом. Скоро кулак-камень опустился на второй глаз. Слепленный, задыхающийся Серый Медведь потерял равновесие и растянулся всем телом, хрипя:

— Собака-француз!.. Мы еще встретимся. Сюда, товарищи!.. Отомстите за меня!

Победа Бессребреника пробудила ярость и ненависть дикой толпы. Ковбои, частью мстя за хрипевшего товарища, частью из злобы на хабреца, которого каждый в отдельности боялся, устремились на него, крича:

— Смерть ему!.. Смерть!

Бессребренику оставалось только спастись бегством, но самолюбие и презрение к смерти не допускали подобной мысли. Человек шестьдесят бросилось на него, как стая волков.

Первые упали от ударов, но затем...

Миссис Клавдия смотрела на происходившее глазами, полными ужаса. Бессребреника связали ремнем и потащили. Он был бледен, как труп, и, казалось, потерял сознание. Билли Нейф, не выпуская индейца, сделал петлю на другом конце лассо и накинул ее на шею Бессребреника, указывая на старый полужасохший сикомор:

— Повесим их обоих на одном ремне.

Все захохотали, как будто услышали чрезвычайно смешную вещь.

— Отлично!.. Билли прав!.. Повесим!.. На каждый конец ремня по одному для равновесия.

Уже с полдюжины более проворных или менее пьяных ковбоев взобрались на старое дерево. Им передали среднюю часть лассо, на концах которого корчились Бессребреник и индеец.

— Поднимай! — крикнул Билли Нейф. — Когда Медведь очнется, он будет доволен. И оба человека стали медленно подниматься в воздух при криках и улюлюканье толпы.

ГЛАВА 10

Серебряный король. — Начало его карьеры. — Серебряный самородок в 500 килограммов весом. — Деловой человек. — Спасение. — Героиня. — Удачный выстрел. — Один против толпы. — Пятьдесят две дуэли Бессребреника. — Потерянные бумаги.

Вечно поглощенный делами, Джим Сильвер — серебряный король — едва успевал до сих пор жить. Когда-то, не имея ни копейки за душой, но обладая непреклонной волей и несокрушимой энергией, молодой, сильный, он был готов на все, лишь бы достигнуть цели.

Оказавшись после многих приключений в Аризоне, на границе с Мексикой, Джим поселился на берегу Рио-Жиля, среди суровых индейцев апачей. Сколько необыкновенной ловкости, выносливости и неустрашимости нужно было иметь, чтобы жить здесь без всякой иной защиты, кроме винтовки, доставшейся ему от отца, и кирки рудокопа. По целым дням у него не бывало во рту ни кусочка мяса, ни капли воды. Однажды, заболев, он лежал, обливаясь липким потом, в жестокой лихорадке — один среди поросших кактусами известковых скал, подстерегаемый хищниками, чьи крики походили на похоронный звон. В небе, описывая широкие круги, парили коршуны, и их когти он как бы ощущал в своем теле.

Шел восьмой день болезни. Перестрадав все, что в состоянии вынести человеческое существо, молодой Сильвер думал: «Кончено!.. Я умираю... »

Разразившаяся гроза спасла его. Ливень затопил известковые рытвины, откуда поднимались колючие растения.

Благодетельный дождь освежил Джима, утолил невыносимую жажду. Мало того, слепое счастье наконец ему улыбнулось. Поток, все уносивший своим течением, вызвал обвалы, обнажил пласты почвы, камни. На дне ближайшей впадины оставалось немного воды. Большой нагнулся, чтобы напиться, и... закричал.

Впадина имела дно странной формы, все покрытое углублениями и вздутиями, блестящими металлическим блеском. В первую минуту он даже не поверил своим глазам; это было минутное помешательство, он, еле передвигая ногами, начал приплясывать на месте:

— Серебро!.. Серебро!.. Серебро!..

Действительно, углубление, из которого он пил, образовалось в серебряном самородке весом килограммов в пятьсот. Закидав землей слиток, Джим вернулся в Нью-Йорк, собрал без труда капитал, и скоро серебряные рудники Рио-Жиля стали давать огромные барыши. Но ненасытная жажда деятельности и дальше не давала ему покоя. Разбогатев и приобретя неограниченный кредит, он стал спекулировать на хлопке, сахаре, землях, металлах. Он основывал города, строил дома, железные дороги; его предприимчивость не знала границ. И всюду ему все удавалось. К моменту пари с Бессребреником Джим Сильвер был одним из

двадцати пяти самых выдающихся капиталистов Америки. Несмотря на свои пятьдесят лет, все возрастающий объем работы, он обладал силой и крепостью, которым позавидовали бы многие молодые люди.

По наружности это был обыкновенный янки, высокий, костлявый, с большими руками и ногами, серыми выразительными глазами, нечистым цветом лица и традиционным пучком волос на подбородке.

Архитектор Джима, обязанный иметь вкус вместо него, предоставил хозяину, ценой многих тысяч долларов, тот неслыханный комфорт, о котором в Европе не имеют понятия и которым американские миллионеры по праву гордятся. Великолепные дворцы, волшебные виллы, единственная в своем роде мебель, богатые картинные галереи, лошади, яхты — все у него было, но всем этим он не пользовался, чувствуя себя по возвращении из конторы как бы не на месте среди всей этой роскоши.

Джиму Сильверу некогда было посещать общество, а между тем ему страстно хотелось жениться. Но он не знал, как приступить к розыску «родственной души», не поручить же это дело архитектору.

Как почти всегда бывает, ему помог случай. Первая встреча с миссис Клавдией решила судьбу серебряного короля. На целые сутки он позабыл про свои доки, железные дороги, свои элеваторы, рудники и свой несгораемый шкаф, обшитый сталью.

«Никогда я не мог бы представить себе, — думал он, — что общество женщины и воспоминание о ней будут так приятны. Я женюсь на миссис Остин, хотя бы это стоило сто... двести миллионов». Богач отнесся к сердечному вопросу именно как к «делу» и объяснился с дамой сердца по телеграфу. Предложение его попало адресату в плохую минуту. Мы помним, миссис Клавдия получила телеграмму, когда ковбой, накинув петлю на шею Бессребренника, поднимали его на вершину сикомора. Зрелище было жутким. У повешенного индейца высунулся язык и лицо исказилось ужасной гримасой. Бессребренник же сжал челюсти и губы, посинев от напряжения.

— Стойте!.. Оставьте! — кричала миссис Клавдия, не помня себя.

Возбужденные и пьяные ковбой принялись хохотать, сбившись в кучу.

— Негодяи!.. Разбойники!.. Это безбожно!

Смех становился все громче.

— Пустите, подлецы!.. — приказала молодая женщина.

Видя, что толпа не обращает на ее слова ни малейшего внимания, она выхватила маленький револьвер и, нацелив в толпу, несколько раз нажала курок.

Раздались три выстрела. Миссис Клавдия, любительница спорта, прекрасно владела оружием, и три человека повалились, даже не вскрикнув. Оставалось сделать всего несколько шагов до сикомора, но Билли Нейф уже прицелился в джентльмена.

В четвертый раз послышался слабый звук Смита и Вессона. Пуля попала Билли Нейфу в переносье, и он упал на руки товарищей, которых начинала охватывать паника.

И опять среди водворившегося молчания прозвучал сухой, короткий выстрел. Ловкость миссис Клавдии была такова, что пуля, выпущенная из ее перламутровой игрушки, перервала лассо надвое.

Джо-индеец и Бессребреник тяжело упали на землю. Неустранимая миссис Остин бросилась к ним, и ни один из разбойников не посмел удержать ее. Она быстро нагнулась, подобрала охотничий нож Билли Нейфа и в одну секунду перерезала ремни, связывавшие джентльмена. Он был близок к удушению и, жадно вдохнув воздух, проговорил: «Благодарю!»

Миссис Клавдия подбежала к трупам Нейфа, схватила два оправленных в серебро револьвера, хранившихся у него за поясом, и передала Бессребренику:

— Защищайтесь!

— Еще раз благодарю... Постараюсь! — Он с трудом приподнялся на одно колено.

Взбешенная такой развязкой, толпа, отступившая было после выстрелов миссис Клавдии, снова приближалась. Необыкновенное уважение янки к женщине не допустило насилия над защитницей Бессребреника, но ковбои намеревались заставить его самого дорого заплатить за убитых товарищей.

— Сударыня, — крикнул один из них, — потрудитесь отойти, будут стрелять!

— В женщину?.. Вы не посмеете...

К Бессребренику, несколько оправившемуся, возвращались силы. Его переполняло презрение к ораве висельников.

— Пятьдесят человек нападаете на одного! Вы не мужчины! Подонки!

Среди ковбоев послышались восклицания: «Ты смеешь говорить это?.. Смеешь нас ругать подонками!.. Ну держись!.. У меня было пять дуэлей!.. У меня — десять... Я убил семь человек!»

Бессребреник, не опуская дула пистолета, прокричал:

— Хвастуны!.. Лгуны!..

Джо-индеец, вернувшийся к жизни, гримасничал, как обезьяна, и беспрестанно чихал.

Возглас Бессребреника вызвал новый взрыв ругательств.

— Попробуй-ка помериться со мной!..

— И со мной!

— Нет, со мной первым.

— С удовольствием, — отвечал Бессребреник. — У меня на родине говорят: «На то и щука в реке...»

— Плевать нам на твою родину...

— Напрасно!.. Серому Медведю не поздоровилось.

- Ты француз?
- Может быть... во всяком случае я тот, кто вас вызывает на дуэль.
- Всех?..
- Да!
- Нас ведь пятьдесят человек.
- Пятьдесят два. И всех вас я надеюсь хорошенько проучить.
- У тебя словно не одна голова на плечах.
- Одна, да только ничего не боится.
- Кто же ты?
- Я Бессребреник...
- Тот самый, что хочет обойти весь свет без гроша в кармане?
- Тот самый.
- Ну так далеко ты не уйдешь! Придется потягаться с нами.
- Потягаюсь.
- Когда?
- После обеда! Не переносить же его из-за пустяка вроде дуэли.

То один, то другой ковбой задавали вопросы Бессребренику, и он отвечал каждому. Это была передышка на пути к смерти, хотя со стороны казалось, что поединок с пятьюдесятью молодцами, отлично стрелявшими, не знавшими ничего святого, не дорожившими собственной жизнью, заботит Бессребреника не больше, чем какая-нибудь шутка. Он заткнул за пояс револьверы, поданные миссис Клавдией, и, предлагая ей руку, спросил:

— Позвольте проводить вас домой? А ты, Джо, ступай за нами... Найдется бутылка виски, чтобы заставить тебя забыть все волнения.

Индеец поправил орлиное перо в иссиня-черной гриве и, вытянув шею, как петух, флегматично зашагал за своим покровителем.

Ковбои, сбитые с толку необычайной самоуверенностью джентльмена, решили не отступить от него ни на шаг.

Бессребреник, простившись с миссис Клавдией у дверей ее дома, поспешил на телеграф и отправил в «Нью-Йорк Геральд» следующую телеграмму, произведшую в тот же вечер необычайный эффект:

«Меня повесили вместе со старым индейцем... Миссис Клавдия Остин пулей из револьвера оборвала веревку. Предстоят пятьдесят две дуэли с пятьюдесятью двумя ковбоями... Надеюсь справиться с ними. Прошу выслать по телеграфу ордер на получение пяти шиллингов, —

гонорар за эти пять строк. Я голоден, как никогда. Бессребреник».

Со своей стороны и миссис Клавдия думала об ответе серебряному королю. Она стала искать в кармане телеграмму и, не находя ее, решила: «Должно быть, куда-нибудь заложила». Как далека была она в это мгновение от мысли, что столь незначительное обстоятельство повлечет за собой ужасные последствия, сделает ее героиней драмы, в которой каждую минуту ей будет грозить потеря чести и жизни.

ГЛАВА 11

Бессребреник голодает. — Ковбой Терка. — Дуэль на винтовках. — Убить за пять шиллингов. — Как опасно пить в обществе людей незнакомых. — Подозрительный напиток. — Не менее подозрительный сон. — Ужасное пробуждение. — Пожар. — Исчезновение миссис Клавдии.

После всех передраг жажда и голод мучили Бессребреника. Жажду еще можно было утолить, напившись у первого ручья, но как утолить голод, от которого казалось, будто в животе поселилось целое племя индейцев. Между тем телеграммы из Нью-Йорка с ассигновкой на пять шиллингов не следовало ожидать раньше пяти часов. Бессребренику представился случай устроить все быстрее.

С дюжину ковбоев окружили его, и один, известный под именем Терка, небрежно бросил:

— Эй, вы!.. Куда собрались?

— Вам какое дело!

— Весьма большое. Ведь вы обещали драться с нами.

— Что же, я не отказываюсь.

— Но было условлено, что вы никуда не уйдете, то есть попросту не удерете.

Ковбои хохотом выразили свое одобрение товарищу.

Брови Бессребреника сердито сдвинулись; он покраснел, но в конце концов тоже расхохотался.

— Я был так далек от намерения, которое вы мне приписали, что хочу сделать предложение.

— Говорите!.. Скажите!

— Как вам известно, я назвал себя Бессребреником по состоянию кармана. И вот теперь мне даже не на что пообедать, так как вы не дали мне заработать хотя бы шиллинг.

Со всех сторон слышались предложения: «Зачем же вы раньше не сказали?.. Пойдемте в первый бар... нет, в салун Нэба... Примите наше приглашение... Доставьте нам удовольствие!» Джентльмен не знал, кого слушать. Он сделал знак, призывающий к тишине.

— Благодарю, джентльмены, но не могу.

Отказ принять что-либо от ковбоев считается смертельной обидой, после которой почти всегда следует убийство. Слова Бессребреника вызвали бурю негодования.

Он снова сделал жест и заговорил:

— Прощу не обижаться, условия заклада не позволяют мне принимать что бы то ни было даром.

— А, вот что! — раздалось из толпы, переходившей с невероятной быстротой от бури к полному затишью.

— Но мне не запрещается держать, если вздумаю, пари, — продолжал Бессребреник.

— Держать пари? На какие деньги? — переспросил Терка.

— На те пять шиллингов, которые я должен получить сегодня вечером.

— На пять шиллингов?.. Нищенский заклад.

— Зато предмет его будет выдающийся.

— На что вы хотите биться?

— На свою жизнь против вашей. Я докажу вам, что не намеревался удирать, и несколько развлекусь во время скучного ожидания.

— Ол райт! — отвечал ковбой с необычайной беззаботностью бродяги.

— Ваши условия?

— Какие угодно.

— А оружие?

— Любое.

— Я предложу винчестер с десятью зарядами.

Бессребреник снова презрительно засмеялся.

Терка сделал угрожающий жест:

— Не понимаю, что смешного в моем предложении.

— Вы, должно быть, плохой стрелок, коль нуждаетесь в десяти зарядах, чтобы пристрелить человека.

— Надеюсь доказать противное.

— Ну, а с меня достаточно будет и двух, — заключил Бессребреник.

— Хвастун!

— Дерзости извиняют тем, кому остается так мало жить.

— Пора...

— К вашим услугам... Попрошу кого-нибудь одолжить мне винтовку и два патрона.

Двадцать пять рук протянулись к нему с ружьями. Он взял первое попавшееся, вложил один

заряд и прибавил насмешливо:

— Вы предоставите мне определить расстояние, не так ли?

— Да, но поскорее.

— Мы обернемся друг к другу спиной и отметим по двести пятьдесят шагов.

— Пятьсот шагов?.. Это много.

— Затем, остановившись, выстрелим.

— Хорошо! Но еще раз повторяю — это далеко, очень далеко...

— Потрудитесь передать одному из этих джентльменов пять шиллингов... Я играю на слово.

Терка вынул из пояса полотняный кошелек, отсчитал сумму и сказал:

— Надеюсь сейчас же получить их обратно.

Бессребреник отвечал, пожав плечами:

— Кто знает!

Терка не без основания считался одним из лучших местных стрелков, а всем известно, какие чудеса совершают ежедневно эти виртуозы обращения с оружием.

Между ковбоями немедленно было заключено несколько пари.

Прежде чем начать отмерять расстояние, Бессребреник зарядил и снова разрядил свою винтовку, внимательно рассматривая курок и пробуя его.

Высоко над головами, каркая, пролетала в эту минуту ворона. Джентльмен прицелился и выстрелил. К несказанному удивлению всех, птица, казавшаяся в высоте не больше дрозда, начала стремительно падать. Через мгновение она лежала на земле, как тряпка.

Терка побледнел, но старался не выдавать своего страха.

— Хороший выстрел!.. — крикнул он. — Но и другие сумели бы сделать то же.

Бессребреник вежливо поклонился и откинул затвор.

Убитая ворона переходила из рук в руки.

Тем временем начали отмерять дистанцию дуэли: «Двести сорок восемь, — считал Бессребреник, — двести сорок девять... двести пятьдесят... Довольно!»

Терка удалялся в противоположном направлении, также отсчитывая шаги. Он остановился и, не говоря ни слова, поднял винчестер. Грянул выстрел. До Бессребреника донесся свист пули, и его шляпа отлетела на десять шагов.

Ковбои разразились отчаянным «браво», а Бессребреник проворчал:

— Неплохо!

Он уже целился, в то время как Терка заряжал ружье. Секунды три было в выигрыше. Эти три секунды отделяли его противника от вечности. Джентльмен замер на месте, выстрел был почему-то совсем не слышен, из дула показался белый дымок. Терка опустил руки, выронил карабин и растянулся во всю длину.

Бессребреник, по-прежнему невозмутимый, вернулся к притихшим ковбоям, как бы охваченным суеверным страхом, и, подойдя к тому, которому вручены были пять шиллингов, сказал:

— Прошу передать мне заклад.

— Но ваш противник, возможно, только ранен.

— Да, очень вероятно, но смертельно. От пули между глазами у него случилась мигрень.

У ковбоев мороз пробежал по коже, а Бессребреник, вынув из кармана блокнот, записал:

«Пятьсот шагов — около четырехсот пятидесяти метров».

Затем прибавил:

— Надо вычесть из сорока миллионов метров. А теперь скорей обедать!

Он вернул винтовку хозяину и отправился в город, куда уже дошел слух о его подвиге.

Зайдя в салун, Бессребреник приказал подать себе еды и с жадностью проглотил ее. Затем видя, что осталось достаточно денег, заплатил за стакан виски и сигару. Усевшись в кресло, он покачался с минуты и задремал.

В то же время в углу салуна два человека шептались, продолжая начатый ранее разговор:

— Да, — говорил один, — серебряный король заплатит сколько угодно.

— Как бы не поплатились мы сами, — сказал другой.

— Кто ничем не рискует — ничего не имеет.

— А веревка?..

— А миллионы долларов?..

— Все же похищение!.. Этим не шутят...

— Но ведь самое похищение уже не наше дело.

— Судья Линч не станет разбирать...

— Стало быть, ты отказываешься?

— Нет, только колеблюсь... Покажи-ка бумагу.

Собеседник вынул из кармана скомканный лист и развернул его.

— Вот он, документ.

Другой стал разбирать текст и, дойдя до конца, произнес:

- Подписано: Джим Сильвер. Где ты нашел это?
- На земле... в ту минуту, как миссис Клавдия освобождала повешенных.
- Должно быть, потеряла телеграмму.
- Я видел, как она обронила ее.
- И не подумал вернуть?
- Намеревался было, а потом рассудил, что не следует поддаваться первому порыву.
- Верно!
- У старого крокодила, Джима Сильвера, мощна полная, пусть потрясет ею.
- Стало быть, ты намереваешься...
- ... похитить миссис Остин, увезти ее в надежное место и выдать воздыхателю только за наличные.
- За сколько?
- Ну, положим... хоть за двадцать пять миллионов.
- Долларов?
- Да... на долю каждого по двенадцати с половиной миллионов! Принимаешь?
- Не отказываюсь!
- Говори прямо, «согласен» — и дело в шляпе.
- Хорошо, согласен!

Бессребреник продолжал дремать в качалке, давно погасшая сигара упала на пол к его ногам. Когда он проснулся, уже вечерело. «Пора сходить за деньгами из „Нью-Йорк Геральд“, — первое, что пришло ему на ум. — Пять шиллингов — целое состояние».

У выхода из салуна стояло два человека.

- Послушайте, джентльмен, — обратился один из них, — вы, наверное, не откажетесь выпить с нами «Воскресительного»?

Это питье, состоящее из самой адской смеси, похожее на крепкую водку, страшно обжигающую рот, — любимый напиток западных янки.

- Пожалуй, — кивнул Бессребреник, намереваясь в ответ угостить неизвестных.

Хозяин салуна налил стаканы, гости чокнулись и выпили залпом — жадно, по-американски, как люди вечно занятые, ищущие в питье не удовольствия, но быстрого, мгновенного опьянения.

Через несколько минут Бессребреник почувствовал, что ноги у него ватные, а мысли путаются. Он снова уселся в свою качалку и после тщетной попытки стряхнуть странное оцепенение погрузился в тяжелое забытие.

Двое товарищей засмеялись, похлопав по плечу буфетчика:

— Чистая работа, Нэб; твоё снадобье — чудодейственное.

— Продрыхнет, по крайней мере, шесть часов.

— Возьми два доллара за труды, и до свидания.

Было семь вечера.

В три часа ночи Бессребреник проснулся с головой, словно стянутой железным обручем, с отвратительным вкусом во рту, весь разбитый. Он лежал, растянувшись под столом, как записной пьяница, которому пол кажется матрасом.

Вокруг раздавался храп опившихся воров. Воздух был насыщен запахом табака и алкоголя. Стояла совершенная темень.

Бессребреник с трудом собрался с мыслями: как мог он очутиться в такое время в таком месте? Ощупью попытался найти выход из притона. Стараясь не наступить тяжелыми сапогами на головы спящих, он наткнулся на стол, уставленный стаканами, блюдами, бутылками, — все с грохотом полетело вниз. Разбуженные пьяницы схватились за револьверы — шальные пули дырявили стены и потолок кабака.

При вспышках выстрелов Бессребренику удалось-таки заметить входную дверь. Низко пригнувшись, он благополучно выбрался на улицу, но тут же инстинктивно сделал шаг назад — небо от края до края было залито зловещим багровым светом.

Гул толпы, словно крик крылатого чудовища, парил над городом. Влекомый недобрым предчувствием, Бессребреник помчался на площадь, где недавно отплясывалась кровавая кадрили, и, прибежав, замер как вкопанный — в пятидесяти метрах от него догорало роскошное жилище миссис Клавдии. Магазины, службы, склады в несколько часов превратились в пепел.

Соседи, смотревшие в понятном волнении на страшное зрелище, ничего толком не смогли объяснить ему. Пожар произошел внезапно, огонь охватил все сразу.

— Но миссис Остин! Где она?

— Она исчезла.

ГЛАВА 12

Пьяный ирландец. — Индейская лошадь. — Еще одним противником меньше. — Погоня. — Бессребреник пристреливает лошадь. — С ловкостью клоуна. — Бессребреник превращается в зверя. — Травля.

Вначале миссис Клавдия внушала Бессребренику только любопытство с оттенком снисхождения — эксцентричная особа, вечно гоняющаяся за сильными ощущениями. Но чем дольше находился джентльмен в обществе этой женщины, тем более убеждался: между ними

много общего — отвращение к условностям, страсть к совершению невозможного...

И все-таки он, вероятно, скоро расстался бы с нею, если бы не случай, после которого человек порядочный уже не считается свободным: миссис Остин спасла его, не убоявшись пьяной грубой шайки. Теперь настал черед джентльмена выручать свою спасительницу. Не остаться перед ней в долгу, найти, вызволить, защитить было для него сейчас куда важнее, чем выиграть пари. Но и куда труднее: миссис Клавдия исчезла бесследно.

В поисках хоть какой-нибудь нити, ведущей к пропавшей молодой особе, он, расспрашивая всех подряд, наткнулся на пьяного ирландца, видевшего недавно повозку с вооруженными людьми.

— В повозке женщина? — со страхом спросил Бессребреник.

— Доподлинно не знаю... — отвечал пьяница, -... что-то обернутое в ткань.

Сведения были более чем туманными, но за неимением других Бессребреник решил идти по этому следу.

Возле салуна, в котором ночевали очумелые от виски ковбои, он заметил оседланных и взнузданных лошадей. Как всегда, они стояли без присмотра — в здешних местах конокрадство крайне редко. У каждой лошади на плече и ногах клеймо ранчо, и в случае ее похищения ковбой сотни верст гонятся за вором, чтобы судить его судом Линча.

Знал ли все это джентльмен? Преотлично. Тем не менее в мгновение ока вскочил в чужое седло.

Несколько ковбоев показались на пороге салуна.

— Эй, господин Бессребреник, — крикнул один из них, — куда это вы собрались?

— Куда вздумается, — отвечал джентльмен, не любивший, как мы знаем, вопросов.

— А когда же состоятся ваши пятьдесят две дуэли?

— Пятьдесят одна! — мистер Терка первым отправился туда, куда последуют остальные.

Лошадь, простоявшая десять часов, рванулась. К счастью, ему достался индейский конек — животное до того выносливое, что кажется сделанным из стали. Не очень быстрое на ходу, похожее на крупного пони, оно может несколько суток обходиться без пищи и воды. Проехав в один день тридцать миль, эти лошади и на следующий (если не очень гнать) в состоянии преодолеть еще сорок. А вечером, расседланные, хорошенько вывалявшись и съев пару пучков буйволовой травы, они как ни в чем не бывало приходят спать возле хозяина.

Ошеломленные ковбои, видя, что Бессребреник погоняет коня, подняли крик:

— Лови!.. Лови!.. Он бежит...

— Кто?.. Кто?..

— Бессребреник!

— Не может быть... Собака...

Пони летел, будто у него к хвосту была привязана горящая головня. Ловко сидя в широком с

кожаной бахромой мексиканском седле, к которому был прикреплен вьюк. Бессребреник на скаку окинул взглядом свое снаряжение: больше всего обрадовала заряженная винтовка, непромокаемый плащ и сотня патронов в сумке. Были и съестные припасы: сало, маисовая мука, виднелась даже оплетенная фляжка для виски, — владелец индейского пони оказался человеком предусмотрительным!

Бессребреник успел ускакать уже метров на пятьсот, когда взбешенные ковбои пустились вдогонку.

— Посмел вызвать всех нас, а теперь удирает! — возмущенно вопили они.

Преследователям показалось, что джентльмен держит в прерию. Они хохотали, находя подобный план безумным.

— Не знает, дурак, что мы можем месяц не сходить с лошади и гнаться за ним хоть до самой Канады.

— Нет, вы посмотрите, что он делает!

Бессребреник, выехав за город, вдруг свернул направо с тропы, носившей громкое название дороги.

Человек двенадцать ковбоев тоже свернули, продолжая кричать во всю мочь. Но Бессребреник не обращал внимания на их угрозы — он искал свежие следы повозки и, не найдя их на дороге, собирался объехать весь город. Его преследователи были уже близко, и на расстоянии трехсот метров одному из них вздумалось выстрелить.

Послышался сухой удар: пуля попала в луку седла и раздробила ее. Еще на пять сантиметров выше, и она попала бы в спину всадника. Брови джентльмена сердито сдвинулись, он весь вспыхнул, осадил пони и спрыгнул на землю.

Спрятавшись за лошадью, Бессребреник прицелился в скачущих. И хоть ковбои пригнулись к седлам, их предосторожности были напрасны: первая пуля попала в красную рубашку, алевшую, как мак, на спине одной из лошадей; тело конвульсивно поднялось, руки взмахнули в воздухе, и ковбой бездыханной массой свалился на землю. Привычная лошадь Бессребреника не шелохнулась. Джентльмен подождал полминуты, пока рассеется дым. Ковбои тем временем последовали его примеру и спешили.

Теперь Бессребреник видел только ряд ружейных дул, выставившихся из-за седел, и не мог разглядеть лиц, скрывавшихся за вьюками. Ковбоям нельзя было выглянуть, не рискуя жизнью, но и Бессребреник должен был спрятаться, чтобы не стать мишенью для противников.

Оба воюющие лагеря бездействовали.

— Эти мошенники, кажется, хотят заставить меня пустить здесь корни! — буркнул Бессребреник. — Но нет, они затевают что-то новое.

Ковбои действительно начали выполнять довольно оригинальный маневр: не выходя из-за лошадей, они заставляли последних идти шаг за шагом вперед, стараясь при этом двигаться спиралью. Бессребреник понял: скоро они окружают его и нападут со всех сторон. Ему становилось не по себе.

— Ну и глупец же я, право! — воскликнул он вдруг. — Есть средство остановить наглецов, стоит

только...

Он недоговорил и выстрелил.

Одна из лошадей, в висок которой попала пуля, растянулась неподвижно. Ковбой, скрывавшийся за ней, бросился на землю позади труп. Вся шайка на минуту замерла на месте.

— Отлично! — сказал Бессребреник. — Жаль только ни в чем не повинных лошадей.

Ковбои, казалось, были в крайнем затруднении: они сознавали, что в начавшейся схватке потери будут неоправданно большими, но, с другой стороны, их врожденное упрямство не позволяло сойти с пути, на который вступили.

Под прикрытием лошадей состоялся поспешный военный совет. Один из ковбоев, более благоразумный и смелый, предложил отступить. Другие набросились на него с проклятиями и бранью, долетавшими до слуха Бессребреника. Он же тем временем, повесив ружье на седло, одну из ног сунул в стремя, правой рукой уцепился за гриву пони, а левой — уколол его острием ножа в бок. Только индеец или клоун могли проделать подобную штуку на виду у неприятеля. Пони сделал отчаянный прыжок и помчался, унося неустрашимого седока.

В первую минуту ковбои подумали, что у Бессребреника сорвалась лошадь, а он сам притаился в высокой траве. Им и в голову не пришло, что этот белоручка, не тронутый даже загаром степей, может выкинуть столь сложный номер. Со смешками, издевками они устремились к месту, где предполагали захватить джентльмена. Каково же было разочарование, когда первый из них, заметивший хитрость джентльмена, заревел:

— Идиоты, разве не видите, мошенник удрал!

Ругаясь пуще прежнего, ковбои бросились к лошадям и снова пустились в погоню.

Но Бессребреник, понукая лошадь острием ножа, летел как стрела.

Ковбои не могли прийти в себя от изумления.

— Мы не отстанем от него хотя бы до самого пекла! — вскричал один из них, вонзив огромные мексиканские шпоры в бока своего великолепного мустанга.

— Да, да! До самого пекла! — вторили ему остальные.

Началось то беспощадное, ожесточенное преследование, которое знакомо только охотникам за лошадьми. Охотникам, способным неделю за неделей со сказочной неутомимостью краснокожих скакать по лесам, холмам и равнинам, не ведая страха, не сбиваясь с пути, ни на миг не теряя с высоты своего седла тот единственный след, который узнают среди сотен других.

Бессребреник между тем все продолжал гнать лошадь. Вдруг, как птица из травы, над прерией вспорхнул крик радости: джентльмен увидел ясные следы колес повозки, траву, примятую лошадьми, которых было семь или восемь. Без сомнения, миссис Клавдия и ее похитители проехали здесь!

— О, я спасу ее! — воскликнул он с жаром, удивившим его самого.

Следы вели в бесконечную травяную равнину, волновавшуюся, как море. Бессребреник помчался вперед.

Ковбои не отставали, но расстояние между ними и джентльменом не уменьшалось. Они щадили лошадей, решив доставить себе удовольствие и устроить травлю, где место преследуемого зверя было уготовлено человеку. Предполагалось, что охота продлится несколько дней — дичь была не из таких, чтобы сдаться сразу. Итак, они скакали, разговаривали, курили, жевали жвачку, время от времени распалая себя выстрелами.

Бессребреник слышал свист пуль, но не отвечал: берег патроны.

Ночью все расположились там, где их застала темнота.

Опасаясь внезапного нападения джентльмена, ковбои поочередно становились на часы.

Бессребреник провел бессонную ночь, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к каждому шороху.

На рассвете он снова сел на лошадь и первым пустился в путь; ковбои, по-видимому, не намеревались подъезжать к нему ближе. Но он знал: преследование скоро начнется с невиданным упорством и ожесточением.

Прошло несколько часов без всякой перемены в положении дел. Пони Бессребреника бежал себе иноходью, не выказывая никакой усталости. Сам джентльмен в седле сидел твердо и походил скорее на доброго ранчero, объезжающего свои пастбища, чем на человека, за которым гналась шайка разбойников.

Он все ехал по следу повозки и терялся в догадках о причине похищения молодой женщины и о месте, куда ее увезли.

Уже давно тянулась совершенно дикая равнина. Не видно было ни ранчо, ни поселка, ни одинокой фермы или хижины — ничего! Только желтоватая трава становилась все гуще и выше, доходя почти до стремян.

Наступала вторая ночь. Несмотря на свою выносливость, джентльмен чувствовал чудовищную усталость. Уже два часа ковбоев не было видно, и Бессребреник надеялся, что они еще далеко. «Привал!» — скомандовал он сам себе. Лошадь, наевшись, легла, а он сел возле нее, противясь всеми силами сну. Глаза его все же закрылись...

Вдруг ржание и толчок разбудили джентльмена. Он сразу вскочил и удержал за узду обезумевшее животное.

Вся степь пылала. Пламя подступало все ближе. Воздух невыносимо раскалялся. Огонь приближался как бы прыжками. Страшный треск, будто от сотни мчавшихся вагонов, покрывал всякий другой шум. Лошадь дрожала, ежилась и прижималась к хозяину, словно прося помощи. Потом, задыхаясь, стала вырываться, бить копытами.

Казалось, сама смерть в клубах дыма и языках огня стала перед Бессребреником на дыбы:

ГЛАВА 13

Опять ковбои. — Откуда они берутся. — Желтая Птица и Дик-Бэби. — В плену. — После похищения. — Бешеная скачка. — У тюремщика. — Перед оргией.

За ремесло ковбоя — опасное и тяжелое — берутся обычно люди, принимавшиеся прежде за многое, но всюду потерпевшие неудачу.

Они не любят распространяться о своем прошлом, о семье или родных. Акцент иногда изобличает в них иностранцев. Между ними попадаются англичане, немцы, испанцы, французы, но, конечно, большая часть — янки. Очень немногие сохраняют свою настоящую фамилию, большинство принимает какое-нибудь прозвище. Бывает, в один прекрасный день под влиянием винных паров кровь у кого-нибудь из них закипает, мозг воспламеняется, происходит какой-то сдвиг — и, ко всеобщему изумлению, ковбой перерождается. Он начинает выражаться изящно, заводит речь о вещах, не имеющих никакого отношения к его теперешней профессии, — одним словом, на минуту превращается в джентльмена. Но лишь только хмель слетает, человек снова возвращается к грубой действительности. От нарушения своего инкогнито у него остается смутное чувство неловкости. На следующий день он отправляется к хозяину-ранчеро, просит расчета, получает причитающееся жалование и уходит на другое место.

Но случается, и без видимой причины ему надоедает после двух-трех месяцев жить на одном месте, и он внезапно покидает ранчо.

Почти нет примеров, чтобы ковбой прожил долго, несколько лет, у одного и того же хозяина. В крови этих людей, бросивших общество равных себе по развитию, чтобы приблизиться, насколько возможно, к природе, пробуждаются инстинкты бродяг. Хозяева проявляют большую снисходительность при найме этого беспокойного народа. Они не спрашивают у ковбоя ни его имени, ни происхождения. Одетый в традиционный костюм и запасшийся орудиями, необходимыми в его профессии, он входит в общий зал хозяйского дома, садится перед огнем, покуривая трубку или жуя табак, и остается здесь столько, сколько ему вздумается — один, два, три дня или больше. Товарищи делятся с ним кровом, пищей, виски и табаком. Если ему вздумается остаться — спрашивает себе работу. В противном случае отправляется на соседнее ранчо, где снова находит радушный прием. И так до тех пор, пока не выберет себе подходящего места.

Эта бесшабашная жизнь имеет свою неизъяснимую прелесть. Для людей, любящих прежде всего свободу, почти невозможно отказаться от подобного существования. Обанкротившиеся купцы, учителя без дела, врачи, уличенные в нарушении закона, моряки-дезертиры, адвокаты без практики, аптекари, повара, механики, парикмахеры, сделавшись ковбоями, никогда не возвращаются к покинутой профессии. Они живут и умирают ковбоями. Из этой краткой характеристики становится понятным, до каких крайностей могут доходить подобные люди вдали от границ цивилизованной жизни. Они чрезвычайно усердные работники, так как очень самолюбивы; но раз загуляв, уже не знают меры и относятся к человеческой жизни — своей собственной или чужой — с полным презрением. Нет вещи, которой ковбой не изведает бы, иногда ему даже случается сделать... добро.

И вот от таких людей Бессребреннику приходилось защищать себя и миссис Клавдию. Молодая женщина находилась во власти худших из худших. Только храбрость Бессребренника или миллионы Джима Сильвера могли ее спасти.

Ковбой, поднявший телеграмму, так некстати оброненную миссис Остин, был самым отъявленным негодяем по прозвищу «Желтая Птица». Он принадлежал к шайке бездельников, маскировавшихся индейцами, чтобы грабить ранчо, поезда переселенцев, одиноко стоящие фермы, а иногда даже целые деревни.

Подражая в совершенстве костюму и татуировке краснокожих, зная их язык, эти ковбои и

вправду казались настоящими индейцами.

Жадный до денег, Желтая Птица в грабежах имел двойной доход. Известно, что существуют особые охотники — охотники за скальпами, или волосами, снятыми индейцами с голов убитых врагов. Скальп состоит не из одних волос, но из волос с кожей, которую жестокий воин сдирает с жертвы, предварительно сделав круговой надрез от затылка ко лбу. Эти мрачные трофеи, встречающиеся все реже и реже, находят себе покупателей и продаются по сто, двести, триста долларов и больше. Желтая Птица, имевший постоянный сбыт подобному товару, скальпировал всех, кто ему попадался под руку.

Усердное преследование со стороны полиции и племени настоящих суиксов заставило его отказаться от прибыльного занятия. Желтая Птица сделался ковбоем и поселился возле Нью-Ойл-Сити.

Соучастник его некогда был, как думали, адвокатом, который за разногласия с законом сначала попал в тюрьму, а затем в прерии Запада. Прозвище свое — Дик-Бэби — он получил благодаря розовому, пухлому, как у ребенка, лицу, никогда не загоравшему под жгучим солнцем. Жестокий, но несколько трусливый, он обладал никогда не иссякающим красноречием болтуна и пройдохи.

Похищение миссис Клавдии и проект получить за нее выкуп были замыслены Желтой Птицей. Он же подобрал для этой цели с полдюжины помощников. Затем Желтая Птица и Дик-Бэби отправились в дом хозяйки. Она приняла их не колеблясь, поверив, что эти двое явились для переговоров между администрацией и ковбоями.

Войдя, Дик-Бэби произнес какую-то вступительную фразу, а Желтая Птица по-индейски неслышно подкрался сзади и точным, натренированным движением мастера заплочных дел зажал ей рот платком. Миссис Остин пыталась защититься, вырваться, но напрасно — Дик-Бэби связал ей руки, извиняясь за вольность, которую себе позволяет.

Затем оба негодя принялись грабить драгоценные вещи и серебро.

Они оказались настолько внимательными к чужому добру, что уложили в чемодан даже немного белья и туалетных безделушек, назначение которых, впрочем, знали весьма нетвердо.

Их товарищи между тем заложили в шарабан лучшую из лошадей. Желтая Птица поднял миссис Клавдию, как пушинку, вынес во двор и усадил в экипаж. Он взял вожжи и намеревался дать знак к отъезду, когда заметил, что нет Дика-Бэби.

— Проклятье! — пробормотал он. — Где копаются этот каналья?

Отсутствие бандита скоро объяснилось. Густые клубы дыма уже вырывались из окон дома-дворца. Дик-Бэби прибежал, крича:

— Горит! Горит!

— Ты поджег?

— Да, везде!

— Отлично!

Он впрыгнул в седло в ту минуту, как лошади, испуганные первым светом пожара, начали

беспокоиться. Поезд, с шарабаном во главе, выскочил из ворот на улицу, толкая и давя всех попадавших на дороге.

Они направились в прерию, а зарево в покинутом городе разгоралось все ярче и ярче. Часть ночи проскакали по равнине, расположенной от Терриаль-Крика до Южного Плато. Это огромное пространство, заключенное между двумя реками, носит название Южного Парка и простирается до гор, дающих начало Арканзасу — небольшому быстрому потоку, в котором мудрено узнать будущий могучий приток Миссисипи.

Это — пустыня без городов, без поселков, без деревьев. Высокая жесткая трава, растущая на неблагоприятной почве, негодна даже для пастьбы скота. Птиц здесь встречается мало, четвероногих еще меньше, но зато гремучих змей множество.

На рассвете Желтая Птица остановил рысака и приказал сделать привал на берегу.

Задышавшейся миссис Клавдии развязали рот и подали напиток. Она изнемогала от усталости, но гордая и непреклонная даже не удостоила негодяев ни единым взглядом.

После часовой остановки снова двинулись в путь по направлению к юго-западу. Желтая Птица, по-видимому, прекрасно знавший местность, вел поезд, невозмутимо отвечая на вопросы спутников:

— Потерпите... Подождите...

— Да куда ты нас, наконец, ведешь?

— В такое место, где нет ни шерифов, ни полисменов и где таким молодцам, как мы, можно позабавиться.

— А далеко еще ехать?

— Увидите.

Вечером расположились на ночлег в совершенно пустынной местности. Для миссис Клавдии устроили постель из подушек шарабана, травы и пледа вместо одеяла.

После скромного ужина ковбои растянулись на земле, подложив под голову седла, и уснули, не выпуская из рук карабинов.

На следующее утро поехали все тем же аллюром. С некоторого времени местность стала менее ровною; чаще и чаще начали попадаться трещины в почве, а затем и канавы, через которые Желтая Птица, правивший шарабаном, переезжал с чисто американской ловкостью. Скоро потянулись настоящие холмы — предгорья высоких гор, которые обрисовывались темной массой на горизонте. Шарабан въехал в долину, затем поднялся на гору, снова спустился, преодолел глубокое ущелье и выехал на большую круглую равнину, со всех сторон замкнутую остроконечными скалами.

— Добрались! — объявил Желтая Птица.

Трудно было представить что-либо мрачнее этой круглой лощины, где вся почва изрыта, изборождена маленькими ручейками с желтой грязной водой, насыщенной глиной. Кое-где люди отталкивающей наружности, в грязных лохмотьях усердно копали землю, стоя в ямах. Вокруг виднелись беловатые палатки, вылинявшие от дождя, выгоревшие от солнца,

продырявленные и заплатанные разноцветными лоскутами.

Между этими убогими жилищами возвышалось несколько домов из неотесанных елей, срубленных в горах. В них жили разные торговцы.

Не было ни церкви, ни суда, ни банка — ничего, что напоминало бы цивилизованный мир. Всюду — полное отсутствие комфорта. В палатках спали прямо на земле; в бревенчатых домах «салунах» ели стоя, наскоро. Вся меблировка состояла из одного или двух обрубков, служивших стульями.

Таков был поселок искателей золота, где Желтая Птица намеревался скрыть свою пленницу.

Ковбои в этих местах самые что ни на есть «сливки» общества. Желтую Птицу они знали и — как ни удивительно — слушались.

— Эй вы, молодцы, — гаркнул он, — вылезайте из своих нор и ступайте сюда!

Собрав вокруг себя человек шестьдесят рабочих, разбойник стал им что-то рассказывать, потом — отвечать на вопросы.

— Сколько ты заплатишь? — спросили его.

— Сколько захотите.

— Ол райт! Идем к Отравителю.

Через десять минут толпа, к которой присоединились по дороге другие рабочие, остановилась перед салуном. У дверей кабака сидел верзила со свирепым лицом.

— Эй, Сэм, — обращаясь к нему, закричал Желтая Птица, — я привез тебе первую красавицу Штатов.

— Вижу.

— Береги ее как зеницу ока! Она стоит сто тысяч долларов.

— Отлично!.. Женщина хороша, а золото еще лучше. Ну, давай выходи, курочка!

Молодая женщина легко спрыгнула на землю и совершенно спокойно остановилась перед дверью.

— У тебя ведь найдется место, где ее спрятать? — грубо спросил Желтая Птица.

— Да, на чердаке, где спала Бесси, служанка, что умерла.

— Хорошо... Потрудитесь идти за Сэмом, сударыня... А ты, Сэм, не забудь, что отвечаешь за нее головой.

ГЛАВА 14

Пять! — Письмо к серебряному королю. — Взперти. — Американский бифштекс и кухня. — Опасения. — Любопытство пьяниц. — Сэм и его топор. — Бойня. — На раскаленной плите. — Миссис Клавдия во власти пьяной толпы. — Ужасный апофеоз. — Свадьба.

Заперли миссис Клавдию в грязной каморке, где умерла служанка кабака. Желтая Птица отвел в сторону хозяина и сказал ему:

— У тебя есть запасы?

— Неистошимые, — отрывисто отвечал великан.

— Питье и еда?

— Да.

— Будет чем с неделю поить всех старателей?

— Хватит и на две.

— Ол райт! Я все покупаю у тебя.

— За наличные?

— Нет, в кредит.

— Будет стоить дороже.

— Сколько?

— Пять тысяч долларов.

— Прекрасно! Беру за пять тысяч весь салун и все, что в нем есть... Ты знаешь, мое слово как расписка.

— Знаю, — важно подтвердил Сэм, сплевывая жвачку.

— Сверх того получишь еще сто тысяч долларов.

— Ты, стало быть, богат?

— Скоро разбогатею... Наклеывается отличное дельце, и ты должен помочь мне.

— Как это?

— Сбереги красотку, что сидит на чердаке.

— Сберегу. Все?

— Рассчитываю на твою неподкупность.

— Все?

— Все... А теперь напои этих молодцов — нашу маленькую армию.

— Разве предвидится нападение?

— Надеюсь, нет; но в случае чего...

— В случае чего эти двести удалцов будут стоить целого батальона.

— Я их знаю. Почти со всеми приходилось «работать над кожей».

Выражение «работать над кожей» означает — скальпировать. Тон, которым Желтая Птица произнес эти слова, заставил бы содрогнуться самого храброго человека. Сэм даже бровью не повел. Видно, в недавнем прошлом для него это была работа как работа — ничего особенного.

Скоро радостная весть, что Желтая Птица бесплатно поит всех, облетела лагерь. Золотоискатели побросали ломы, лопаты и желоба, в которых промывается золотоносная земля, и сбежались в салун, где с жадностью набросились на спиртное.

Между тем в комнате Сэма Дик-Бэби сочинял письмо и зачитывал его Желтой Птице.

«Мистеру Джиму Сильверу, Нью-Йорк.

Джентльмены, желающие остаться неизвестными, случайно узнали, что серебряный король, почувствовав нежное влечение к нефтяной королеве, намеревается связать себя с этой прелестной особой узами брака.

Это намерение заслужило полное одобрение со стороны джентльменов, и они решили дать на него свое согласие.

Но превратности их бытия, сопряженного с опасностями, принуждают поставить мистеру Сильверу некоторые условия. Бесценную красоту, молодость и необыкновенную привлекательность миссис Клавдии Остин джентльмены — увы! — вынуждены оценить деньгами.

Было бы оскорблением для серебряного короля, если бы оценка эта оказалась несоответствующей его несметному богатству и всем совершенствам нефтяной королевы.

Вследствие этого почтеннейший Джим Сильвер благоволит вручить людям, которых ему укажут, сумму в двадцать пять миллионов долларов.

Эта цифра, которая не может быть изменена, представляет собой выкуп за миссис Клавдию Остин.

Одно слово «выкуп» объяснит мистеру Сильверу, что миссис Клавдия в полной власти людей, которые вольны поступить с ней как вздумается.

В случае неуплаты означенной суммы страшные бедствия и несчастья могут обрушиться на голову нефтяной королевы, которая уже теперь просит о помощи и умоляет о спасении.

Если — в чем пишущие эти строки не сомневаются — серебряный король вознамерится возвратить свободу пленнице, ему стоит только напечатать в главнейших газетах объявление: «Джим согласен: 25000000 дол. ».

После этого останется только определить условия, при которых должна будет состояться передача денег и пленницы.

Если этот способ покажется серебряному королю слишком долгим, он может отправить телеграмму в Южный Парк на имя уполномоченного фирмы «Желтая Птица и Дик-Бэби».

Выслушав с открытым от восхищения ртом наглое и претенциозное сочинение Дика, Желтая

Птица воскликнул:

— Отлично!.. Превосходно!

— Да, — с притворной скромностью согласился другой негодяй, — недурно; я вообще не промах в таких вещах... Но кто снесет письмо?

— Я сам. Я сейчас же отправлюсь с тремя лошадьми и отдам письмо почтовому чиновнику в первом же поезде.

— Подумай, что от нас до железной дороги двести миль!

— Всего двое суток пути.

— Кто останется при женщине?

— Ты и Сэм.

— Хорошо!

— Прощай, Дик.

— Прощай, Желтая Птица! В твоих руках наше будущее.

Доверяясь бессердечности своих товарищей, негодяй тотчас, даже не отдохнув, пустился в путь.

Читатель, вероятно, удивится, почему Желтая Птица избрал для заключения нефтяной королевы место, куда стекалась масса порочного люда, и приставил к своей пленнице сторожами таких отъявленных мерзавцев.

В сущности, его план не лишен был основательности. Во-первых, лагерь золотоискателей находился, что называется, в глухом углу — вдали не только от всяческих путей сообщения, но и от закона и власти. Во-вторых, ставка делалась на жадность Сэма, а это чувство ему никогда не изменяло.

Кроме того, пьяницы всегда в руках того, кто их поит. Желтая Птица, подпаивая старателей, имел в них преданных и свирепых телохранителей. И если бы Джиму Сильверу или кому-нибудь другому пришло на ум пустить в ход силу, у Желтой Птицы были бы отчаянные защитники.

Вначале все шло хорошо. Золотоискатели глотали самые невозможные напитки, ссорились-мирились, пили за здоровье угощавшего, Желтой Птицы, за наливавшего Сэма, за болтавшего Дика-Бэби, за прекрасную незнакомку, которой никто не видал и внезапное исчезновение которой начинало возбуждать любопытство.

Интерес к ее особе быстро нарастал, что сильно встревожило Дика-Бэби.

— Ну, Сэм, говори, кто она, эта незнакомка?.. Твоя жена?

— Нет!

— Дочь?.. Невеста?

— Нет... нет...

— Кто же она такая?.. Почему прячется? Почему не показывает за стойкой свою хорошенькую мордочку вместо твоей крокодиловой хари?.. Какой же ты безобразный, Сэм... Ну же, иди, попроси красавицу выйти сюда... Она найдет здесь людей, понимающих тонкое обращение... джентльменов, настоящих джентльменов!

— Отстаньте от меня! — заревел Сэм. — Вам дали пить... ну и напивайтесь, пока не лопните... ведь ничего не стоит... А эту даму оставьте в покое, иначе...

— Иначе что?.. Ты угрожаешь нам?

— Да! — закричал Сэм, хватая в каждую руку по револьверу.

Все знали необыкновенное искусство в стрельбе этого гиганта, убивавшего человека, как муху, и принялись снова за водку.

— Чтоб черт опалил мне лицо! — проворчал Сэм. — Нечего сказать, хорошее поручение дал Желтая Птица... Правда, он пообещал сто тысяч долларов и сдержит слово... Сто тысяч!.. Да я за них убью сто тысяч таких мерзавцев!..

Наступила ночь. Сэм подумал, что миссис Клавдия голодна, и велел своему помощнику приготовить обед для заключенной. Слуга, в громадных сапогах, подпоясанный красным поясом, с целым арсеналом оружия на животе, поспешно повиновался.

В кухне висела кровавая бычья нога. Повар вытащил из ножен нож, отрезал ломоть еще не успевшего остыть мяса и стал яростно разбивать его поленом на чурбане. После этого, не прибавив даже перца и соли, он положил мясо на раскаленную чугунную плиту. Это блюдо на Западе Америки называется бифштекс.

В то время как ломоть мяса поджаривался, повар смешал немного муки со стаканом воды, распустил на сковороде свиного сала и вылил в него серое тесто. Мука была кислая, сало горькое, а сковорода грязная. Для этих людей, как бы предубежденных против чистоты, любимая пища — сочное мясо. Повар снял со сковородки блин и свернул его вдвое. Затем поднял с плиты мясо, полусгоревшее с одной стороны и кровавое с другой, и положил на блин.

— Готово? — спросил Сэм, приотворяя дверь кухни, полной удушливого дыма.

— Готово! — пролаял в ответ оригинальный повар, засовывая нож обратно в ножны.

— Молодец, Ник! Наша барыня пообедает, как королева.

Хозяин взял блюдо и, не подумав, что не мешало бы также захватить нож, вилку и салфетку, стал тяжело подниматься. Ступени шаткой лестницы скрипели под его ногами. Он постучался. В ответ донесся короткий звук, хорошо знакомый всякому искателю приключений, освоившемуся с употреблением огнестрельного оружия.

— Вот те на! — пробормотал он. — Курочка зарядила револьвер... Ну и бабенка!

Дверь распахнулась, и Сэм увидел целившуюся в него молодую женщину с распущенными волосами.

— Что вам надо? — спросила она звенящим голосом.

— Я принес вам поесть.

— По какому праву вы держите меня здесь?

— Так приказал Желтая Птица.

— А я хочу уйти... сейчас... Пустите... Вы слышите, пустите! Или я вас убью!

Как человек, неспособный пугаться дула револьвера, Сэм поставил блюдо на ящик из-под водки и сказал:

— Мне не хочется вам противоречить, но позвольте сказать, что здесь, наверху, вы в большей безопасности, чем внизу — в салуне или на улице. Там я ни за что не отвечаю.

— Эти люди посмели бы с неуважением отнестись к женщине... к американке?..

— Если бы они были трезвы, то не посмели бы... А когда пьяны...

— Желала бы я это видеть! — воскликнула миссис Клавдия.

— Не говорите этого, сударыня... Люди, спокойные натошак, делаются зверями, когда выпьют... Тогда им все нипочем.

Сэм смотрел на нее, следя по лицу за движением ее мысли.

— Еще раз повторяю, сударыня: не доверяйте им!

Сэм собирался уйти; но миссис Клавдия хотела во что бы то ни стало спуститься. Дух противоречия, сознание опасности и неизвестность возбуждали ее.

— Подождите, по крайней мере, до завтра. Они или перепьются до бесчувствия, или отрезвятся... в обоих случаях вам не надо будет их так бояться.

Эти слова возымели действие. С той минуты, как миссис Остин уступили, она перестала настаивать. Раз запрещение снималось с плода, плод терял свою притягательную силу.

Вместе с бифштексом Сэм принес свечу и спички.

Миссис Клавдия, как женщина ни перед чем не отступающая, мужественно принялась за кусок мяса, впиалась в него своими тонкими и белыми зубками, повертела туда-сюда и, наконец, справилась с ним. Она могла похвастаться победой, так как «враг» сдался не сразу.

Подкрепив силы американским деликатесом, миссис Клавдия выпила стакан воды и, за неимением ничего лучшего, расположилась на жесткой постели, занимавшей половину тесной каморки. Она чувствовала себя разбитой после бешеной скачки и нуждалась в отдыхе. Положив заряженный револьвер около постели, пленница прочла короткую, но горячую молитву, задула свечу и заснула.

Она проспала двенадцать часов кряду. Проснувшись, припомнила все происшедшее и осознала, что сидит взаперти.

Ей вспомнился Бессребреник:

— Где он?.. Что делает?.. Думает ли обо мне?

Затем мысль перешла к Джиму Сильверу, к его неожиданному предложению:

— Да, конечно... стать серебряной королевой... было бы великолепно, и если бы я не познакомилась с другим... Но теперь... хватит ли у меня мужества отказаться от этого другого?.. Насколько охотнее я стала бы миссис Бессребреницей!

Около десяти часов Сэм постучал в дверь. Он принес завтрак. Повар изменил меню, и главным блюдом явилось соленое сало, которое так любят жители Запада. Вместо одного блина на жестяном блюде лежали два, политые кленовой патокой. По мнению кулинара, это было лакомство.

Миссис Клавдия, чувствовавшая себя еще более усталой, чем накануне, встала, чтобы принять кушанье, и, как только хозяин вышел, снова легла. Весь день и всю ночь она не хотела выходить из дому, но это желание проснулось в ней с удвоенной силой на следующее утро. Однако, вопреки всякому ожиданию, Сэму удалось уговорить ее потерпеть еще сутки.

Миссис Остин сидела взаперти уже шестьдесят часов.

А внизу, в салуне, продолжалась беспробудная пьянка. И среди самых невероятных фантазий, рождавшихся в замутненном сознании старателей, одна становилась все навязчивей: хотелось увидеть заключенную. Напрасно Сэм употреблял все доводы, чтобы отговорить их. Ни море водки, ни полные стаканы «Сока тарантула» не могли прогнать мысли, раз засевшей в мозгах пьяниц.

Уже начиналась осада салуна — военная операция, весьма хорошо знакомая этим разбойникам. Скоро образовалась брешь, и осаждающие подступили к лестнице. Тогда Сэм схватил топор и, стоя перед дверью каморки, начал наносить удары по черепам, как дровосек по сучьям. Брызнула и потекла кровь. Трупы катились вниз, а хозяин кричал:

— Хоть перебью вас всех, а получу свои сто тысяч долларов!..

Молодая женщина, услышав за стенкой леденящие душу крики, испугалась. Перед ней встало мужественное лицо Бессребреника, и она прошептала:

— Если б он был здесь... если бы он был здесь...

Вой и торжествующие вопли наполнили дом: Сэм поскользнулся в луже крови и упал среди груды неподвижных тел — мертвых, раненых или просто до бесчувствия пьяных.

Его схватили в охапку и бросили в кухню. Он упал на раскаленную плиту, и несколько наиболее свирепых пьянчуг держали его на красном железе.

Сэм отбивался и страшно кричал, наполняя кухню запахом американского бифштекса. В это время дверь отворилась и на пороге, вся дрожа, появилась миссис Клавдия. На мгновение все замерли. Ее сияющая, неземная красота подействовала на двуногое зверье как удар кнута укротителя. Негодующая, она воскликнула:

— Что вам надо?.. Разве я не свободна располагать собой? Какое право вы имеете удерживать меня?

Зачарованные пропойцы окружили молодую женщину, схватили, увлекли, прежде чем та успела крикнуть, сделать попытку освободиться.

Ее спустили с лестницы на руках, не дав коснуться ступеней, и она очутилась на улице.

Люди в бешеном неистовстве кричали, прыгали, жестикулировали. Перед миссис Клавдией, как в кошмаре, мелькали безумные глаза, багровые, судорожно искаженные лица. Ошеломленная, потеряв способность произнести даже слово, бросаемая из стороны в сторону людской волной, миссис Клавдия каждую минуту боялась толчка, падения, шальной пули. Между тем толпа не спускала ее с рук и перенесла в салун. Миссис Клавдию охватил ужас. Она почти ничего не видела, задыхалась и сознавала, что готова лишиться чувств. Хотелось закричать, отбиться... Но из ее побледневших губ вылетел только стон:

— Довольно!.. Довольно!.. Что вам надо от меня?

Гигант с низким лбом, с рыжими всклокоченными волосами отвечал:

— Чего надо?.. Найти тебе жениха...

— Да!.. Да!.. Bravo! — раздалось из толпы. — Жениха!.. У нас будет свадьба!.. Вот славно!.. Вот прекрасно!

— А кто женится?

— Бросим жребий.

ГЛАВА 15

После пожара. — Труп лошади. — Где он? — Победа и сборы в путь. — Бессребреник умирает со смеху. — Бессребреник упускает случай сделаться главарем разбойничьей шапки. — Снеговик, Пиф и Паф. — Каким образом Бессребреник не изжарился живьем.

Пожар в степи... Нельзя себе представить ничего страшнее этого огненного моря, опаляющего и сжигающего все, что попадает на пути.

Когда трава невысока и редка, а пространство, охваченное пламенем, не очень велико, через него можно проскакать на лошади, только слегка опалившись. Но когда трава в метр или больше высотой, степной пожар поистине ужасен. Пламя взвивается вверх на пять-шесть метров; над всей равниной, задерживая солнечные лучи, стоит густое облако едкого и удушливого дыма. Немало времени проходит, пока сгорят все эти тесно стоящие длинные стебли, внизу они обугливаются и долгое время тлеют...

Если путник, преследуемый таким огненным потоком, не успевает уйти, он прибегает к следующему средству: зажигает траву перед собой под ветром; она сгорает, и образуется свободное пространство, род острова, где можно укрыться, не опасаясь быть настигнутым пламенем.

Бессребреник, к несчастью, не мог воспользоваться этим простым и действенным способом самозащиты. Читатели, вероятно, помнят, что ковбои, пользуясь его сном, зажгли травяную равнину кругом так, чтобы не было возможности бежать. В восторге от своей жестокой, коварной выдумки они шумно ликовали, полагая, что хорошенько проучили неженку, зеленого, вздумавшего тягаться с цветом ковбоев Дакоты и Колорадо. «Теперь он изжарится, как колбаса, этот умник, этот силач»... — приговаривали «герои» и терпеливо ждали, пока почва остынет, чтобы взглянуть на уничтоженного врага. Наконец, эта минута, казалось, наступила; однако кто-то заметил, что земля все-таки местами еще очень горяча и может испортить копыта лошадей.

— Ну что же? Оставим лошадей с кем-нибудь и пойдем пешком.

Сказано — сделано. Отправились.

Глеющий пепел распространял сильный жар. От него не спасали даже толстые кожаные сапоги. Скоро пот градом покатился по покрасневшим лицам ковбоев, а сухая мелкая пыль вызвала у них неудержимый кашель. Поначалу среди нависшего дыма, стлавшегося по почерневшей земле, нельзя было ничего рассмотреть. Досадуя, ковбои рассеялись в поисках трупов человека и лошади.

Так продолжалось с полчаса, пока один из них не испустил крик: на тонком слое сгоревшей травы виднелась обуглившаяся масса.

— Лошадь!.. Это лошадь!.. Где же он сам?

Снова принялись за поиски и ничего не нашли, кроме полусгоревшего седла, железных пряжек и кольца от лассо. Ни самого Бессребреника, ни его карабина, ни ножа...

Лошадь еще могла бы прорваться через огненное море; но раз она погибла, куда же девался проклятый незнакомец? Казалось, он улетел, взмыл в небо! Снова в адрес Бессребреника посыпались брань и проклятия.

Между тем ковбой, оставленный для присмотра за лошадьми, с высоты седла следил за непонятным для него передвижением товарищей; шум, раздавшийся сзади, и толчок чуть не вышибли его из седла. Две железные руки сжали горло. У ковбоя потемнело в глазах, затрещали позвонки, и, теряя сознание, он, как в ужасном кошмаре, заметил Бессребреника — с опаленными волосами, с волдырями ожогов на руках, в лохмотьях вместо одежды.

Ковбой упал, задушенный, как цыпленок.

Бессребреник, не церемонясь, принялся снимать с него платье, обувь и в минуту надел все на себя. Затем выбрал из числа лошадей ту, которая показалась ему сильнее прочих, и взнуздal ее. После — подрезал подпруги у всех седел, сделал то же с уздечками, взял из сумок все запасные патроны и, наконец, отвинтил замки у карабинов. На все потребовалось не больше десяти минут.

А ковбои продолжали свои бесплодные поиски.

Бессребреник, сидя в полном вооружении на лошади, думал:

«Что теперь делать? Перестрелять их одного за другим из карабина? Это нетрудно, и я вправе поступить так после шутки, которую они сыграли со мной... Но убивать!.. Постоянно убивать!.. Нет, главное сейчас — отыскать миссис Клавдию».

И джентльмен отправился в путь шагом. Не будь у него опалены волосы, борода, не будь на руках волдыри, никому бы и в голову не пришло, что он столько времени пробыл среди пожара, опустошившего несколько тысяч гектаров прерии и еще до сих пор не вполне прекратившегося.

Лошади стояли неподвижно, смотря вслед удалявшемуся всаднику. Он же не прибавлял шагу, интересуясь тем, что будут делать противники. Те чертыхаясь, что нашли только полуобгорелый труп коня, чувствуя сильное утомление после прогулки по горячему пеплу, решили вернуться к своим лошадям.

— Куда ты?.. Подожди!.. Поедем вместе! — кричали они издали переодетому джентльмену, принимая его за своего товарища.

Бессребреник, отъехавший на триста или четыреста метров, остановился. Головорезы подбежали тем временем к лошадям и при виде задушенного, совершенно раздетого собрата разразились яростными проклятиями.

Тогда джентльмен, которого все это забавляло, сложил руки рупором и громко крикнул:

— Колорадские ковбои для меня мальчишки! Попадётся мне еще раз в руки, отшлепаю по задницам. Гуд бай!

При этих словах незадачливые преследователи, узнав врага, вскочили на коней; и тут Бессребреник буквально покатылся со смеху: все подпруги лопнули в одно мгновение, все седла перевернулись как по команде — ковбои полетели, кто на спину, кто на бок, в самых комичных позах. Испуганные лошади начали отчаянно брыкаться и еще больше увеличивали смятение. Но этого мало. Всадники, выпав из стремян, пытались, схватившись за узду, опять вскочить на лошадей, но все уздечки перервались, как веревочки, лошади с развевающимися гривами понеслись, опьяненные свободой, и через две минуты скрылись из виду!

Бессребреник продолжал, держась за бока, хохотать неудержимым смехом. Взбешенные ковбои, с пеной у рта проклинали его, не зная, что предпринять. По крайней мере, у них еще остались карабины. Все, как один, бросились к ним, прицелились, раздался короткий звук курков, и... выстрелов не последовало. Карабины оказались безобидными, как поленья.

Нет!.. Это было уже слишком!

Пристыженные, сконфуженные, ковбои признали себя побежденными, и один из них, высказывая мысль прочих, воскликнул:

— Это сам дьявол!.. Если он захочет взять меня с собой забавляться в прерии, я охотно пойду за ним.

— И я!.. И я!..

Но Бессребреник, не зная перемены их настроения, уже натянул поводья и, объезжая пожарище, выискивал след экипажа, в котором увезли миссис Клавдию.

Вдруг отдаленные, но приближающиеся крики и выстрелы заставили его встрепетаться.

— Опять! — вздохнул он.

Скоро на горизонте обрисовалась группа скакавших во весь опор всадников. Среди криков Бессребренику послышалось его имя.

— Мистер Бессребреник!.. Пойдите... Подождите!

— И впрямь зовут меня, — решил он, заряжая карабин.

Всадники все приближались, стреляя в воздух, по-видимому, чтобы привлечь к себе внимание.

Их было трое, и можно было уже рассмотреть их костюмы. На двух были сюртуки и высокие шляпы.

— Должно быть, какому-нибудь шерифу вздумалось повидаться со мной,

— проговорил Бессребреник. — Но я отмечусь выстрелами.

На третьем всаднике был костюм ковбоя, весь с иголки. Когда порывом ветра с седока снесло шляпу, Бессребреник разразился новым припадком неудержимого смеха, увидав изумленную черную как уголь физиономию.

— Снеговик!.. Мистер Паф и мистер Пиф!

— К вашим услугам! — отвечали сыщики, поднося руку к шляпе, по-военному.

— Право, странная, но вместе с тем очень приятная встреча! — весело воскликнул Бессребреник. — Где это вы пропадали?.. У меня за это время было столько приключений!

— Мы искали вас, — отвечал Паф, и лицо его растянулось широкой улыбкой.

— И, наконец, нашли, — вывел логичное заключение Пиф, — нашли по вашим следам.

— И скакали же вы! — снова заметил Паф.

Изумленный Снеговик ничего не говорил, но вращал белками своих глаз и сверкал зубами аллигатора.

— Наконец, мы опять вместе, — продолжал Бессребреник.

— Да, благодаря указаниям ковбоев. Хорошо вы с ними расправились.

— Они вздумали было изжарить меня живьем.

— И до сих пор в себя не могут прийти от изумления, что вы живы. Каким чудом вы избегли огня?

— Дело объясняется просто.

— Расскажите, пожалуйста!

— В двух словах. При случае можете воспользоваться моим изобретением. Увидав себя окруженным пламенем, я понял, что пропал. Бежать не было возможности. Лошадь металась в ужасе. Я видел, как круг пламени все более стягивается. И тут блеснула безумная мысль. Я вытащил нож и вонзил его в спину лошади между первыми позвонками. Животное упало. Не теряя ни одной секунды, распорол ему грудь и брюхо, вытащил трепещущие внутренности и бросил на землю. Пламя приближалось... дышать было нечем. Не медля, я вполз в пустоту, образовавшуюся на месте вынутых внутренностей, и, сжавшись там, закрыл отверстие, через которое вошел.

— Как же вы не задохнулись? — спросил мистер Паф.

— Пришлось поднять кусок кишки и, дуя в нее, наполнить воздухом.

— Удивительно! — воскликнул длинный мистер Пиф.

— Да, образовался воздушный резервуар... Не скажу, чтобы воздух в нем был особенно чистый... но выбора не было!.. Едва я успел укрыться в своем убежище, как пламя с шумом

охватило нас. Мне стало нестерпимо жарко. Казалось, я изжарюсь заживо в собственном соку или в соку лошади. Все вокруг трещало, лопалось, текло!.. Я задышался, несмотря на свой маленький запас воздуха. Так прошло не знаю сколько времени — десять, двадцать минут, показавшихся мне часами... Наконец, удалось выбраться из своего убежища, не обратив внимания ковбоев, и добыть новое платье.

— В самом деле, поразительно, — заметил мистер Паф с почтением в голосе. — Вы достойны быть американцем, если принадлежите к другой национальности.

Джентльмен, улыбаясь, поблагодарил поклоном мистера Пафа за высокое мнение.

— Можете сообщить серебряному королю, что я добросовестно выполнил условие нашего пари...

— Непременно сообщим.

— А теперь потрудитесь следовать за мной, чтобы убедиться, что и дальше я буду продолжать в том же духе.

— Ол райт! — с готовностью выпалил мистер Пиф.

— Марш! — скомандовал мистер Паф.

И небольшой отряд поскакал по прерии.

ГЛАВА 16

Оскорбление. — Кто выиграет? — Появление Нэба Ренджера. — Протестантский пастор со странным прозвищем «Вильям Соленая Селедка». — Спасена еще раз! — Бедный Пиф!.. Бедный Паф!.. Бедный Снеговик!.. Лучше умереть!.. — Бессребреник хочет убить миссис Клавдию.

— Да... да... отлично... бросим жребий.

Доведенная до отчаяния, миссис Клавдия пыталась протестовать, но обезумевшие пьяницы не слушали, не понимали ее. Она кричала:

— Как вы смеете так распоряжаться мною!.. Это низость!

Золотоискатели шумно пили за ее здоровье, за здоровье ее будущего мужа, будущей семьи.

Сэму, хозяину салуна, с трудом удалось освободиться от жестокой пытки, придуманной ковбоями. Распространяя запах горелого мяса, корчась от боли, он сел было в кадку с холодной водой, но раб слова, данного Желтой Птице, скоро снова вылез и, переодевшись, попытался заступиться за миссис Клавдию. Ему закрыли рот ударом приклада, пригрозив:

— Молчи!.. Иначе повесим!

А один из ковбоев прибавил:

— Лопух ты, право!.. Отчего бы и тебе не попытать счастья?

Отравитель подумал про себя:

«В конце концов он, может быть, и прав... Чем я не приличный муж для нее? »

Во время переговоров, шуток и возлияний все для лотереи было приготовлено.

Трусливый Дик-Бэби, все время где-то прятавшийся, тоже, наконец, решился подойти к шумной толпе и вразумить ее; но одного слова хватило, чтобы заставить его замолчать.

Кто-то из золотоискателей без дальнейших церемоний приказал экс-адвокату:

— Эй ты, чертов писака, Дик-Бэби! Иди сюда!

— Что надо?

— Ты знаешь нас всех?

— Да.

— Ну, так напиши наши имена на отдельных бумажках.

— Да вас очень много!

— Если не справишься в четверть часа, заставлю проглотить до самой ручки мой охотничий нож!

Угроза и уверенность, что она будет приведена в исполнение, придали Дику проворства, которого тот сам не знал за собой. Однако, чтобы несколько выиграть время, он прибегнул к довольно оригинальной уловке.

Взобравшись на конторку Сэма и положив на колени доску, грамотей писал карандашом на клочках бумаги по пяти, по десяти раз рядом одни и те же имена. Так, на долю Сэма пришлось не менее тридцати билетиков; на него самого, Дика-Бэби, штук двадцать пять. Ловкач быстрым взглядом окидывал толпу и снова принимался строчить, будто припоминая клички тех, кто мелькал перед глазами.

Сложив билетики, он бросил их в котелок, где обыкновенно варили пунш. Никому и в голову не пришло заподозрить обман, вследствие которого так увеличились шансы некоторых стать супругом нефтяной королевы.

Золотоискателей было человек пятьсот. В двенадцать минут импровизированный секретарь выполнил возложенное на него поручение. В котелке лежала груда свернутых бумажек.

Чей-то голос крикнул:

— Кто будет вынимать записки?

— Конечно, сам Дик-Бэби, — слышалось из толпы.

— Да, да! Дик-Бэби, писака, бумагомаратель, библиотечная крыса... Ну, скорей!

Дик схватил котелок, сильно встряхнул его, перемешал бумажки рукой, как ложкой.

— Да кончишь ли ты, мошенник!

В то время миссис Клавдия, вся бледная, стиснув зубы от стыда и отвращения, думала:

«Негодяи, делают из меня игрушку! Из меня, женщины, американки! И некому отомстить!»

Она встала и хотела выйти из окружения пьяниц, но не тут-то было. Негодяи сомкнулись и оставались неподвижными, как стена. У нее брызнули из глаз слезы бешенства.

— Невеста со слезами нетерпения ждет мужа, — заметил какой-то шутник.

— Дик-Бэби виноват в этом... Ну же, скорей, не то отрежем тебе уши.

Он погрузил руку в кучу бумажек и вытащил одну, держа ее бережно между указательным и большим пальцем, точно бабочку за крылья.

— Ах! — вырвалось вдруг у присмирившей толпы.

Дик медленно развернул бумажку и прочел резким голосом:

— Нэб Ренджер!..

Раздались восклицания.

— Нэб!.. Бродяга... потрошитель... охотник за скальпами... палач индейцев... великан... первый красавец всего прииска!.. Будь здоров, Нэб!.. И с невестой!

Толпа раздвинулась, и из нее выступил вперед гигант, на голову выше всех присутствующих — один из тех уроженцев Кентукки, которые, характеризуя сами себя, говорят, что они наполовину крокодилы, наполовину лошади. Это был настоящий разбойник, хваставший тем, что нет злодейства, которого он не совершил, и державший в страхе весь прииск. В криках, встретивших его имя, слышалось как бы поклонение.

Человек этот имел действительно устрашающий вид. От его охотничьей блузы и кожаных панталон, обшитых, как у индейца, бахромой, сильно пахло козлом. Сапоги были сделаны из кожи, снятой с задних ног жеребенка. (Изготавливаются они так: теплая окровавленная кожа сдирается с животного; человек всовывает ноги до бедра в эти мешки, привязывает их ремнями и дает высохнуть. Они принимают форму ноги. Обыкновенно эти сапоги снимаются только тогда, когда понадобятся новые.)

Гигант приближался к женщине, тяжело смеясь, как медведь, напившийся перебродившего кленового сока.

Миссис Клавдия смотрела со смесью отвращения и ужаса на это чудовище со скотским лицом и рыжими волосами, спутавшимися с бородой ярко-морковного цвета. Крепкие длинные зубы, пожелтевшие от табака, торчали из-под губы, искривленной усмешкой людоеда, почуявшего свежее мясо.

Подойдя вплотную к молодой женщине, он остановился, пристально взглянул на нее, пустил два-три табачных плевка, важно высморкался при помощи пальцев и сказал:

— Ай! Ай!.. Красавица!.. Так мне на тебе жениться?.. Пока я хотел оставаться холостяком... но, увидев тебя, передумал.

Миссис Клавдия, полумертвая от страха, прижималась к стене.

Он продолжал добродушным тоном:

— Ты не болтушка?.. Мне это не по душе... У меня была жена индианка, языку которой не было покоя. Пришлось убить ее пощечиной... Ну, дай же ручку, пойдем к пастору.

Молодая женщина считала себя погибшей: она надеялась, что это только комедия, которая не будет закреплена ни религиозным, ни законным образом.

— Да разве... Разве есть здесь пастор?

— Есть, голубушка, есть... чего здесь только нет!.. В палатке у меня лежат две бизоновые шкуры, и я сделаю из них постель для тебя. Кроме того, найдется горсть семечек, до которых вот уже полгода никто не смеет дотрагиваться, и бочонок виски. Можешь выпить его, когда станешь миссис Ренджер. Моя прежняя жена пила по три-четыре литра в день, молодец была баба!

Он схватил руку миссис Клавдии и крепко сжал; она поморщилась от боли.

— Я пожал немного сильно?..

— Дурак!

Он сжал тоненькую ручку еще сильнее, так что кости затрещали и ногти посинели.

«Я убью его!» — подумала миссис Клавдия, но сделала вид, что покорилась своей участи.

— Итак, мы поженимся, — сказал Нэб. — Билли!.. Эй, кум Билли!.. Где поп?.. Где Билли Соленая Селедка?

— Здесь, здесь!.. — отвечал скрипучий голос, и из толпы вышла личность, вполне оправдывавшая свое прозвище.

Длинный, сухой, как щепка, Билли был совершенно пьян и на ходу качался. В грязных лохмотьях, имевших отдаленное сходство со священнической одеждой, его странная длинная фигура напоминала рукоятку скрипки.

— Венчай же нас скорее, если еще можешь припомнить нужные слова! — закричал Нэб.

— Хорошо, кум, а ты платишь за пинту «Сока тарантула».

— За целую бочку!..

— Гип!.. гип!.. ура! — редела толпа, наэлектризованная этим обещанием.

— Скорее же за дело! — продолжал пастор. — Прежде всего ваши имена. Ты, ты Нэб... Нэб... Ренджер, это я помню. А ты, красотка?..

Миссис Клавдия не отвечала, и кто-то крикнул за нее:

— Миссис Клавдия Рид, вдова Джошуа Остина!

— Спасибо, Дик-Бэби, — сказал пастор. — У тебя, наверное, нет вида? — обратился он к женщине.

— Нет, — отвечала миссис Клавдия, надеясь, что отсутствие необходимого документа заставит отсрочить святотатственную церемонию.

— Пусть черт заберет мою душу! Я спрашиваю для очищения совести... Очень мне нужен твой вид!.. Приступаю... Нэб Ренджер, согласен ли ты вступить в законный союз с... гм... с дамой... я что-то путаю... со вдовой Остина... Джошуа... да... здесь присутствующей?

— Да, — хрипло отвечал великан, все еще не выпускавший руку молодой женщины.

В эту минуту в толпе произошло движение, будто кто-то теснил ее задние ряды.

Крики и выстрелы, служившие выражением восторга, встретили «да» Нэба Ренджера.

Между тем натиск сзади становился все сильнее, но ковбои, заинтересованные церемонией бракосочетания, не обращали внимания ни на что другое. Соленая Селедка бормотал:

— И ты, миссис Клавдия... Ри... ах! Позабыл имя... Хочешь ли признать супругом... Ах, Боже, как пить хочется!.. признать супругом этого верзилу, что предлагает бочку «Сока тарантула»... ах, да! что бишь я хотел сказать?.. Да, Нэба...

Он не окончил. Пинок, нанесенный пониже спины, заставил его замолчать и отлететь шагов на десять.

В то же время из побледневших губ женщины вырвалось:

— Бессребреник!..

С откуда-то взявшейся силой она высвободила руку из лапы совершенно растерявшегося Нэба, выхватила револьвер и выстрелила в разбойника. Тот привскочил, расставив руки, и тяжело грохнулся на пол.

В толпе поднялся ужасный шум, несколько человек врезались в нее как бы клином. Вновь прибывших было четверо. Из своих револьверов они стреляли в упор, и пол покрылся ранеными и убитыми.

Голос Бессребреника звучал как призывный рожок:

— Смелее, друзья! Прочь, мерзавцы!

Золотоискателями, думавшими, что они имеют дело с многочисленным неприятелем, овладела паника.

Пиф, Паф и Снеговик, следуя примеру неустрашимого Бессребреника, поднимали заряженное оружие убитых и продолжали отчаянно стрелять.

И произошло почти невероятное: пьяная чернь отступила.

Избегнув опасности, миссис Клавдия с трудом сдерживала волнение; рука ее, опиравшаяся на руку Бессребреника, дрожала так же, как голос, когда она благодарила своего избавителя.

— Мои товарищи сделали не меньше моего, — скромно отвечал Бессребреник.

— Моя благодарность относится и к ним.

Они удалились, держа револьверы наготове на случай возвращения опасной толпы.

Джентльмены благополучно дошли до выхода из лагеря и достигли густой рощицы, где

оставили лошадей, но лошадей не было.

— Украдены!.. — проворчал Пиф.

— Коновязи обрезаны, — подтвердил Паф.

— Что делать?.. Нам не выбраться отсюда.

— Я пойду пешком, — решительно заявила миссис Клавдия.

— Я не сомневаюсь ни в вашей решимости, ни в выносливости, но боюсь, как бы эти злодеи не вернулись.

— Вы словно напророчили, — сказал Пиф, внимательно следивший за лагерем. Там начиналось новое волнение.

Оправившись от паники и узнав, что неприятелей всего четверо, золотоискатели жаждали реванша.

Опасность была огромная, но Бессребреник, никогда не терявший присутствия духа, нашелся и здесь. У ног его темнела яма шириной метров в пять и глубиной в полтора метра; он одним прыжком спрыгнул в нее, крикнув другим:

— За мной!

Все повиновались, и миссис Клавдия последовала, не колеблясь, общему примеру. Было самое время. Бандиты приближались.

Пятеро храбрецов сдерживали их наступление, укрепившись в яме, как в траншее. Начался настоящий бой. Пиф и Паф оказались замечательными стрелками и прицельным огнем уложили с десятков разбойников. Но вот раздался залп, и шляпа мистера Пафа покатила на землю. Он слабо вскрикнул и опустился к ногам миссис Клавдии. Пуля попала ему в лоб.

Бессребреник сказал вполголоса:

— Он был первым. Придет и наша очередь.

— Убейте меня, — перебила его молодая женщина, — лучше умереть, чем опять попасть в их руки... Вы убьете меня, не правда ли?

— Да, — отвечал Бессребреник.

Выстрелы продолжались. Скоро и мистер Пиф, выглянувший было из шахты, упал бездыханный. У миссис Клавдии вырвался стон, и слезы заблестели на глазах. Упав на колени, она стала горячо молиться за людей, умерших, защищая ее.

Бессребреник не переставал отстреливаться, но не в состоянии был остановить осаждающих. В его револьвере и винтовке уже не оставалось зарядов.

— Эй, Снеговик, — крикнул он, — всыпь им как следует!.. Стреляй в них!

Негр, стуча зубами, поднялся из ямы, ободренный этим призывом.

Хотя он стрелял слишком высоко и выстрелы не достигали цели, но непрерывный огонь и неслыханная отвага этого человека на минуту будто парализовали золотоискателей.

— Нагнись, ради Бога! — закричал Бессребреник.

Но совет пришел слишком поздно; Снеговик уже не слышал его. Он упал на спину, обливаясь кровью и собрав последние силы, проговорил:

— Хозяин... Я очень люблю вас... Прощайте!

Рыдание сдавило горло Бессребреника.

Нападающие были не далее тридцати шагов.

— Все кончено? — сдавленным голосом спросила миссис Клавдия.

— У нас еще есть полминуты в запасе.

— Убейте меня... умоляю вас!

— Еще полминуты!

— Вы ничего не скажете мне... перед смертью?

Несколько золотоискателей были всего в пяти-шести шагах.

Миссис Клавдия взяла левую руку Бессребреника, сжала ее и еще успела вымолвить:

— Мне сладко будет умереть от руки...

Дикий рев покрыл ее голос. Человек двадцать окружили яму.

— Попались! — кричали они.

Бессребреник приставил револьвер к сердцу молодой женщины и в отчаянии спустил курок.

ГЛАВА 17

Серебряный король не дает себя эксплуатировать. — Перед чернильницей. — Приятные мечты. — Победа! — Расчетливость влюбленного. — Джим Сильвер пытается совершить невозможное. — Вперед! — Отряд волонтеров. — Могущество денег. — Поздно!

Джим Сильвер, серебряный король, был в очень дурном расположении духа, когда получил телеграмму Желтой Птицы и Дика-Бэби, в которой за миссис Клавдию требовался выкуп в двадцать пять миллионов долларов. Незадолго перед тем ему уже пришлось вписать в графу убытков кругленькую цифру в пятьдесят миллионов — с Кубы сообщалось, что повстанцы, ведя борьбу с испанскими войсками, опустошили его обширные владения, уничтожив сахарные плантации, заводы, разрушив железную дорогу.

Не зная, как поступить, вспыльчивый от природы Сильвер метался по кабинету и вдруг сокрушил ударом кулака лакированный столик, чудо столярного искусства, на котором стояла чашка минеральной воды с молоком.

— И какого дьявола эта сумасшедшая полезла в волчью пасть? — злился он, не обращая

внимания на черепки, трещавшие под его тяжелыми шагами. — Наши нервные барыни становятся положительно невозможными со своей страстью к перемене мест... Вот и попалась!.. Пусть и выпутывается как хочет!.. Кто она мне?.. Ни родственница, ни невеста!.. Мошенники ошиблись... Не видать им от меня ни доллара, ни шиллинга, ни пенни! Даже строчки ответа... Хитры, да и старый Джим не промах...

Ну, довольно об этом. Работа не ждет!

Серебряный король подошел к письменному столу, заваленному срочными бумагами, и принялся что-то читать и подписывать.

Но по мере того как время шло, на лбу его контрастно проступали жилы, появились крупные капли пота, рука стала непослушной, перо сажало кляксы и рвало бумагу. «Душно!» — решил он и попробовал привстать, скользнув случайным взглядом по монументальной чернильнице, занимавшей половину письменного стола из черного дерева. Это была точная копия его яхты, вызывавшей зависть всех миллионеров Старого и Нового Света, и вдруг ему почудилось, что над двумя слегка наклоненными мачтами показался легкий туман опалового оттенка. Он замер. Среди этого беловатого облака появились черты, сначала неясные, затем все более определенные — Джим Сильвер узнал большие голубые глаза и чарующую улыбку женщины, потрясшей все его существо. С трудом переводя дыхание, он прохрипел:

— Миссис Клавдия! Дорогая...

С ресниц упали две слезы и медленно потекли по щекам. Серебряному королю почудилось, он слышит тяжелый, протяжный вздох.

Сильвер вскочил, будто над его ухом раздался выстрел, сильным движением оттолкнул стул и воскликнул:

— Клавдия — ангел... а я скот!.. Ей грозит опасность... Ее надо спасти!

Мысль заработала, и Джим снова превратился в прежнего искателя приключений, энергия которого не знала пределов.

Он позвонил. Вошел первый секретарь.

— Я уезжаю, — без всякого вступления заговорил серебряный король.

— Следите за текущими делами и ждите моих приказаний. Буду телеграфировать или телефонировать. Для корреспонденции шифр номер два.

— Понял.

Сильвер прошел к себе в спальню, взял карманный револьвер, дорожный мешок и отправился в кассу, где набил его банковскими билетами.

В телеграфной конторе он подал короткую депешу по адресу Желтой Птицы:

«Джима Сильвера нет. Подождите. Дело устроится, когда вернется. Задатком получите двадцать пять тысяч долларов.

Фергюссон».

— Так я выиграю время, — улыбнулся он, — сейчас я им заплачу, но потом... не будь я серебряный король, если не разорю их.

Поезд мчался с головокружительной быстротой, которой так дорожат американцы, не обращая внимания на ужасные катастрофы, бывающие часто расплатами за ухарство.

Когда житель старушки-Европы сообщает дяде Джонатану свои соображения по этому поводу, последний безапелляционно заключает:

— Что делать! В промышленной борьбе — как на войне: о мертвых не заботятся... Главное — доехать!

Внешне холодный, Джим Сильвер чувствовал, как сердце его готово разорваться на части и кровь течет по жилам, как расплавленный свинец. Этот живой серебряный слиток кипел, трепетал, страдал. По временам он выскакивал из поезда, бежал на почту и телеграфировал секретарю:

«Сообщите этому человеку, что меня все еще нет. Снова пошлите, будто от себя, двадцать пять тысяч долларов».

Секретарь повиновался, а Желтая Птица охотно ждал, находя, что изобрел выгодный способ добывать деньги.

Серебряный король постоянно со страхом спрашивал себя, не поздно ли он приедет, и это опасение удесятерило его мучения. В эти минуты он отдал бы и миллиард, лишь бы увидеть божественный профиль миссис Клавдии и услышать из ее прекрасных полуоткрытых губ одно слово: «Благодарю».

В Денвере Сильвер встретил взвод конных волонтеров, отправляющихся на индейскую территорию. Подъехав к начальнику, отрекомендовался ему и прямо спросил:

— Сколько у вас людей?

— Ровно шестьдесят.

— Сможете помочь мне, если я предложу каждому солдату по тысяче долларов, а вам пятьдесят тысяч?..

— Вы говорите серьезно?

— Я — серебряный король...

Джим Сильвер во время этого короткого разговора успел вынуть чековую книжку и написал несколько раз:

«Выдать предъявителю тысячу долларов.

Джим Сильвер».

Последний чек несколько отличался от прочих:

«Пятьдесят тысяч долларов предъявителю после экспедиции».

— Какой экспедиции? — спросил начальник.

— Той, в которой вы должны сопровождать меня.

— Ол райт! За вами мы пойдем хоть в пекло.

— Мне нужна лошадь.

Мимо ехал ковбой на чудном жеребце. Сильвер жестом остановил его.

— Сколько стоит лошадь?

— Она не продается.

— Десять тысяч долларов. Можете с этим чеком явиться в банк и получить деньги.

Ковбой не брал.

— Мне надо золото или бумажки, иначе дело не сладится.

Сильвер открыл мешок, быстро вынул пять ассигнаций и передал их ковбою; затем, вскочив на лошадь, подобрал поводья жестом опытного наездника и поехал рядом с командиром.

Волонтеры пришпорили лошадей и, опрокидывая на пути все, что не успевало посторониться, ураганом пронеслись по улицам города. Наконец, выехали на равнину. Начальник отряда и его люди, ничего не понимая, следовали беспрекословно за тем, кто так щедро вознаграждал за услуги, столь плохо оплачиваемые правительством.

Дорогой Джим Сильвер в кратких словах сообщил начальнику, какой помощи ждал от него. Офицер, скакавший во весь опор, ответил только:

— Ол райт! Мы освободим ее.

Джим Сильвер продолжал:

— За скорость я удваиваю обещанную награду.

Солдаты, услышав это, радостно закричали.

— Загоним лошадей, возьмем новых в первом попавшемся ранчо.

Бешеная скачка продолжалась несколько часов. По временам какая-то из лошадей падала, волонтер подсаживался к товарищу, и лошадь того скакала, пока могла, с двойной тяжестью.

В каждом ранчо офицер брал свежих коней, серебряный король платил, и скачка продолжалась.

Одному из ранчменов пришла несчастная мысль отказать. Джим Сильвер, подступив к нему с кошельком в одной руке и револьвером в другой, крикнул:

— Выбирайте!

Ранчмен хотел взяться за оружие, но бывший искатель приключений, теперь миллионер, с быстротой молнии спустил курок и всадил несговорчивому пулю в лоб. Ранчмен упал бездыханный. Волонтеры раздобыли лошадей, и скачка продолжалась.

Наконец, отряд прибыл как раз к тому месту, где заканчивалась отчаянная борьба Бессребреника с золотоискателями.

Волонтеры схватились за винтовки и ринулись вперед, предводительствуемые серебряным королем, имевшим, правда, несколько смешной вид в шелковом картузе и черном сюртуке, покрытом потом и пылью, но одушевлявшим всех своей энергией.

Он первый заметил толпу бешеных золотоискателей, наступавших на Бессребреника и миссис Клавдию. Джим Сильвер слышал торжествующий рев, проклятия, крики боли и содрогнулся, увидав револьвер, приставленный к груди молодой женщины. Она между тем улыбалась, не боясь смерти, являвшейся для нее избавительницей от мучений.

Эта картина была одной из тех, которые на всю жизнь оставляют в человеке неизгладимое впечатление и после многих лет заставляют содрогнуться даже самых мужественных. Сильвер закричал громовым голосом, покрывшим на минуту крики подоспевших на помощь, вопли убийц и топот распаленных лошадей:

— Остановитесь!.. Остановитесь!

Размахивая ружьем, он судорожно вонзил шпоры в бока своей лошади. Та заржала, поднялась на дыбы, взвилась в воздух и, сделав отчаянный прыжок, врезалась в середину свирепой толпы. Двадцать ружейных выстрелов грянуло разом.

Джим Сильвер, услышав тупой звук пуль, пронзивших тело его коня, почувствовал, как раненное насмерть животное задрожало, сам подался вперед, но среди облака порохового дыма, скрывшего яму-траншею, не смог ничего рассмотреть.

Судорога сжала его горло, из глаз хлынула какая-то горячая волна. Он упал вместе с лошастью, едва проговорив:

— Неужели поздно?

ГЛАВА 18

Синие куртки! — Схватка. — Миллионер и Бессребреник. — Убийство. — Ужасное наказание. — Вильям Соленая Селедка. — Закон Линча. — Повешен за ноги. — Прощание. — Опять один. — Лошадиное жаркое. — Урок содержателя салуна.

Ни Бессребреник, ни миссис Клавдия не могли видеть прискакавший отряд, слышать шум голосов и лошадиный топот. В эту роковую минуту они стояли молча, с трудом переводя дух, спеша покончить с ужасной действительностью, грозившей раздавить их. Последний взгляд глаз, последний вздох из побледневших губ.

Бессребреник чувствовал, как усиленно билось сердце женщины под дулом револьвера, и думал с горечью:

«По крайней мере, она не будет больше страдать!»

В ту самую секунду, как его палец нажимал курок, донеслось:

— Синие куртки!.. Спасайся кто может!

Но выстрел был уже неизбежен.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть, как миссис Клавдия упадет на землю, где судорожно корчились умирающие.

Против всякого ожидания выстрела не последовало. Послышался сухой звук. Это была единственная осечка в продолжение целого дня.

— Спасена!.. Да, спасена! — задыхаясь, повторял в великой радости Бессребреник.

Сломленная волнением, миссис Клавдия не в силах была перенести счастливейшую случайность. Она побледнела как мел и медленно опустилась на землю, проговорив:

— Боже, благодарю Тебя!

Серебряный король видел все. Он с трудом овладел собой и подбежал к молодой женщине, которую поддерживал Бессребреник.

Между тем синие куртки — так прозвали волонтеров за цвет их мундиров — приступили к выполнению своей ужасной задачи.

По команде офицера они резко осадил лошадей и открыли адский огонь. Когда все заряды вышли, начальник скомандовал:

— В галоп!.. Сабли наголо!..

Перекинув ружья за спину и обнажив сабли, синие куртки ринулись вперед с ужасным ревом, заимствованным у индейцев.

Испуганные золотоискатели не пытались защищаться и, несмотря на свое численное превосходство, побросав оружие, обратились в беспорядочное бегство.

Волонтеры рубили и кололи их без пощады; Бессребреник же между тем узнал, наконец, человека, выручившего его и его спутницу.

— А, серебряный король! — сказал он весело. — Примите, ваше величество, мою искреннейшую благодарность за спасение.

— Я вовсе не вас собирался спасать, — отвечал янки самым неприветливым тоном. — Это пришлось уже так... кстати.

— Вы не особенно любезны...

— Мне некогда рассыпаться в любезностях.

— А наше пари?

— Продолжает оставаться в силе.

— В таком случае моя сохраненная жизнь — случайность, которая может унести у вас порядочное число долларов.

— Что же?.. Если проиграю — выпишу чек; если выиграю — увижу, как ваш череп разлетится вдребезги... Хотя, правду сказать, мне несколько надоело выписывать чеки и видеть разбитые головы.

— Позаботьтесь, чтобы ваша была цела! — отвечал Бессребреник, посмеиваясь при виде страстных взглядов, которые серебряный король устремлял на молодую женщину, понемногу приходящую в себя.

— О, как вы остроумны! — сказал Джим Сильвер, хмурясь.

— Кроме остроумия у меня ничего нет; а вам его не добыть за все ваши миллионы...

— Мистер Бессребреник!

— Мистер Сильвер!

Не привыкший сносить дерзости, серебряный король схватился за револьвер.

Бессребреник уже успел зарядить свой.

— Господа!.. Господа!.. — раздался голос, еще слабый и дрожащий.

Миссис Клавдия бросилась между ссорящимися.

— Вы спасли меня, и я никогда не забуду, что обязана вам обоим жизнью и честью.

— Да!.. Да!.. — ворчал серебряный король. — Этот джентльмен чуть не застрелил вас в ту минуту, когда я прискакал с синими куртками...

— Разве можно поставить ему в упрек то, что делалось по моей просьбе?.. Умоляю, милые спасители, помиритесь!

Оба с видимой неохотой протянули друг другу кончики пальцев.

Издали доносились проклятия, жалобы, выстрелы. В воздухе поднимался столб дыма, расстилаясь по всему небу.

Бессребреник выскочил из своей засады и сказал серебряному королю:

— Потрудитесь приподнять миссис Клавдию и помочь ей выбраться.

Молодая женщина в эту минуту смотрела со слезами на глазах на лежащие у ног трупы Пифа, Пафа и бедного Снеговика. Она стала на колени, снова прочла короткую молитву и набожно закрыла глаза всем троим.

— Чего бы я ни дал, чтобы вернуть их к жизни!.. — промолвил серебряный король с необычайной для него сердечностью. — К несчастью, это не в моих силах...

Неловким, но бережным движением он помог миссис Клавдии выбраться из ямы. Бессребренику, наблюдавшему эту сцену, пришло на ум сравнение со слоном, спасающим стрекозу.

Вдали преследование не прекращалось. Золотоискатели, окруженные со всех сторон, уже не могли бежать. Большинство просило пощады. Из сострадания офицер вышел вперед, чтобы предложить условия примирения. Он дорого поплатился за свою доверчивость. Один из старателей пошел ему навстречу.

— Послушайте, — сказал попросту офицер, — для вас самое лучшее — сдаться.

— Да, — отвечал тот, — только прежде я сведу счеты с проклятой синей курткой.

Он выхватил из кармана револьвер и в упор выстрелил в офицера. Тот упал навзничь, пораженный в самое сердце. Тогда разбойник, думая воспользоваться замешательством, отскочил назад, вопя:

— Смелей, братцы! Вперед!.. Не сдавайтесь!.. Вас повесят!

Волонтеры, как люди привычные ко всяким случайностям, быстро овладели собой и, кипя яростью, бросились на неприятеля.

Миссис Клавдия, хотевшая было вмешаться и попросить пощады для виновных, остановилась в ужасе: всадник с саблей наголо преследовал последнего из бегущих, намереваясь заколоть его.

— Это убийца, возьми его живьем, — крикнул кто-то из солдат.

Волонтер схватил лассо, раскрутил в воздухе и ловко накинул петлю на шею негодяю. Тот свалился. Не сходя с лошади, солдат сделал пол-оборота и поволок за собой по земле разбойника, у которого пена выступила изо рта.

— Закон Линча!.. Закон Линча! — кричали окружившие убийцу волонтеры.

Подошедший Бессребреник, увидав лежащего на земле, вскричал:

— Да это Вильям Соленая Селедка!

Между тем серебряный король, не смущаясь зловещей торжественностью минуты, прикидывал про себя: «Думаю, офицер не был женат; он умер, и, значит, чек аннулируется. Стало быть, выстрел разбойника принес мне сто тысяч долларов... Ол райт!.. Дело прежде всего».

Суд Линча вынес свой приговор: убийца должен быть повешен за ноги. На исполнение приговора потребовалось немного времени. Осужденный, раскачиваясь на веревке, отчаянно кричал, просил о пощаде, плакал, наконец, стал умолять, чтобы его убили. Несколько синих курток, более жалостливых, прицелились:

— Пли!

Повешенный, дернувшись, затих.

Волонтеры, не обращая дальнейшего внимания на труп, одежда на котором тлела от выстрелов, приблизились к джентльменам и миссис Клавдии. Та горячо просила своих избавителей поскорее уехать отсюда.

— Ваше желание для меня — приказ, — отвечал ей Джим Сильвер. Затем, обращаясь к Бессребренику, он спросил любезно: — А вы едете с нами?

— Нет, благодарю, — отвечал джентльмен, — мой карман и, главное, условие нашего пари не позволяют путешествовать иначе, как на собственные средства.

— Но ввиду исключительных обстоятельств и услуг, оказанных миссис Остин, вы могли бы... потребовать в награду... лошадь, пищу, оружие, деньги, наконец... За каждый труд полагается плата.

При этом предложении, выраженном так оскорбительно, в глазах Бессребреника вспыхнул

недобрый огонь.

— Высшей наградой для меня будет разрешение миссис Клавдии поцеловать ей руку.

Тонкая, слегка дрожащая рука молодой женщины медленно протянулась к нему.

С неудержимостью и изяществом он нагнулся и поцеловал ее.

— А теперь, — сказал джентльмен, — прощайте...

— Вы покидаете нас?.. Это... это невозможно! — Глаза миссис Клавдии опять наполнились отчаянием.

— Мне надо исполнить долг: позаботиться о погребении этого храброго офицера и молодцов, отдавших жизнь за нас... А затем — снова начну скитания по белу свету... До свидания, мистер Сильвер.

— До свидания, мистер Бессребреник.

Бессребреник нарочно простился так внезапно с миссис Остин — желал избежать объяснений, выражений благодарности, нежной сцены. Он чувствовал, что постоянное общество прекрасной молодой женщины становится для него опасным, вовлекая на путь приятной, но пагубной сентиментальности.

Зная, что существование вдвоем для него невозможно, он решил сразу положить всему конец. Нельзя сказать, чтобы при этом сердце его болезненно не сжалось, но, выдерживая характер, джентльмен даже не справился о дальнейших планах миссис Клавдии. Впрочем, они казались ему достаточно ясными. Внезапное вмешательство в события серебряного короля, страстные взгляды, которые он бросал на молодую женщину, красноречиво свидетельствовали о душевном состоянии и намерениях миллионера.

Бессребреник подумал: «Пусть... пусть женится на ней!.. Пусть она сделается серебряной королевой!.. А мой удел — дорога без конца... Иди вперед, Бессребреник!»

Не обращая внимания на золотоискателей, он вырыл глубокую яму и закопал в ней офицера, Пифа, Пафа и Снеговика.

Начинало смеркаться. Так как у джентльмена не было ни гроша в кармане, а голод все сильнее напоминал о себе, он отрезал кусок мяса от убитой лошади Сильвера и, разведя костер, принялся готовить. Потом, поев с аппетитом и выпив свежей воды, завернулся в одеяло и уснул, как человек, которому неведомы тревоги и опасности. Старатели, пораженные подобным хладнокровием и, кроме того, напуганные синими куртками, не трогали его. Он проснулся на заре следующего дня и, положив в дорожную сумку остатки ужина, отправился в дальнейший путь.

Целых пять дней шел Бессребреник, направляясь к станции железной дороги, не встречая никого, ночуя под открытым небом, питаясь чем попало.

Наконец, изнемогающий, он добрал до одного из тех деревянных барачков, которые американцы громко называют вокзалами. Однако теперь, когда Бессребреник очутился в местах, где цивилизация олицетворяется в полустанке, угольном складе, водокачке, отеле, сколоченном из досок, и из досок сколоченном салуне, — положение его, не имевшего, как всегда, ни гроша, стало еще затруднительней.

Прежде всего надо было добыть чего-нибудь поесть. Бессребреник направился в салун с видом покупателя, у которого кошелек набит золотом. Хозяин попался на удочку и с непривычной для янки предупредительностью, хотя и не трогаясь с места, осведомился:

— Эй, что надо?

Бессребреник отвечал просто:

— Не требуется ли вам повар, слуга или мойщик посуды?

Содержатель салуна даже привскочил и закричал:

— Мошенник!.. Сукин сын!.. А я-то принял его за честного человека...

— Что же бесчестного в том, что я хочу заработать на пропитание?

— Стало быть, ты, любезный, и повар, и слуга, и мойщик посуды? Так вот что я тебе скажу. Едят здесь только консервы, стало быть, повар не нужен, прислуживаю посетителям я сам, а посуду облизывают, то есть моют, бродячие собаки...

При этих словах, сопровождаемых непристойными жестами, Бессребреник тоже захохотал и подошел к хозяину поближе, будто находя чрезвычайно забавной его шутку; но затем, вдруг изменив голос, прошептал так, что на стойке зазвенели стаканы:

— Защищайся, поросенок!

Янки был на голову выше джентльмена и сложения атлетического. Он стал в боксерскую позицию и проворчал:

— До прихода поезда еще десять минут. Жаль, что машинист и кочегар, мои кумовья, не увидят потехи! Вот бы позабавились!

Сильная пощечина не дала ему договорить. Он только крикнул:

— Ой!

За первой последовала вторая. Атлет пробовал обороняться, но не попадал в своего противника; тот же продолжал щедро потчевать янки оплеухами.

Как раз в эту минуту подошел поезд, раздались свистки и звонки.

— Я мог бы убить тебя, — заговорил Бессребреник, — но ограничусь этим уроком: другой раз не станешь оскорблять небогатых путешественников.

Развернувшись, он поймал взглядом огромный окорок, подвешенный под потолком; без церемонии снял его, взял под мышку и преспокойно вышел. Хозяин, протестуя, бросился вдогонку, получив в итоге совсем не то, что намеревался — Бессребреник со всей силы ударил его окороком по голове и, гордый своей победой, направился к остановившемуся поезду.

ГЛАВА 19

Поезд трогается. — В багажном вагоне. — Опять окорок. — Мучительная жажда. — Открытие. — Среди мешков. — Бессребреник намеревается притвориться мертвым.

Не расставаясь со своим окороком, Бессребреник проскользнул под вагоны и исчез, как сквозь землю провалился. Кондуктор, заметивший было безбилетного пассажира, недоумевал:

— Куда это он подевался?

Зазвонил колокол, засвистел свисток; локомотив, запасшись водой и углем, тронулся. Кондуктор, прыгнув на подножку, рассуждал: «Вероятно, мошенник спрятался где-нибудь в поезде». Бессребреник же, сидя верхом на буфере и плотно прислонившись к стенке вагона, крепко прижимал к груди свою ветчину. Не желая вечно пребывать в дискомфорте, он подождал, пока ночь совершенно опустится на землю, и тогда принялся за выполнение смелого и трудного маневра.

С бесконечными предосторожностями, с неподражаемой ловкостью он стал перебираться на подножку. Но окорок ужасно затруднял его, а расставаться с добычей не хотелось. Наконец, он придумал взять в зубы веревку, за которую ветчина была подвешена к потолку, и, как собака с добычей, на четвереньках стал пробираться мимо пассажирских вагонов — ярко освещенных роскошных купе — к последнему вагону в поезде — товарному, тяжелому, запертому со всех сторон.

Здесь царствовала полная темнота. Бессребреник таращил глаза, что-то ощупывал и, наконец, нашел задвижную дверь. Продолжая держать ветчину в зубах, одной рукой схватившись за скобку, другой он пытался просунуть в желоб лезвие охотничьего ножа.

С превеликим трудом ему удалось отодвинуть дверь и проскользнуть в вагон, наполненный почти доверху длинными толстыми мешками. Бессребреник, обессиленный, вытянулся на них и уснул под шум поезда, мчавшегося в Сан-Франциско. Проспал он пятнадцать часов и пробудился только к утру от страшного голода.

Солнечные лучи, пробиваясь через щели, освещали внутренность вагона. Джентльмен вынул нож, отрезал большой ломоть ветчины и принялся уплетать его с аппетитом. Но окорок оказался сильно просоленным, и скоро Бессребренику страшно захотелось пить. А через час стало совсем невмоготу — он с удовольствием отдал бы бутылку собственной крови за бутылку воды. Чтобы не мучиться, джентльмен попытался снова заснуть, но и во сне его томила жажда: ему снились светлые хрустальные ручки, журчащие источники, запотевшие графины, наполненные божественной влагой, и даже замороженная вода — лед. Эти видения, быстро сменяясь, превращались в настоящую пытку. Джентльмен метался как в бреду, а когда открыл глаза, заметил, что толщина мешков, на которых он спал, значительно уменьшилась. Он подумал, что, вероятно, как-нибудь во сне порвал полотно, но так как наступила ночь, нельзя было убедиться в справедливости предположения. Впрочем, это и не представляло для джентльмена особенного интереса. Теперь для него было важно только одно: выбраться из вагона при первой остановке и напиться... напиться... напиться.

Ему пришлось прождать еще долго. Наконец, поезд затормозил у одной из пустынных станций. Воспользовавшись темнотой, он вышел и перебрался на другую сторону пути к водокачке. Из кожаной кишки, надетой на кран, лилась тонкая струя. Бессребреник жадно прильнул к отверстию губами, а когда напился, подумал: «Хорошо бы хоть кружечку захватить с собой!»

Под ногами у него валялась пустая жестяная банка из-под консервов. Он поднял ее, выполоскал, наполнил водой и бережно унес с собой, как сокровище.

— Теперь я преблагополучно доеду до Сан-Франциско, — рассуждал он.

— А там легко найду способ перебраться через океан в Китай и Японию и вернуться, не

истратив ни цента, — совершенно по условиям пари.

Ни на минуту не зародилось в нем сомнения в успехе опасного путешествия.

Поезд продолжал движение: джентльмен еще раз закусил ветчиной и запил ее захваченной с собой водой. Вдруг около двери вагона раздались голоса:

— Нет, это уж слишком!.. Какова наглость! — говорил один голос.

— О, эти каналы бродяги на все способны.

— Ну, посмотрим!

Дверь отодвинулась, и первый голос произнес:

— Эй, молодец, нечего тебе больше прятаться!

Бессребреник понял, что накрыт, но не спешил выходить из своего убежища. Он притих.

Вдруг голос, звучавший до сих пор весело, стал жестким, и к нему присоединился характерный звук взводимого курка.

— Ты прячешься, как крыса в норе... Потешимся же мы!..

В ту же минуту раздался выстрел. Пуля попала в грудь мешков, Бессребреник распрямылся во весь рост и крикнул:

— Не стреляйте! Я сдаюсь.

Он вышел из своего убежища, подняв целое облако белой густой пыли, и страшно расчихался.

Кондуктора встретили его появление безумным хохотом.

Бессребреник, хотя сам был веселого нрава, не любил, чтобы над ним смеялись.

— Чхи!.. чхи!.. чхи!

Хохот удвоился, сопровождаемый тяжеловесными шутками янки.

Бессребреник, не различая ничего среди белого марева, почувствовал только, что пыль забивает нос и рот.

— Чхи!.. чхи!.. чхи!

Наконец, ему удалось добраться до двери вагона, где стояли оба кондуктора. На свежем воздухе Бессребреник прервал свое чихание и сам расхохотался до упаду.

Словно мельник, только вышедший с мельницы, он был с головы до ног запорошен чем-то белым, напудрившим его волосы, насевшим на ресницы, на бороду, покрывшим все платье.

Скоро все объяснилось. Желая проехать даром, Бессребреник забрался в вагон с мукой. Один из мешков прорвался, и джентльмен, ничего не видя, всю ночь спал на его содержимом. Когда, умирая от жажды, он отправился за водой, то, сходя, оставил на подножке белые следы, бросившиеся в глаза кондуктору.

Тот сразу понял, что имеет дело с одним из тех путешественников, которые любят даровые услуги железных дорог. Подобных пассажиров в Америке преследуют без пощады, обвиняя их в сообщничестве с шайками разбойников, нападающих порой на поезда с целью грабежа пассажиров и кражи перевозимых товаров.

Как бы то ни было, только благодаря смешному белому костюму Бессребренника не пристрелили на месте. Но на ближайшей станции ему пришлось сойти.

К изумлению расходившихся пассажиров, джентльмен появился из вагона, распространяя при каждом движении тучи белой пыли, от которой напрасно старались сберечь свои платья другие джентльмены и леди.

И снова Бессребренник очутился на мостовой без гроша в кармане, в малолюдных местах, где нельзя рассчитывать найти заработок.

Поезд отошел от станции, и она совершенно опустела. Бессребренник отряхнул покрывавшую его пыль, вымылся и, приняв приличный вид, стал ходить по платформе с окороком под мышкой, раздумывая, что бы ему предпринять.

Скоро он заметил на противоположном — товарном — конце платформы сколоченное из досок строение, в которое по временам как тени входили молчаливые личности. Подойдя ближе, он увидел, что это чистенькие китайцы, одетые в национальные костюмы, в остроконечных шляпах, с длинными косами, висевшими шнурком до самых пяток.

— Что делают здесь эти сыны Небесной империи? — спросил себя Бессребренник.

Он подошел к сараю с другой стороны и прильнул глазом к одной из щелей: представилось поистине необыкновенное зрелище. Он проговорил:

— Теперь я уверен в успехе... Я буду в Сан-Франциско... в Китае... Мне стоит только притвориться мертвым.

ГЛАВА 20

Китайцы-переселенцы. — Их занятия. — Надежда на возвращение живыми или мертвыми. — Суда, перевозящие гробы. — Бессребренник занимает место мертвого китайца. — На «Бетси». — В трюме. — Страх. — Мучения. — Агония.

Китай, несмотря на обширность территории, не в состоянии прокормить собственное население — до того оно велико. Много народа просто умирает с голода. Подгоняемые лишениями, китайцы часто покидают родину и едут на Филиппины, на Яву, на Суматру, в Австралию, в Индию, Южную Америку... Но излюбленным местом их поселения остается Северная Америка, где, несмотря на противодействие властей, они все-таки находят выгодные занятия.

Китаец служит всегда за небольшое жалованье и исполняет свои обязанности добросовестно. Уезжая из отечества, он увозит с собой надежду на непременно возвращение. Если он умирает на чужбине — домой привозится его тело.

Бессребренник знал все эти подробности, и, когда увидал в сарае по крайней мере сотню больших гробов, расставленных правильными рядами и странно изукрашенных резьбой и рисунками, его осенило. На середине каждого ящика была китайская надпись, вероятно, имя покойника и место назначения гроба. Тут-то Бессребренник подумал: «Мне стоит только

притвориться мертвым... »

Дождавшись ночи, он смело вошел в сарай и подошел к гробу, крышка которого была не забита, а завинчена винтами. Джентльмен принялся их отвинчивать. Приподняв крышку, он увидел труп человека средних лет, завернутый в длинные полотняные полосы.

Бессребреник осторожно вынул покойника и принялся отвинчивать стенку в ногах гроба. Затем он положил крышку на место и закрепил ее — через оставшееся отверстие можно было влезть внутрь ящика.

Оставалось одно: пристроить куда-нибудь мертвого китайца, место которого Бессребреник намеревался занять. Джентльмен вернулся к трупу, положенному у прохода, и, взяв его на руки, понес к одному из домиков для служащих. Хозяина по счастливой случайности не оказалось на месте. Бессребреник ощупал в темноте мебель и узнал постель. Не колеблясь ни минуты, он быстро сунул покойника под одеяло, закрыл его с головой и пустился со всех ног прочь. Затем, вернувшись в сарай, dokonчил свое опасное предприятие: вполз ногами вперед через открытый конец в гроб и, улегшись, притянул к себе доску. Приладить ее на место оказалось делом не легким, но джентльмен справился и с этим, а кроме того, с помощью ножа образовал щели, через которые воздух мог поступать внутрь гроба.

Не прошло и часу, как послышался шум приближавшегося поезда.

— Ол райт! Сейчас поедем!.. Кажется, не останется ни одного способа передвижения, которого бы я не испытал, — сказал Бессребреник с невольной улыбкой.

Поезд прибыл; послышался стук открываемых и запираемых дверей. В сарай вошли несколько кондукторов и пинками разбудили спавших китайцев. Те повскакивали с циновок и, испуганные, как гуси, стали сзывать своих соотечественников, сбежавшихся отовсюду.

Началась погрузка. Джентльмен почувствовал, что его ящик поставили среди многих других, и, не спрашивая себя, чем может окончиться это страшное приключение, заснул крепким сном.

Гроб, избранный им, был, как мы помним, обширных размеров, так что джентльмен мог свободно вытягиваться и поворачиваться. Когда он проснулся, задыхаясь от недостатка воздуха, поезд стоял. Только Бессребреник собрался выглянуть из своего ящика, где пролежал сорок часов, как до него донеслись голоса:

— Эй, вы! Скорей!.. Поворачивайтесь! Мы уходим в два часа.

— Да, да, — умоляли в ответ по-английски, но с несомненным китайским акцентом. — Дайте время.

— Опаздывать, что ли, из-за вас на «Бетси»?

— Мы хорошо платим... Агент будет жаловаться...

— Знаю я вас, желтокожих поганцев! Поворачивайтесь!.. Живо!..

— Да, да... мистер капитан.

Из разговора Бессребреник понял, что поезд прибыл в Сан-Франциско. И там вынесли гробы. По-видимому, с китайцем разговаривал капитан судна «Бетси», готового к отплытию.

«Отлично, — думал джентльмен, — отправлюсь в Китай и даром переплыть океан. Хорошо, что на кости есть еще кусочек ветчины... поскорее бы только „Бетси“ снималась с якоря; тогда я выйду из этого ужасного ящика и поищу, чего бы выпить: проклятая жажда опять замучила до смерти!»

Через несколько минут его гроб подняли, затем он ощутил, что висит в воздухе. Визг блока, и ящик начал опускаться как будто в пропасть — Бессребреник оказался в трюме.

Погрузка продолжалась около двух часов; затем раздался шум захлопываемых люков, лязг цепей и пыхтенье пара. И вот корпус судна содрогнулся, началась вибрация.

«Винт заработал, — решил джентльмен. — Плыдем!.. Счастливого пути!»

* * *

Джентльмен терпеливо ждал, пока «Бетси» окажется в открытом море, и только потом выполз из гроба. От долгого лежания его совсем свело, он не мог держаться на ногах и должен был применить множество массажных и гимнастических упражнений, чтобы прийти в себя.

Уже несколько дней Бессребреника мучила страшная жажда. Благоразумие подсказывало, что еще сутки как минимум не следует покидать этой части судна, но пить хотелось невероятно, и он решил явиться к капитану.

Ощупью стал искать выхода, но напрасно: в совершенной темноте джентльмен ударялся головой, плечами, ногами о гробы и выдающиеся ребра корабельного остова. Проходили часы; к мучениям жажды присоединились мучения голода, — на ветчинной кости не осталось даже сухожилий. Он снова и снова предпринимал попытки отыскать выход. Наконец, под руку попало что-то — дверь, служившая, вероятно, сообщением между двумя отделениями трюма. Попытался отворить ее — она была заперта засовом снаружи.

— Откроем в другом месте, — старался ободрить себя Бессребреник, ища на этот раз люк, через который спускали гробы. Он нашел его и, взобравшись на груды ящиков, стал изо всех сил приподнимать дверку. Тщетно! Еще раз, еще — бесполезно! Он устал, безумно устал от голода, жажды, гнетущей темноты, но главное, от чувства заживо погребенного.

— Не околевать же мне здесь, как последней твари! — простонал джентльмен и принялся что было мочи барабанить по люку ногами и руками. Но стук его, сливаясь с общим шумом в нижних ярусах парохода, не был слышен. Тогда он разломал свой гроб и начал ударять досками по железной обшивке стен. Никто не откликнулся!.. Бессребреник окончательно выбился из сил. Не знавший прежде отчаяния, он почувствовал всю его тяжесть. Разум его начал меркнуть, а разгоряченное, саднящее от ушибов и ран тело словно окуталось ледяным плащом. В темноте трюма засверкали призрачные золотые искры — предвестники безумия. Джентльмен употребил все усилия, чтобы не поддаться слабости, и все-таки впал в полузабытье.

«Теперь, кажется, конец тебе, Бессребреник... — бредил он. — Ты взял на себя слишком много!.. И к чему?.. Скоро станешь трупом, до которого никому не будет дела... У тебя нет друзей... Кто о тебе пожалеет?.. Никто!» В памяти пронеслось мимолетное видение: клочок голубого неба... деревья... птицы... цветы... бабочки... А над всем этим — прекрасный женский лик, смотревший на него с глубокой грустью. Он прошептал: «Клавдия!» — вздохнул и без движения упал между двумя гробами.

ГЛАВА 21

Благодетельное кровопускание. — Крыса. — Кончик уха. — Заживо съеденный. — Пожар. — Открытие. — Сострадание и жестокость. — Затруднительное положение. — Человек в море. — Бессребреник и юнга. — На обломке мачты. — Брошенные среди океана.

Он пришел в себя при обстоятельствах столь же необыкновенных, как и все его существование со времени заключения пари. Очнуться заставила острая боль в ухе, которая все усиливалась. Теплая струйка крови текла из раны на грудь умирающего. Машинально он поднес руку к голове, и пальцы ощутили мохнатое тело и холодные лапы с когтями.

— Крыса!

Бессребреник схватил ее и крепко сжал. Гадина запищала и стала царапаться; джентльмен стиснул ее еще крепче и вмиг задушил. У несчастного мелькнула чудовищная мысль: «Я выпью ее кровь, я съем ее». Он впился зубами в горло животного и, сорвав шкуру ногтями, сжевал и проглотил крысиное мясо. Этот мерзкий обед возвратил ему силы. А вместе с силой вернулась и надежда.

Каким угодно способом нужно было обратить на себя внимание экипажа. Джентльмен принялся собирать обломки ящика, ощупью отыскал циновку, лежавшую внутри гроба, и, собрав все в кучу, высек огонь огнивом. Циновка, сплетенная из очень тонкого и сухого тростника, легко загорелась, мало-помалу наполнив дымом весь трюм. Дым начал пробиваться через щели обшивки и перегородок. На это именно и рассчитывал Бессребреник.

Пожар на корабле — ужасная вещь; поэтому при появлении малейшего запаха гари начинается аврал: каждый бежит на свой пост, готовятся пожарные рукава, производится самый тщательный — с палубы до трюма — осмотр судна.

Конечно, разводя огонь, Бессребреник заботился о том, чтобы самому в нем не изжариться. Тем не менее высокий столб пламени, крутясь, стал разрастаться в ширину, перекидываться на гробы, сделанные из очень сухого смолистого дерева. Яркий свет озарил все углы трюма. Пожар набирал силу, когда послышались испуганные голоса:

— Сюда!.. Сюда!.. Горит в трюме у китайцев!

В ту же минуту верхний люк открылся и из двух пожарных рукавов, направленных сверху, хлынул поток воды...

Опасность миновала. Минут через пять капитан «Бетси» с несколькими людьми, несшими большой фонарь, спустился в трюм, чтобы лично выяснить причину неприятного происшествия. Ему навстречу смело вышел Бессребреник.

— Человек?! Живой среди мертвых?! Что вы здесь делаете?! — потеряв свою обычную флегматичность, гаркнул капитан.

— Прохожу мили и стараюсь выиграть пари, — серьезно отвечал джентльмен, не пряча взгляда.

Лицо командира «Бетси», несмотря на темный загар, в секунду стало ярко-пунцовым, левый глаз задергался в тике:

— Вздумал насмеяться, паршивец?! А ну взять его!

— Я не собираюсь сопротивляться, тем более что не знаю за собой особенной вины.

— А пожар? А билет? Сколько ты заплатил за билет? — Белый китель на негодующем капитане словно раздувался мехами.

Матросы потащили Бессребреника по лестнице.

Убедившись, что поврежденных в трюме практически нет, но не остыв от гнева, капитан скоро поднялся наверх. Теперь он мог лучше рассмотреть своего нового пассажира. Джентльмен имел самый плачевный вид: глаза после долгого пребывания в темноте моргали от света, свежий воздух действовал слишком сильно, исхудалый, посиневший, со свалывшимися волосами, покрытый потом, пылью и кровью, он походил на жалкого бродягу.

Глядя исподлобья, капитан заговорил с ним еще грубее прежнего:

— Всякий, кто не записан в судовую книгу, обязан оставить пароход!

— Но это не так легко сделать, мы — в море, — возразил Бессребреник.

— Напротив, нет ничего легче; стоит только выброситься за борт. По доброй воле или с помощью моих ребят.

— Вы сделаетесь убийцей!

— Я хозяин на пароходе... Эй, Том, Патрик, Боб, Вилли! Возьмите-ка этого красная и выкупайте...

— Матросы! — обратился к ним Бессребреник. — Неужели вы решитесь на преступление?.. Знаете, кто я?.. Перед вами тот, кто под именем Бессребреника держит пари с серебряным королем Джимом Сильвером.

— А! — понимающе воскликнули матросы.

Капитан же пожал плечами, ворча:

— Какое мне дело до вашего пари?.. Я не любитель всяких сумасбродств... За борт его!..

Между тем матросы колебались.

— Не осмеливаясь послушаться, капитан, — заговорил один из них, поднося руку к козырьку, — прошу вас как-нибудь уладить это дело.

— Есть лишь один способ уладить его: заплатить за проезд и пищу безбилетника.

Моряк, сняв шерстяную фуражку, пустил ее по кругу:

— Сбросимся, братцы! Кто что может.

Бедняки почти всегда оказываются людьми великодушными. Матросы «Бетси» опустили руки в карманы и, вытащив самодельные кошельки, собирались высыпать их содержимое в шапку, когда Бессребреник удержал их жестом.

— Нет, добрые люди... Я не могу принять ваши деньги...

— Но почему?.. Почему же?.. — зашумели, протестуя, славные малые.

— Запрещают условия пари. Но все же от глубины души благодарю вас.

— Да бросьте, откажитесь от пари, — предложил один из матросов. — Что значит оно по сравнению с жизнью!

— Проиграть пари для меня равносильно смерти, — объяснил джентльмен.

— Значит, нет средства спасти вас?

Капитан злорадно улыбался, как бы заранее наслаждаясь предстоящим зрелищем гибели Бессребреника. А тот отвечал:

— Единственное средство просить капитана дать мне работу.

Капитан перебил его:

— Нет!.. Довольно!..

Неожиданно на другом конце корабля послышался детский крик и сильный всплеск от удара о воду. Началась всеобщая суматоха:

— Человек за бортом!

Без промедления застопорили машины. За борт полетели птичья клетка, множество жердей, за которые должен был ухватиться ребенок. Но расстояние между ним и «Бетси» быстро увеличивалось. Известно, что тяжелый пароход, да еще идущий на всех парах, не может остановиться сразу. По инерции он долго движется вперед.

— Бедный мальчик, я его спасу! — закричал чей-то голос. И через пару секунд прыгнувший за корму уже рассекал воду мощными гребками отличного пловца.

— Это джентльмен! — воскликнул матрос, в котором Бессребреник нашел себе неожиданную опору. — Смотрите как плывет!

Бессребреник то появлялся на вершине морского вала, то исчезал в бездне, отыскивая ребенка. Задача была нелегкая: волны то и дело становились между ними, скрывая друг от друга. Время от времени Бессребреник громко и протяжно кричал, затем замолкал, надеясь услышать среди шума стихии ответ ребенка. Так тянулось несколько долгих минут, пока до него не донесся слабый, как писк птички, детский стон. Джентльмен снова крикнул. Тот же звук послышался вновь — слабее, но, к счастью, ближе. Пловец-взрослый в эту минуту находился на гребне волны. Глаз его различил маленького юнгу, выбившегося из сил и в отчаянии протягивавшего к нему руки. Волна, обрушиваясь под джентльменом, приблизила его к мальчику. Он схватил его и радостно сказал:

— Что это тебе вздумалось напиться соленой воды?

Мальчуган, плача, прижался к его груди. Вблизи плыл большой обломок доски. Джентльмен посадил на него верхом юнгу и прибавил:

— Вот так, отлично!.. Теперь отдохни!.. А я подожду.

Качаясь на волнах, Бессребреник долго ждал приближающейся лодки, призывных ободрительных возгласов матросов на веслах.

Но ничего не было видно, ничего не было слышно!

Он все больше беспокоился за ребенка, который между тем, сидя на доске, успел несколько оправиться и успокоиться.

Подброшенный высокой волной, джентльмен различал над линией горизонта полосу густого черного дыма. Виднелись только мачты уходящего корабля. Сомнения не было: негодяй-капитан, недостойный имени моряка, бросил среди океана двух беспомощных бедняков!

У мальчика зубы стучали от холода; вода стекала с него ручьями, он смотрел на Бессребренника умоляющим, полным отчаяния взглядом. Весь ужас, все страдания мира были в этом взгляде ребенка.

— Не видать помощи? — то и дело спрашивал он голосом, который прерывали налетающие волны. — У меня больше нет сил держаться... Мне страшно... Спасите меня!

— Не бойся, бедняжка... Я с тобой!

ГЛАВА 22

Варварский поступок. — Покинутые на произвол судьбы. — Маленький юнга. — Бедствие. — Кому на роду написано несчастье. — Бессребренника, оказывается, зовут Жоржем. — Борьба с волнами. — Бред. — Агония. — Последние муки. — Это ли конец? — Среди океана. — Атолл. — Коралловый риф. — Обломок. — Двое бедствующих. — Умер! — Отчаяние. — Бессребренник плачет.

А на пароходе после попытки Бессребренника спасти упавшего в море произошло вот что.

Сперва капитан скомандовал: «Стоп машина!» Но потом, увидев бросившего в воду Бессребренника, передумал.

— Этот нищий перебаламутит мне весь корабль. Сейчас он в воде. Ну и пускай в ней остается. Чудесный исход!

Смутное чувство жалости к погибающему мальчику на миг шевельнулось в его сердце и исчезло.

— Если он еще не умер, то скоро умрет. Вопрос нескольких минут...

Из рупора донеслось:

— Полный вперед!

Матросы зароптали.

Капитан повернулся, держа в руке револьвер, и, щелкнув курком, проговорил резко:

— Кто хоть одно слово пикнет — убью! Вы знаете, я слов на ветер не бросаю. Все по местам! Живо!

Просить, умолять было бесполезно. Прибегнуть к силе — у капитана было слишком много сторонников.

Винт бешено завертелся. Пароход помчался вперед, неся по водам свой странный и страшный

груз.

... Юнга очнулся и сразу же узнал человека, столь необычным образом появившегося у них на борту.

Ободренный светлым и ласковым взглядом Бессребреника, мальчишка прерывистым голосом рассказал ему свою печальную историю.

Юнге было двенадцать. Пять лет назад его отец, матрос из Чарльзтоуна, погиб во время кораблекрушения. Мать осталась вдовой с пятью детьми. Жили они в нищенском логове. Пока бедная женщина выбивалась из сил где-нибудь на тяжелой работе, он нянчил младших братьев и сестер, потом бегал с поручениями, по вечерам у театра чистил публичке обувь, торговал газетами, словом, брался за все, лишь бы чуть-чуть заработать.

Надломленная каторжной работой и безысходной нуждой, мать заболела тифозной горячкой. Ее отвезли в больницу. Несчастливая металась в бреду и никого не узнавала. Она умерла, не приходя в сознание, не простившись с детьми.

Еще непригляднее, чем всегда, показалось осиротелому мальчику его нищенское жилище, он долго и горько плакал; младшие дети тоже плакали и просили поесть. Есть было нечего. Он пошел просить милостыню. Принес несколько медяшек. Купили хлеба, поели, на этот раз отсрочив голодный обморок.

За комнату платили по неделям. Когда наступил срок, детей выгнали на улицу. И они пошли, все пятеро, куда глаза глядят.

Полиция в Соединенных Штатах, как и везде, не любит нищих. Детишек, разумеется, арестовали, как будто голодному попросить милостыню у сытых — преступление.

Когда полисмен вел по улице несчастных малышей, плакавших о матери и просивших поесть, с ними встретился грубоватый, но добродушный человек с волосатыми руками, кирпичным цветом лица и козлиной бородой. Он спросил у полисмена, чем провинились эти ребята.

— Нищенствуют, голодные.

— Старший может уже работать, — вскричал незнакомец. — Я капитан купеческого корабля. Хочешь в моряки поступить, малыш?

В моряки!.. Отчего же нет?

— Хочу, сэр, — с решимостью ответил ребенок.

Он вытер слезы, простился с младшими и пошел с капитаном. Спустя три часа его записали юнгой на шедший в Ливерпуль небольшой клипер, груженный хлопком. А через два года его покровитель умер в Новом Орлеане от желтой лихорадки. Бедный мальчуган опять остался на мостовой. Рок продолжал преследовать его.

На свою беду, он встретился с капитаном «Бетси» и поступил к нему на корабль за баснословно низкую плату.

Этот рассказ потряс Бессребреника до глубины души.

— Ну, моряк, не падай духом, — силясь улыбнуться, вымолвил джентльмен.

Ребенок зарыдал, когда увидел, что ему искренно сочувствуют.

— О, сударь, вы очень добры, но только я чувствую, мне конец. Силы уходят. Я весь застываю. Я скоро умру.

— Нет же, нет, зачем так говорить! Море велико, мы встретим островок, клочок земли...

Верил ли он сам тому, что говорил?..

Мальчик с каждой минутой терял силы.

Стоны его становились все слабее. Он едва держался за обломок, весь дрожал и выбивал зубами дробь.

Бессребреник снял с себя пояс и привязал мальчика к деревянной доске, так что тот мог разжать руки и свободно передохнуть. Закоченевшей пятерней мальчонка отыскал ладонь Бессребреника и судорожно ее пожал. От этого ледяного пожатия Бессребренику захотелось выть, плакать, ругаться, сотрясти весь белый свет...

Наступила ночь. Сразу, без сумерек. Ужасная ночь в фосфорическом блеске волн черного океана. Всяким силам человеческим есть предел, и Бессребреник чувствовал, что этот предел будет скоро перейден. Он очень боялся за юнгу, время от времени заговаривал с ним, старался ободрить.

Мальчик сказал ему свое имя: Жорж.

— Меня тоже зовут Жоржем! — воскликнул Бессребреник. — Как себя чувствуешь, тезка?

Юнга отвечал слабым голосом, дребезжащим, точно подмокшая скрипичная струна:

— Держусь пока, чтобы сделать вам удовольствие. Вы очень добры!

— Мы будем жить, вот увидишь!

— Я не боюсь умереть. Такому горемыке, как я, смерть не страшна.

Сердце джентльмена опять пронзилось острой болью.

Прошло еще несколько часов среди уныло-однообразного плеска мрачных волн. Насквозь прозябший, Бессребреник стучал зубами, часто вместе с воздухом в рот ему попадала горько-соленая вода, вызывая болезненный кашель. От голода, жажды и усталости начался бред. Но лишь только сознание возвращалось, он вспоминал об умирающем мальчике и звал его:

— Жорж!.. Жорж!.. Откликнись!

Потом бред опять наваливался и ему мерещились города, сверкающие электричеством, праздничные шумные толпы, залы с разряженной публикой, снующие повсюду пароходы с дымящимися трубами, мчащиеся курьерские поезда, потом кровавые схватки... слышались выстрелы, крики, проклятия, безумный галоп коней... А посреди всей этой сумятицы — как было уже не раз — возникало лицо белокурой женщины с сапфировыми глазами... И с губ, изъеденных морской солью, срывалось заветное:

— Клавдия!

Долго продолжалась эта мука. Холод заледенил все его тело, сердце билось совсем слабо, он едва различал звезды, медленно опускавшиеся к горизонту. Бессребреник сделал усилие, чтобы крикнуть. Но находясь во власти кошмара, не издал ни малейшего звука. Затем, собрав всю свою волю, сделал новую попытку. Крик вылетел, но какой-то жалкий, похожий на рыдание.

В ответ раздался слабый-слабый хрип.

— Боже мой! Мальчик умирает! Умирает!.. — Бессребреник судорожно ухватился за доску и лишился сознания.

* * *

В стороне от обычного курса кораблей, среди Тихого океана затерялся этот небольшой коралловый островок, окруженный рифами. Таких атоллов много в Тихом океане. Их соорудила многовековая работа миллиардов маленьких существ — коралловых полипов. Атоллы, как правило, имеют форму не вполне сомкнутого кольца. Кругом бушуют свирепые волны, а внутри кольца тихое, спокойное озеро.

Островок, о котором мы говорим, невелик: не больше трех верст в диаметре. Покрыт наносной почвой, образовавшейся из ила, намытого морем. Есть растительность: множество кокосовых пальм, мускатный орешник... Фауна не богата: большие земляные крабы трудятся над кокосовыми орехами, чтобы добыть ядро из их твердой скорлупы; сероватые, с шелковистой шерстью крысы проворно лазят по стволам деревьев; в ветвях порхают зеленые голуби — любители мускатных орехов; во внутреннем озере плещутся водные птицы.

Людей на острове нет.

Коралловые острова встречаются в Тихом океане целыми архипелагами. Назовем: Разбойничьи (они же Марианские), Каролинские, острова Фиджи, Дружбы, Товарищества, Куков архипелаг, Самоа, наконец, Ваникаро, где потерпел крушение знаменитый Лаперуз.

Много таких островов открыто мореплавателями, но есть много и неизвестных.

Немало и подводных островов, представляющих собою опаснейшие для кораблей рифы. Эти острова недоделаны зоофитами. Но пройдет несколько десятков лет, и они выйдут из морской пучины.

Зоофиты неисчислимы, работа их упорна и непрерывна.

* * *

К такому островку и прибили волны деревянный обломок, на котором находились Бессребреник с юнгой. Через проход в кольце рифов они попали во внутреннее озеро.

Испуганные водные птицы сначала загалдели, но потом успокоились, видя, что доска остановилась у берега, не причинив им вреда.

На обломке были два неподвижных человеческих тела — тело взрослого и тело ребенка.

Под горячими лучами солнца, высушившими одежду и нагревшими кожу, взрослый пошевелился. Глаза его раскрылись и сейчас же зажмурились от яркого света. Потом, как бывает после долгого пребывания в воде, он, содрогнувшись с головы до ног, громко и сильно

чихнул. Чихнул и пришел в себя, окинув взглядом незнакомую землю. Кокосовые пальмы, мускатные деревья, крысы, крабы, зеленые голуби, веточки кораллов — все это разом предстало перед ним в лучах утреннего светила. Он прошептал в изумлении:

— Боже! Благодарю тебя!

Но сейчас же сердце его сжалось от страха:

— Мальчик! Жив ли?

Он разжал руки, которыми держался за обломок, попробовал привстать

— тело почти не слушалось.

Мальчик был привязан к другому концу обломка. Голова его до плеч выглядывала из воды.

— Жорж!.. Малыш Жорж!..

Юнга не шевелился, на губах выступила пена.

Бессребреник кое-как дотащился до него, дотронулся до щеки и вздрогнул — ледяная.

— Боже мой!

Он стал развязывать пояс, но не смог и перерезал его ножом. Затем, сам едва держась на ногах, поднял маленькое тело, скрюченное предсмертной судорогой, и вытащил на берег, положил на солнышке, стал слушать сердце, делать искусственное дыхание. Он хлопотал несколько часов, стараясь вернуть мальчугана к жизни. Увы! Юнга был мертв.

Поняв это, Бессребреник упал на колени и горько, горько зарыдал...

... Когда он немного опомнился от горя, над маленьким мертвецом уже кружились рои трупных мух. Жадные до мяса крабы уже ползли к нему, щелкая клешнями.

Широкой перламутровой раковиной Бессребреник вырыл на взморье яму, взял тело мальчика, поцеловал его в лоб и тихо уложил в могилу. Потом засыпал ее, навалив камней, и остался один среди безбрежного океана.

ГЛАВА 23

Огонь! — Бессребреник поневоле становится вегетарианцем. — Шампанское. — Бессребреник навеселе. — Он начинает писать свои записки. — Он заключает свою рукопись в бутылку. — Встреча. — 1 мая. — Пари проиграно. — Надо умирать.

С того ужасного дня, когда джентльмену пришлось пообедать крысой и утолить жажду ее кровью, он ничего не ел и не пил. С большим трудом удалось ему добраться до кокосовой рощицы, где в траве росли ягоды, похожие на клубнику. С жадностью набросился на них джентльмен и скоро почувствовал, как мало-помалу силы его возвращаются. Утолив голод, он тут же заснул, проспав до следующего утра.

Шли дни, недели, месяцы. Сколько их минуло? Бессребреник сбился со счета. Он стал новым Робинзоном, но Робинзоном, у которого не было ни корабля, откуда можно достать все необходимое, ни орудия, ни книги, ни верного товарища Пятницы.

Питаться приходилось плодами и сырыми яйцами. Эта однообразная пища вконец надоела джентльмену, и он стал ломать голову, как бы добыть огня. Однажды на глаза Бессребренику попались грибы, похожие на трут. Предварительно высушив их, он с помощью стального лезвия своего ножа куском коралла стал высекать над ними искры. Попытка увенчалась успехом — пошел запах гари и затеплился огонек. С этого дня джентльмен перестал быть невольным вегетарианцем — стал печь яйца и крабов.

Единственным его занятием на острове было отыскивание припасов и приготовление обеда и ужина, а развлечением — общество животных, голубей и землероек, приближавшихся к нему безбоязненно.

Бессребренику часто казалось, что прошли целые годы с тех пор, как течение выбросило его на остров, и не раз он думал, что проиграл пари.

Однажды утром он увидел на поверхности лагуны какой-то плавающий предмет и, конечно, постарался достать его. То был ящик из-под шампанского, набитый соломенными оплетками, которые надевают на бутылки. В одной из этих оплеток, плотно засевшей между стенками ящика, оказалась еще нетронутая бутылка.

Раскупорив ее, джентльмен потихоньку, наслаждаясь каждым глотком, выпил вино. Вид же пустой бутылки навел его на мысль дать миру весть о себе. Он знал, что вещи, брошенные в море, прибываются течением к берегам, и надеялся, что его бутылка может попасть в цивилизованные страны — пусть тогда люди узнают, что он не был обычным искателем приключений, скрывавшим свое имя из стыда назвать его.

Так как под рукой не оказывалось ничего, что могло бы заменить бумагу, Бессребреник решил воспользоваться носовым платком, еще раз выстирав его в пресной воде с золой.

Перо было нетрудно достать из крыла голубя. Вместо чернил он прибегнул к собственной крови. Выдумка оказалась удачной — буквы не слишком расплывались по полотну, и Бессребреник начал писать.

«До сих пор меня знали в Америке под именем Бессребреника, давшего слово за год без гроша в кармане проделать кругосветное путешествие в 40 000 километров или... застрелиться. Вследствие совершенно непредвиденных обстоятельств я очутился на необитаемом острове и не знаю, как долго живу здесь. Быть может, срок пари уже истек? Во всяком случае, убедительно прошу людей, в чьи руки попадет сей документ, постараться разыскать меня. К несчастью, не могу указать своих координат, но в корабельном журнале американского парохода „Бетси“ должно быть отмечено место, где случилось происшествие, из-за которого я очутился в море. Мой остров, по всей вероятности, расположен недалеко от этой точки... Отлично сознавая, что шансы на спасение жизни ничтожны, прибегаю к исповеди ради спасения души.

Я — единственный потомок древнего рода графов Солиньяков. Все мои предки посвятили себя военной службе, к этому поприщу готовили и меня. Но я чувствовал иное призвание и посмел пойти наперекор семейным традициям, за что навлек на себя ненависть дяди, маркиза де Шэнебура. Когда пришлось отбывать воинскую повинность — я в то время уже пожинал лавры на артистическом поприще, — дядя, полковой командир, ославил меня еще до вступления в полк. Напрасно я старался добросовестно выполнять свои обязанности, напрасно выбивался из сил, исполняя самые трудные поручения — отношение ко мне, как к лентяю и негодяю, не менялось.

Однажды в манеже начальник ударил меня хлыстом по лицу. Я не стерпел и бросился на него. Был суд... три года каторги... Наконец, мне удалось бежать в Америку. Здесь брался за множество дел, перепробовал множество профессий. Несколько раз переходил от богатства к бедности, пока не оказался без гроша в кармане.

Остальное известно».

Платок до последнего клочка оказался исписанным. Бессребреник еще раз перечел свое послание и, свернув его в трубочку, всунул в горлышко пустой бутылки. Плотно закупорив отверстие кружками водорослей, он запечатал его, собрав кусочки смолы с деревьев.

Когда все было готово, джентльмен с некоторою торжественностью опустил бутылку в волны. Но... через несколько часов она очутилась на том же месте. Тогда Бессребреник сам пустился вплавь, чтобы бросить ее в волны как можно дальше от берега. Потом вернулся на остров, и на душе стало еще тяжелее, чем прежде.

Напрасно, однако Бессребреник отчаивался. Люди бывалые хорошо знают, что случай любит честных и добрых. Удача как бы сама их находит. Через двое суток, проснувшись утром, джентльмен услышал человеческие голоса. В свежем, слегка прохладном воздухе они раздавались все громче. В лазурной лагуне, ярко освещенной солнцем, стоял красивый бот с полудюжиной матросов, кричавших во все стороны:

— Эй, Бессребреник! Да где же ты? Или крабы съели?

— Здесь я! Здесь! — Могучий мужчина, заросший, босой, весь в лохмотьях, радостно подпрыгивал, как мальчишка.

Сильные руки молодцов, счастливых никак не меньше, чем сам Бессребреник, подхватили его и вмиг доставили на маленькое судно. Моряки обнимали джентльмена, смеялись над его костюмом, утверждая, что в газетах он был куда более одетым, а потом весело налегли на весла и скоро причалили к большому пароходу. Бессребреник взглянул на корму и с изумлением прочел: «Бетси».

Не успел он опомниться, как раздалась команда:

— Взбирайся на пароход! — и грубый, но ласковый голос прибавил: — Мистер Бессребреник, ведь вы лазаете как моряк...

Джентльмен проворно взобрался по веревочной лестнице и очутился на палубе среди экипажа, встретившего его восторженными приветствиями.

Человек, первым крикнувший с кормы — бывший помощник капитана, а ныне командир парохода, — крепко пожал джентльмену руку, рассказав о своем предшественнике:

— Судьба отплатила ему за жестокость к бедному Жоржу. Шквал смыл его ночью с палубы, и он нашел себе могилу там же, где и бедный ребенок, обреченный им на смерть.

За завтраком Бессребреник увидел две знакомые вещи: бутылку, пущенную им в море, и свой исписанный платок. Оказалось, что «Бетси» возвращалась из Китая по своему прежнему маршруту, и матросы, увидев плывущую бутылку, выловили ее. Новый капитан приказал произвести розыски, и коралловый островок скоро был найден.

— Вам необыкновенно повезло, — заметил капитан.

— Конечно, — согласился Бессребреник. — К сожалению только, счастье продлится недолго. Для меня все кончено!

— Да перестаньте...

Бессребреник указал на стенной календарь, где значилось: 1 мая.

— Видите, мне осталось жить всего двенадцать дней; я должен умереть 13 мая. Срок, в который нужно было сделать сорок тысяч километров, истекает этого числа; я едва успею вернуться в Нью-Йорк, чтобы доставить всем этим репортерам, фотографам и леди с развинченными нервами редкое зрелище добровольного самоуничтожения.

— Нет, вы еще можете выиграть пари. Мой пароход очень быстр; хотите им воспользоваться?..

— Я не могу пользоваться ничем, не платя... Я проиграл...

ГЛАВА 24

Возвращение. — Задержка. — Буря. — Порча машины. — В Сан-Франциско. — Деньги и револьвер. — В игорном доме. — В гостинице «Космополит». — Преданность женщины. — Нефтяной король. — Свадьба.

Пароход между тем на всех парах мчался по океану.

Неизвестно, по какому закону люди с родственными душами с первых же минут знакомства становятся верными товарищами на всю жизнь. Как сожалел Бессребреник, что со своим новым другом — командиром «Бетси» — не встретился раньше! Сидя в капитанской каюте, они что-то горячо обсуждали.

— Да, я проиграл, — повторил джентльмен, — остается честно расплатиться...

Подсчитав число миль, сделанных со дня заключения пари, Бессребреник пришел к грустному выводу: оказались непройденными пятнадцать тысяч километров.

Но возвращение его в Америку не было скорым. Страшная буря заставила «Бетси» потерять около шести дней; машина получила повреждение и смогла прибыть в Сан-Франциско только 8 мая вечером.

В распоряжении Бессребреника оставалось всего четыре с половиной дня, а поезд до Нью-Йорка идет ровно шесть суток. Значит, прибыть туда вовремя уже не было возможности.

Капитан предложил Бессребренику деньги на дорогу и револьвер; тот принял подарок с условием: после самоубийства пистолет снова должен вернуться к хозяину, который сможет продать его за хорошую цену какому-нибудь англичанину — любителю достопримечательностей.

В бессильном бешенстве шагал джентльмен по главной улице Сан-Франциско, залитой электрическим светом. Деньги, звеневшие в кармане, напоминали: ты уже не Бессребреник. Он искал выхода из своего положения и не находил его. И вдруг — мысль: играть! Друг-капитан указал «hell» — ад — игорный дом, где шла крупная игра в рулетку. Джентльмен подошел к столу и разложил все свои банкноты на две равные стопки: сто долларов на красное и сто на номер тринадцать. Оба вышли, и Бессребренику отсчитали три тысячи четыреста долларов.

Следующие две ставки довели выигрыш до одиннадцати тысяч восьмисот долларов. Бессребреник подумал: «Если бы выиграть два миллиона!.. Я расплатился бы с Джимом Сильвером... по телеграфу... было бы славно!»

Он продолжал играть, ставя наудачу. Золото прибывало, но ему казалось — очень медленно. Забрав свой выигрыш — триста тысяч долларов, он пошел бродить по залам. За ним давно уже следил с любопытством высокий, седой, вполне порядочный на вид джентльмен. Когда Бессребреник собирался попытать счастья в «скачке», джентльмен без церемоний заговорил с ним, спросив, имеет ли он в виду, играя, только развлечение или деньги? Бессребреник ответил, что нуждается в двух миллионах и намеревается выиграть их или пустить пулю в лоб. Джентльмен, со своей стороны, признался, что играет только ради азарта. Он предложил Бессребренику сесть за «экарте» и не вставать до тех пор, пока один из них не проиграет двух миллионов. Бессребреник согласился. На первую ставку он ставил весь свой выигрыш, а джентльмен вдвое больше. Принесли стол и карты. Игроков обступила толпа любопытных. Бессребреник выложил деньги, джентльмен вынул из кармана чековую книжку с золотым карандашом. Началась игра. Бессребреник выигрывал; джентльмен хладнокровно подписывал чеки. Ставки все удваивались. Наконец, куш Бессребреника достиг миллиона двухсот тысяч долларов. Джентльмен подписал новый чек и спросил своим беззвучным голосом:

— Играем на квит или двойной проигрыш?

Между зрителями пробежал ропот изумления: это была последняя партия, от которой зависела жизнь Бессребреника. Распечатав новую колоду, он спокойно сдал карты. У незнакомого джентльмена оказались на руках король, валет и туз! Бессребреник сделал ход для очистки совести и проиграл. Слегка пожав плечами, он отдал партнеру все свои деньги вместе с чеками:

— Я проиграл и, к своему величайшему сожалению, остаюсь вам должен четыреста тысяч долларов.

Партнер вежливо поклонился, предлагая продолжать игру на честное слово. Но Бессребреник отказался:

— Мне невозможно принять ваше предложение. — Я — Бессребреник. У которого нет и гроша в кармане.

— Вы — Бессребреник, тот самый, который держал пари с Джимом Сильвером?.. Рад, что познакомился с вами, но еще больше сожалею, что не проиграл вам двух миллионов — ненавижу серебряного короля!.. Чем могу быть вам полезен? Я — Джой Вандерплек, железнодорожный король...

В вашей ли власти немедленно приказать снарядить поезд-молнию, который доставил бы меня в Нью-Йорк за четверо суток?

— Само собой разумеется. Едемте на станцию.

— Позвольте мне взять с собой товарища, капитана «Бетси».

Капитан находился тут же, и все трое, не теряя ни минуты, поскакали на центральную станцию. В четверть часа железнодорожный король собрал всех своих служащих, и менее чем через час поезд был готов к отправлению. Железнодорожный король сам сел в вагон с Бессребреником и капитаном, дав сигнал отправления. Вперед, на расстоянии двадцати пяти миль, был пущен передовой локомотив, расчищавший путь для мчавшейся «молнии».

Бешеная езда продолжалась все четверо суток; железнодорожный король знал, как поддержать рвение машинистов, и те, не обращая внимания на указания манометра, увеличивали силу пара.

Весть о возвращении Бессребреника, принесенная в Нью-Йорк телеграфом, произвела сенсацию. Никто не знал, проиграл свое пари джентльмен или выиграл; уже за сутки до назначенного дня гостиница «Космополит» была битком набита любопытными. Ровно в двенадцать часов без тринадцати минут. Тринадцатого мая поезд подошел к станции.

— Какое странное совпадение чисел! — заметил железнодорожный король. — Для меня число тринадцать всегда было счастливым; что-то оно вам предвещает?

— Просто цилиндрическую пулю калибра девять миллиметров в висок!

На станции прибытие Бессребреника было встречено приветственными криками толпы. Не останавливаясь ни на минуту, джентльмен и его спутники вскочили в карету и помчались в гостиницу «Космополит». Было без двух минут двенадцать, когда взмыленные лошади остановились перед отелем. Толпа на руках внесла Бессребреника в зал, где возвышалась эстрада.

Джентльмен не торопясь вынул из кармана револьвер, данный ему капитаном, положил его перед собой на стол и жестом попросил молчания:

— Я слишком понадеялся на свои силы и проиграл. Двух миллионов, чтобы уплатить мистеру Джиму Сильверу, у меня нет, и поэтому, согласно нашему условию, я расстаюсь с жизнью...

Часы начали бить. Бессребреник взял револьвер и поднес к виску, ожидая последнего удара.

И тут в толпе произошло волнение, и, так же как год тому назад, раздался чистый женский голос:

— Стойте! Я выхожу замуж за джентльмена!

Миссис Клавдия подбежала к Бессребренику, размахивая какой-то бумагой. Джентльмен невольно опустил револьвер.

— Клавдия, милая Клавдия, вы спасаете Бессребреника?!

— Не Бессребреника, у которого нет ни гроша в кармане, а богача, нефтяного короля!

Пораженная толпа молчала. Рядом с миссис Клавдией стоял человек, заметно бледневший. Все узнали Джима Сильвера. Он проговорил:

— Миссис Клавдия, вы обманули меня: я считал вас бедной...

— Вы сделали все, чтобы довести меня до нищеты... Вы стали во главе общества, которое старалось сбить цены на нефть, мою нефть, впрочем, что об этом говорить! Мистер Бессребреник, возьмите эту бумагу — чек на два миллиона долларов, которые взяты из вашей доли компаньона фирмы «Бессребреник и К°»,... Помните? Мы сложились с вами, когда у нас ничего не было, кроме долгов и надежд. Теперь долги уплачены, надежды осуществились; мы богаты, как все американские «короли», вместе взятые... Возьмите чек и уплатите.

Джентльмен подошел к Джиму Сильверу.

— Вот заклад вашего пари, мистер Сильвер, — сказал он серьезно. — Бессребреник должен был умереть сегодня... Он умер, но воскресает в лице графа Жоржа де Солиньяка, умоляющего миссис Клавдию Остин стать его женой... Протяните вашу руку, станем друзьями, мистер Сильвер!

Серебряный король с недовольным видом прочел чек и сунул в карман, миссис Клавдия, вся сияющая от радости, взяла под руку своего жениха.

Первыми их поздравили капитан «Бетси» и Джой Вандерплек, затем наэлектризованная толпа разразилась криками «ура!». Железнодорожный король велел приготовить для миссис Клавдии лучшие комнаты лучшей гостиницы Нью-Йорка. В то время как джентльмен провожал ее туда, она успела рассказать, что виновником их обогащения стал знавший «тайну огня» индеец Джо. В благодарность за свое спасение он указал миссис Клавдии обширные подземные нефтяные озера, давшие ей возможность первенствовать на американском нефтяном рынке и «достигнуть счастья, которое для нее тем дороже, что она так много выстрадала».

Свадьбу отпраздновали в три часа дня, а вечером мистер и миссис Бессребреники отправились в свадебное путешествие.